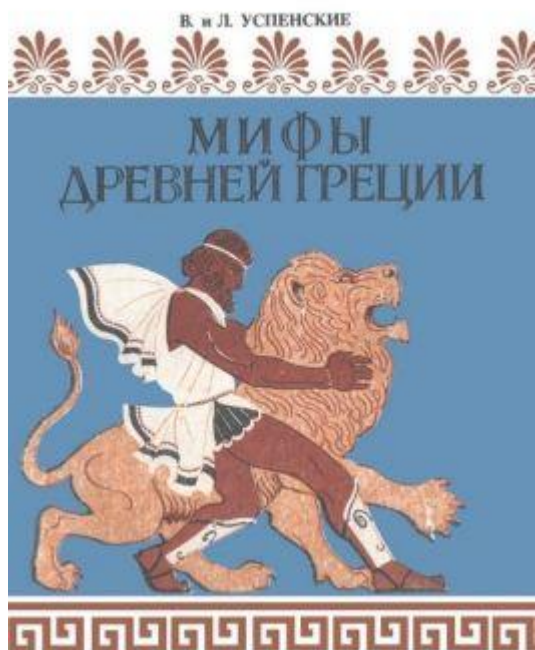

Лев и Всеволод Успенские: Мифы Древней Греции

МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге переданы легенды и предания глубокой древности: самым юным из них — от двух до трех тысяч лет.

Сложены они древними греками еще в те далекие времена, когда люди только начинали вглядываться в окружающий их мир, только приступали к его исследованию и объяснению. Удивительно ли, что на первых порах они делали это неумело, неправильно, наивно?

Слыша, как в грозовых тучах сердито ворчит и грохочет летний гром, они пугались этих звуков и, чтобы объяснить себе, откуда они берутся, воображали огромное, могучее, суровое, но все-таки похожее на человека существо, которое, наверное, свирепствует там, за облаками. Видя, как каждый день восходит на востоке и садится на западе солнце, — иногда такое теплое и ласковое, иногда иссушающее и жестокое, — они начинали и его представлять себе человекообразным существом, богом, разъезжающим по небу в ослепительно яркой колеснице.

Одну за другой, мешая правду и вымысел, придумывали они и рассказывали друг другу удивительные истории: о том, как возник мир и что его наполняет; о том, почему по бурному морю бегут белые барашки волн; о том, почему люди бывают то смелыми и мудрыми, то глупыми и трусливыми, или о том, откуда берется отголосок в лесу, точно повторяющий в тишине каждое громко выкликнутое слово.

Так сложилось множество преданий о богах, героях и чудесных существах — преданий, по-детски наивно объясняющих устройство мира и судьбы человечества. Эти предания, отличающиеся от всяких других сказок и легенд, мы называем греческим словом «мифы»

Зачем же нам сейчас, спустя два с лишним тысячелетия, вспоминать древнегреческие мифы? Ведь мы отлично знаем, что почти все рассказываемое в них — небылицы, неправда.

Тот, кто думает так, забывает одно очень важное обстоятельство: мифы созданы не каким-нибудь одним человеком — их на протяжении долгих веков творил, изменял, поправлял великий художник — греческий народ. В них он воплощал всё, что было ему в те давние дни известно о мире, все свои заветные чаяния, свои огорчения и надежды. И мало-помалу мифы эти стали сокровищницей великолепных образов, прекрасными произведениями искусства.

Изображая своих богов и героев, древние греки с великим искусством воплощали в них самые лучшие и самые дурные свойства человека. Наряду с примерами благородного мужества, беззаветной отваги, крепкой дружбы и нежной любви мы находим в мифах вызывающие отвращение образы самой жалкой трусости, коварства и вероломства.

Как живые глядят и сейчас на нас из этих древних преданий слагавшие их тысячелетия назад люди — простодушные, доверчивые, любопытные и по-своему мудрые. У них — зоркие глаза, чуткие уши, сильные и умелые руки, мужественные, закаленные в борьбе с

невзгодами жизни сердца. Мы видим, как они жили в своих хижинах и дворцах, как они охотились и пасли стада, как воевали и веселились. Мы с глубоким интересом узнаем, что, страдая и радуясь, эти древние люди мечтали стать могучими и справедливыми, стремились побеждать врагов и покорять суровую природу.

Эти мифы учат и нас любить свою родину, ненавидеть предателей, учат благоразумию и бесстрашию.

Эти же самые? Да нет, не только эти. Величайший из древних певцов, тот, кого мы называем ГОМЕРОМ, — хотя даже не можем с уверенностью сказать, жил ли он на самом деле или его величавый образ фантазия древних греков сотворила так же, как создавала она в своих мифах образы громовержца Зевса, хитрого бога торговцев и плутов Гермеса или жадного и злого царька Эврисфея, — этот могучий гений создал две великие песни. Одну — про страшную борьбу между греками и троянцами, жителями города Трои, стоявшего недалеко от берега Средиземного моря в Малой Азии, в теперешней Турции. А вторую — про удивительные и необыкновенные приключения и подвиги одного из участников троянского похода, хитроумного царя маленькой Итаки, Одиссея, носившего также имя Улисса.

Сначала пересказывая друг другу, потом — записав и перечитывая из века в век Гомеровы дивные сказания, люди

понемногу перестали верить в то, что такие события, какие в них описаны, могли на самом деле быть. Еще лет сто назад ученые мужи были уверены, что никогда не существовало ни царя Агамемнона, описанного Гомером, ни Приама, несчастного повелителя разгромленной Трои, да и самой-то Трои, верней всего, не было.

Но вот нашелся среди ученых один, который с детских лет во всем поверил старцу Гомеру. Он поклялся посвятить поискам всю жизнь, но найти сказочную Троию. Для этого он долго работал, добыл достаточно денег, чтобы снарядить экспедицию в овеянные старыми преданиями места. И тогда он поехал в Турцию. И выбрал место, которое походило на описанные Гомером холмы вокруг древнего Илиона — Трои, и начал раскопки, и не обманулся в своей вере.

Ему удалось дорыться в каменистой малоазиатской земле до башен и стен древнего города, до царских сокровищ, до остатков той жизни, про которую пел Гомер.

Этого мало: он отправился на родину царя Агамемнона — в Грецию, в город Микены, — и там, под землей, нашел его могилу...

Конечно, это не значит, что всё в древних преданиях правда и истина. Не жили боги на невысокой горе Олимп! Не метал молнии и громы Зевс, не носилась по знойным лесам Греции легконогая охотница Артемида...

Но Геракл? Кто знает? Может быть, и был в самые далекие века в Греции могучий и добродушный воин по имени Геракл? И может быть, на самом деле плывал через Черное море в далекую

Колхиду быстрокрылый корабль «Арго»? Может быть, пройдет время, и люди узнают, что многое в рассказах об этом не вымысел, а правда.

Когда-нибудь потом, может статься, вам удастся прочесть их в подлиннике, на величавом и звучном греческом языке. Сейчас же, пока это вам недоступно, прочитайте напечатанные в этой книжке два связанных между собой «мифических цикла», две древние повести, состоящие из многих отдельных рассказов, — миф о Золотом Руне и миф о Деяниях Геракла[1].

Бесконечно давно, две с половиной тысячи лет тому назад, греческие дети, сидя на теплом песке у городских ворот или на каменных плитах храмов, слушали, как нараспев, пощипывая в лад струны тихой кифары, слепые певцы-рапсоды начинали перед любопытными эти же самые удивительные повествования:

Слушайте, добрые люди, про то, что свершилось когда-то! Древним сказаньям внимая, последуйте верным примерам: Каждый, рождённый для жизни, быть может и смелым и трусом;

Зло от добра отличать научиться должны мы сызмала!
Слушайте ж, добрые люди, рассказы неспешные старцев:
Каждый, кто в мире родится, свой подвиг исполнить обязан.
В жизни и вы поплывете, как плыли в морях аргонавты, —
Пусть же попутные ветры несут вас к намеченной цели!

ЗОЛОТОЕ РУНО

ФРИКС И ГЕЛЛА

Давным-давно в Греции, между двух синих морских заливов в глубокой долине, отгороженной высокими горами от всего остального мира, лежала страна Беотия.

Под синим небом её высоко вздымалась вершина Геликона, таинственной горы, где между тёмных рощ, над звонкими струями ключа Гиппокрены обитали богини искусств — музы.

Далеко внизу, блестя подобно зеркалу, раскинулось светлое Канайдское озеро. Берега его поросли таким камышом, из которого выходят самые лучшие, самые звонкие и певучие флейты; сюда по ночам, говорили люди, приходил порою сам бог лесов, великий Пан, чтобы срезать тростинку для своей божественной свирели.

Озеро ласково шуршало в пологих берегах, окруженное пашнями, лугами и виноградниками, потому что жители

Беотии были искусными земледельцами. И совсем близко к его воде, отражая в ней свои храмы и башни, дома и ворота, стоял на одном из озёрных берегов беотийский город Орхомен.

В те времена, о которых пойдёт рассказ, владыкою Орхомена был счастливый царь Афамант, сын бога ветров Эола.

Крылатый отец царя Эол днём и ночью носился над морями и над сушей во главе своего воздушного воинства. Он любил своего сына Афаманта и помогал ему. Он хорошо знал, что именно может принести счастье пахарям-беотийцам.

Острыми мотыгами разрыхляли они тучную, горячую землю Беотии, дожидаясь урожая. Больше всего на свете они боялись засухи. Больше всего в мире радовал их крупный, тёплый дождь, омывающий посевы, сладким соком текущий из земли в тяжёлые виноградные гроздья.

Вот почему, когда царь Афамант был ещё очень молод, буйный бог ветра Эол принёс на своих шумных крыльях в Орхомен тихую и нежную пепельнокудрую девушку, богиню животворных туч и лёгких облаков Нефелу.

Была прекрасна Нефела-облачко. Светлым туманом окутывали её стан волнистые мягкие волосы. Большие влажные глаза смотрели с задумчивой лаской — как смотрят

звёзды сквозь лёгкую дымку неба... Афамант полюбил Нефелу. Он женился на ней. И до поры до времени тихо и счастливо потекла их жизнь.

Была прекрасна Нефела-облачко. Светлым туманом окутывали её стан волнистые мягкие волосы. Большие влажные глаза смотрели с задумчивой лаской — как смотрят звёзды сквозь лёгкую дымку неба... Афамант полюбил Нефелу. Он женился на ней. И до поры до времени тихо и счастливо потекла их жизнь.

Богиня дождей и туманов сроднилась с трудолюбивым беотийским народом. Часто выходила она на крышу царского дворца и долго оставалась там, распустив волосы, подняв кверху покрытые золотыми запястьями руки. Стоя так, высоко над городом, она произносила таинственные заклинания.

Тогда отец Афаманта Эол, звеня крыльями, вылетал из своего жилища. Ветер начинал свистать в ветках беотийских сосен, шуршать сухой листвой лавровых деревьев и маслин. Звонкие кузнечики и цикады прекращали стоголосое пение. Юркие ящерицы забивались в щели. Смолкали птицы. Горные орлы опускались в ущелья. Они знали: скоро хлынет животворный дождь.

А Нефела всё пела свои вещие гимны. И по приказу царицы со всех сторон начинали стягиваться к лугам и нивам

Беотии её сёстры-тучи. Отягощённые влагой, собирались они вверху, клубились, громоздились. Сверкала далёкая молния, гремел глухой гром.

И вот уже первые капли дождя прыгают по горячим камням; вот дети, разевая маленькие рты, ловят их прямо на язык; плодовые деревья вздрагивают омытыми листьями; и усталые крестьяне радостно подставляют под тёплый ливень запылённые головы. «Спасибо Нефеле, царице туч! — говорят они. — Теперь у нас будет хлеб и наше кислое, освежающее усталых, вино: дождь идёт!»

Бог Эол часто влетал по ночам то в узкие окна, то в широкие двери Афамантова дворца. Он склонялся над колыбельками, где спали его внуки Фрикс и Гелла. Он шевелил кудри Фрикса, целовал светлый лобик Геллы, веял на них могучим дыханием и, скользнув в царскую опочивальню, шептал на ухо спящему сыну:

— Афамант, Афамант, люби Нефелу-тучку! Береги Нефелу-облачко! В её руках — жизнь и счастье твоей страны.

И пока Афамант слушался мудрых советов, всё шло хорошо.

Но случилось так, что однажды поехал он в главный город Беотии, в семивратные Шивы, к гордому фиванскому царю Кадму. Здесь, на пиру в пышных царских покоях, пленила его взор дочь Кадма, темнокудрая Ино.

Ино была смелой, пылкой, говорливой девушкой, а жена Афаманта Нефела ходила неслышной поступью, говорила тихо, улыбалась робко.

Ино часто и звонко смеялась — Нефела-тучка чаще плакала светлыми слезами умиления.

Ино была всегда весела, как солнечный зайчик, — Нефела нередко становилась тихой и грустной, словно её милые сёстры, бесшумные дождевые облака.

И вот Афамант полюбил весёлую, бурную Ино. Он прогнал прочь кроткую Нефелу, а темнокудрую дочь Кадма взял себе в жёны. Афамант полюбил её, она же не любила никого, кроме самой себя. А больше всего возненавидела мачеха детей Нефелы, мальчика Фрикса и девочку Геллу. Ей не понравилось, что Афамант оставил их при себе, когда Нефела удалилась от него в жилище богов, на далёкую снежную гору Олимп.

Время шло. Фрикс и Гелла стали подростками, и мачеха начала бояться их: ей всё чаще приходило на ум, что, сделавшись взрослыми, они могут отомстить ей за свою мать и погубят её.

Тогда она решилась на коварное дело, чтобы не допустить этого.

Она хорошо знала, что теперь царю Афаманту и беотийскому народу нечего ожидать помощи от обиженной

Нефелы-тучи. Облака давно уже обходили по небу беотийские пределы. Дожди стали редкостью. Всюду клубилась пыль, и землепашцы не знали, стоит ли им бросать семена в накалённую солнцем сухую землю. Ино же собрала женщин-орхомянок и подучила их ещё сильнее иссушить на солнце те зёрна, которые собирались сеять их мужья.

— Надо проучить гордую Нефелу! — дерзко смеялась она. — Нефела думает, что без её заботы вы погибнете! Это ложь. Молитесь богу солнца Аполлону, и он пошлёт вам великий урожай!

Так и сделали орхоменские женщины. Сухие, тощие зёрна легли в сухую, горячую землю, и из многих тысяч семян не взошло ни одно.

Страх обуял беотийцев. Голод грозил их стране. Тщетно молили они небо, чтобы оно послало им освежающий дождь. Напрасно уговаривал многокрылый Эол горестную Нефелу позабыть свою обиду: богиня далеко обходила землю, ставшую ей ненавистной, и горькие слёзы её лились над чужими, дальними краями.

Что было делать людям? Афамант, придя в отчаяние, решил отправить самых мудрых старцев в священный город Дельфы: пусть вещие жрецы Аполлона научат их, как надо поступить, чтобы избежать голода и смерти.

Послы отправились в путь и достигли Дельфийского храма.

— Царь Афамант, — сказали им жрецы, — должен вымолить прощение у Нефелы-тучи. Он должен выполнить всё, что только она ему велит сделать.

Но коварная Ино не позволила передать мужу эти страшные для неё слова. Далеко за стенами города, там, где в тени священной масличной рощи белела статуя бога Гермеса, она, переодетая простой женщиной, встретила Афамантовых послов. Она напоила их дорогим вином. Она осыпала их пышными дарами. Она подкупила их. И, придя в царский дворец, седобородые послы слукавили перед Афамантом.

— О царь! — сказали они ему так, как их подучила Ино. — Чтобы избавить твой народ от бедствия, голода и смерти, ты должен принести в жертву великим богам своего сына Фрикса. Отведи мальчика на священную гору и заколи там над жертвенником. Пусть его кровь брызнет вместо дождя на беотийскую землю. Тогда боги простят тебя, и эта земля принесёт людям великий урожай.

Горько заплакал царь Афамант, услышав эти слова. С криком отчаяния разорвал он свои царские одежды. Он бил себя в грудь, ломал руки, прижимал к себе любимого сына. Но за стенами дворца уже бушевала толпа народа.

Исхудавшие от голода люди смотрели сумрачно. Бледные матери поднимали на руках и показывали несчастному царю своих голодных детей. И царь Афамант решился.

— Пусть один мой сын погибнет, если его смерть спасёт многих! — прошептал он, покрывая голову полой своего хитона. — О Нефела, Нефела! Страшно карают меня боги за мою вину перед тобой. Страшно моё наказание, Нефела! Сжался над нами!

Прошла ночь, полная тоски и плача. И вот на высокой священной горе, под густолиственной смоковницей собралась на рассвете следующего дня кучка людей. Было тихо, и небо ярко синело. Но странно: над самой вершиной горы с утра стояло в голубом небе лёгкое, светлое, сияющее облачко.

Всё было уже готово для жертвоприношения. Белый камень, обгрённый кровью бесчисленных барашков и тельцов, вымыли ещё с вечера. На медных треножниках зажгли в курильницах зёрна душистого ладана. Принесли широкогорлые сосуды с водой. Старый суровый жрец, держа в правой руке острый и кривой нож, протянул левую. Он безжалостно схватил за кудрявые чёрные как смоль волосы плачущего, дрожащего мальчика, связанного белым полотенцем.

Мальчик закричал в ужасе. Светлокудрая Гелла, его сестра, с отчаянным воплем бросилась к брату. Жрец грубо оттолкнул её, но вдруг...

Вдруг над горой раздался словно удар грома. И жрец, и все, кто пришёл, чтобы видеть, как будет принесён в жертву царский сын Фрикс, вздрогнули и закрыли глаза руками. Ослепительный свет прорезал воздух. Послышался лёгкий звон, точно невидимая рука перебрала золотые струны огромной лиры. Белое облачко, сияя всё сильнее, налетело на гору, окутало смоковницу, жертвенник, людей и унеслось. А на голых камнях, рядом с дрожащими Фриksom и Геллой, остался овен, барашек, но не простой баран, а золотой. Длинное нежное, но тяжёлое руно его сияло, точно пламя. Золотые рога закручивались крутыми завитками. Широкая спина лоснилась и горела.

— Дети мои! Дети мои, Фрикс и Гелла! — раздался нежный голос из улетающего облачка. — Скорее! Не медлите! Садитесь на спину этого овна. Я спасу вас, о мои дети!

Торопливо, не думая ни о чём, не боясь уже ничего, Фрикс и Гелла схватились руками за пышные пряди золотого руна. Тесно прижавшись, обняв друг друга, они уселись на широкую спину барана. И в тот же миг он, разбежавшись, поднялся с горы в воздух.

Под ним остался страшный белый камень, трава вокруг которого была бурой и жёсткой от пролитой над ней крови. Под ним мелькнули белые черепа и кости убитых здесь во славу богов животных. Старый жрец и другие люди в страхе лежали там внизу, на земле, закрыв головы одеждой.

Подальше, под горой, желтели и белели постройки Орхомена, темнели лесистые долины, серебряными лентами извивались речки, расстилались поля и леса. А волшебный овен нёсся над этой страной, поднимаясь всё выше и выше.

Вот впереди, на дальнем горизонте, залегла тёмно-синяя бесконечная гладь. Она поднималась всё выше и выше, сливалась с небом. То было море. Крепко вцепился тогда в золотые рога овна юный Фрикс. Полными восторга и изумления глазами всматривался он в невиданное зрелище, поддерживая другой рукой испуганную, дрожащую сестру. Он уговаривал её не бояться, показывал ей то на облака, плывущие навстречу, то на мелькающие внизу горы и долины Греции, то на многовёсельные ладьи с красными и белыми парусами, ныряющие в синих морских волнах. Но девочка не слушала его. Великий страх охватывал её всё сильнее и сильнее. Всё её тело дрожало, руки трепетали и не могли держаться за золотое руно, глаза закрывались от ужаса.

И наконец, в тот миг, когда овен покинул берега Греции и понёсся уже над вечно плещущим тёмно-синим морем, слабые пальцы Геллы разжались. Лёгкое тельце

соскользнуло с пылающего золотыми отблесками бока овна. Как пушинка, мелькнула она в голубой бездне и с лёгким всплеском упала в шумные воды. И тотчас же волны сомкнулись над ней, вечно бегущие вдаль, вечно рокочущие волны моря...

Чудный овен не остановился ни на миг. Точно ничего не случилось, он легко нёс вдаль горько рыдающего Фрикса. А то море, которое скрыло навек слабое тельце испуганном дочери Афаманта, люди стали называть с тех пор морем Геллы, Геллеспонтом.

Посмотри на карту Греции, начерченную учёными людьми. Между Европой и Азией ты увидишь узкий пролив. Теперь его зовут Дарданеллами, но это и есть Геллеспонт...

Всё быстрее и быстрее нёсся по воздуху волшебный золотой овен. Он пролетел над другим великим проливом, Босфором, пересёк Евксинский Понт, который люди зовут теперь Чёрным морем, и наконец, тяжелея от усталости, начал опускаться на далёкий берег, над которым во мгле сияли, подобно белым и розовым облакам, величавые горы Кавказа.

Сюда, на берега горной реки Фазиса, в таинственную заморскую страну Колхиду, где царствовал тогда сын бога солнца волшебник Эет, принёс чудесный овен своего опечаленного седока.

Эет заранее знал о том, что это когда-нибудь случится. Известно было ему также и то, что золоторунный овен приносит счастье стране, в которой он пребывает.

Поэтому обрадованный царь ласково принял в своём дворце Фрикса.

— Я воспитаю тебя, как родного сына, о Фрикс, внук Эола! — сказал он. — Но никогда не позволю тебе покинуть пределы моего царства. Овна же твоего надлежит принести в жертву великому гонителю туч, всемогущему Зевсу. Так надо сделать!

Так и было сделано. Овна закололи, а пылающее горячим блеском золота руно повесили на огромном, раскидистом платане в священной роще бога войны Ареса.

Роща эта шумела своими ветвями на берегу Чёрного моря. Высоко над ней вздымались вершины снежных Кавказских гор. Со всех сторон её окружали скалы; охранять же единственный путь к руно Эет приставил ужасного огнедышащего дракона; и днём и ночью ни на миг не смывало чудовище страшных и зорких глаз, сторожа такую драгоценность.

Прошло немного времени, и по всему свету прошёл слух о великом чуде. Все стали говорить про волшебное руно, вечно сияющее, как жар, в тёмной роще на берегу Чёрного моря. Дошёл этот слух и до далёкой Беотии. И царь Афамант,

умирая от старости, завещал своим потомкам во что бы то ни стало добыть и вернуть в Грецию это приносящее счастье руно. «Вот отчего, — говорили люди, — зависит, будут ли счастливы внуки и правнуки Афаманта».

ЯЗОН ПРИХОДИТ К ЦАРЮ ПЕЛИУ

В эти самые дни старый пастух Ферсандр, житель одного прибрежного селения в Фессалии, кочевал вместе со своим стадом по склону великой горы Пелиона. Каждый день он гнал своих коз всё выше да выше в горы, а к ночи разводил костёр где-нибудь под каменистым уступом, доставал из мешка горсть сушёных фиг и пресную лепёшку, ужинал, запивая пищу чистой водой, и ложился спать до утра.

Однажды он проснулся на рассвете, так как его разбудило цоканье копыт по кремнистой тропе.

«Странно! — подумал Ферсандр. — Откуда бы здесь в горах мог взяться всадник?»

Однако топот всё приближался, потом слышались голоса. Кто-то ехал по дороге за кустами, обогнул каменистый уступ и наконец остановился чуть-чуть пониже Ферсандра.

— Ну что же, отец? — услышал пастух слова, сказанные молодым, звонким голосом. — Вот большой камень, вот и перекрёсток. Настало время разлуки. Поведай мне то, что

хотел сказать, и отпусти меня с миром. Боюсь одного: не подслушал бы ктонибудь прежде времени твоей тайны.

— Не тревожься, сын мой, — ответил другой голос, глухой и хриплый, и Ферсандр вздрогнул, услышав его. — Никто не видит нас. Здесь только стадо коз бродит по склону да, наверное, где-нибудь спит пастух: я чую запах потухшего костра. Но что нам до этого? Сядь на обломок скалы, а я лягу перед тобой: мои копыта устали...

Старый Ферсандр был любопытен, как мальчик; к тому же он любил в долгие зимние ночи рассказывать легковверным односельчанам всякие небылицы про то, что случается видеть летом в лесу.

Осторожно, стараясь не нашуметь, он подтянулся на локтях по каменной плите и через её край заглянул вниз на дорогу. «Зевс-вседержитель!» — прошептали тотчас его губы.

Под старым дубом, на огромном валуне сидел юноша лет двадцати, не более. Мужественное лицо его было прекрасно. Золотистые кудри, подхваченные узкой тесьмой, не закрывали высокого лба. В руках он держал охотничий дротик, на ногах были запылённые пёстрые сандалии, сплетённые из белых и коричневых ремешков, а через плечо накинута мягкая и яркая шкура барса. Он сидел, улыбаясь, положив ногу на ногу; прямо же против него на траве,

подогнув под себя передние ноги, как это делают утомлённые долгим путём кони, лежал огромный, белый, как серебро, кентавр[2].

Мощная спина человека-лошади была смочена утренней росой, длинная волнистая грива спускалась на траву. По густой седой бороде, по белым как снег волосам можно было видеть, как стар кентавр: только брови темнели у него над черными мудрыми и добрыми глазами. Он лежал спокойно и с любовью глядел на юношу, а тот ласково перебирал рукой пряди его длинной серебряной бороды.

— Ну что же, отец? — сказал наконец юноша. — Что хотел ты поведать мне?

Кентавр помолчал несколько мгновений.

— О Язон, сынок! — промолвил он затем, и эхо подхватило отголоски его речи. — Настал день, которого я давно боялся. Но он не мог не прийти. Ты должен узнать всё. Ты должен узнать, кто ты таков и что тебе надо теперь делать...

Так вот, Язон. Недалеко отсюда, на берегу моря, стоит богатый город Иолк. Много лет назад построил его тут мудрый Кретий, брат Орхоменского царя Афаманта. Боги благословили его дела. Город вырос и процвёл, и Кретий, умирая, вручил власть над ним своему сыну Эсону. Эсон должен был царить в Иолке по праву и закону. Но случилось

так, что пасынок Кретия, Пелий, восстал против своего брата, свергнул его с престола, отнял у него власть и сам стал царить над Иолком. Несчастный же Эсон, скрываясь от злобного брата, поселился на окраине города, приняв другое имя, и до сих пор живёт там в нищете и неизвестности. Ты слышишь, сын мой?

— Я слышу всё, отец! — сказал Язон. — Прости моё невежество: это тот Афант, сына которого унёс за море золотой овен?

— Тот самый, Язон. Что скажешь ты на это?

— Я думаю, отец! Но я никак не пойму, зачем мне знать о несчастье Эсона?

— Клянусь моим бессмертием, Язон, ибо ты знаешь, что я бессмертен! Тебе надо услышать об этом. Так слушай же!

Спустя немного лет у Эсона родился сын. Эсон побоялся растить мальчика у себя в Иолке: он думал, что жестокий Пелий может убить его. Он распустил слух, будто ребёнок умер, едва родившись. Он даже справил по нём пышные поминки. Когда же стемнело, он запеленал мальчика в белое полотно, взял его на руки и понёс в лесистые ущелья горы Пелиона. Он знал, что там обитает старый кентавр Хирон, друг всех обиженных. И вот он принёс сына Хирону.

— И добрый, мудрый Хирон взял от него мальчишку? — улыбнувшись, спросил юноша.

— Да, он взял этого мальчика, — отвечал кентавр, — он взял его в свою пещеру и вырастил и воспитал среди других кентавров, и полюбил его, как родного... И — слушай меня хорошенько — по просьбе отца он назвал своего воспитанника Язоном...

Кентавр ещё не успел договорить, как юноша спрыгнул с камня. Глаза его засверкали, лицо побледнело.

— Отец мой, возможно ли это? Это был я? — вскричал он. — Значит, я сын Эсона? Отец мой... Теперь я вижу, что мне надо делать. Я должен предстать перед Пелием... Я должен вернуть отцу его царство!..

При этих его словах старый кентавр с шумом поднялся на ноги.

Испуганный Ферсандр отпрянул назад и притаился в кустах. Когда же наконец он осмелился вновь глянуть на дорогу, на ней уже никого не было.

Тогда хитрый пастух неторопливо пошёл было в глубь леса.

Но, отойдя немного, он вдруг остановился, оперся на посох и взял в руку свою редкую бороду. Прищурив глаза, шевеля беззубым ртом, он долго стоял так совершенно неподвижно. Он размышлял о чём-то.

— Ноги юноши легче, чем ноги старца! — усмехнувшись сказал он. — Но старец знает ближнюю дорогу в Иолк, а юноша нет. Значит, старец первым войдёт во дворец Пелия и расскажет ему про всё, что видел и слышал. И — как знать? — может быть, тогда Пелий сделает его пастухом царского стада... Думаю — сделает!..

— Ноги юноши легче, чем ноги старца! — усмехнувшись сказал он. — Но старец знает ближнюю дорогу в Иолк, а юноша нет. Значит, старец первым войдёт во дворец Пелия и расскажет ему про всё, что видел и слышал. И — как знать? — может быть, тогда Пелий сделает его пастухом царского стада... Думаю — сделает!..

Он осмотрел своих коз, разбудил мальчугана-подпаска, сказал, что он вернётся лишь завтра к вечеру, велел остерегаться волков и змей и ушёл извилистой каменистой тропой через гору...

В тот же день, в полуденное время, дряхлая старуха нищенка сидела на берегу быстрой горной реки, текущей вниз со склонов Пелиона. Солнце пекло, мухи кружились над ней, а по дороге никто не шёл. Сама же старуха без помощи боялась идти вброд через бурную речку.

Наконец неподалёку зашуршали кусты, и из них вышел на берег старый пастух с длинным посохом в руке, с кожаным мешком за плечами. Едва выйдя на дорогу, он

остановился, зорко оглядел её в обе стороны из-под руки и усмехнулся.

— Здравствуй, старая! — крикнул он нищей. — Давно ты сидишь тут? Скажи мне, не проходил ли через этот брод юноша, прекрасный, как бог Гермес, в пёстрых сандалиях и в барсовой шкуре, накинутой на одно плечо? Нет? Хорошо. Но всё же мне надо торопиться. — И он стал спускаться к воде.

— Помедли, пастырь! — заговорила вслед ему старуха, кряхтя и стараясь встать. — Не уходи один. Ты крепче меня, у тебя посох. Помоги мне перебраться через поток...

Но пастух даже не замедлил шага.

— Куда тебе спешить? — насмешливо крикнул он. — Сиди спокойно, мать наших бабушек. Наверное, и без того скоро вещая Мойра[3] обрежет нить твоей старой жизни. Мне некогда возиться с тобой. Я тороплюсь!

Он перешёл реку и скрылся за скалами на том берегу, а старуха, погрозив ему вслед тощим кулаком, бормоча что-то себе под нос, снова уселась на камнях.

На этот раз ей пришлось ждать не так долго. Лёгкие шаги слышались за ее спиной, и из-за поворота дороги вышел юноша. Наверное, он шел издалека: дорожная пыль покрывала его ноги до колен, на лбу блестели капельки пота. Но глаза его сияли по-юношески радостно, и, спускаясь с речного берега к броду, он звонко напевал.

Увидев его, старая нищенка снова начала подниматься с камня.

— Здравствуй, матушка! — крикнул юноша. — Что делаешь ты тут одна среди пустыни?.. Да будет благословен твой путь!

— О юноша-герой! — заплакала старуха, прикрыв глаза ладонью и глядя на него против солнца. — О юноша-герой! Я не смею утруждать тебя просьбой. Но я так стара, а поток этот такой бурный. Никто не хочет перевести меня на тот берег... Помоги мне, и благие боги дадут тебе то, что ты ищешь!..

Тогда юноша, не говоря ни слова, сошёл со своей дороги. Бережно и ласково поднял он могучими руками слабое старое тело, прижал его к себе, как отец ребенка, и, перенеся через реку, осторожно опустил на землю. Только выходя уже из буйного потока он споткнулся: бурливая река внезапно сорвала сандалию с его левой ноги и в одно мгновение увлекла её в свои пенные струи.

Однако делать было нечего. Молодость не унывает от таких ничтожных огорчений. Обутый лишь на одну ногу, путник двинулся дальше. Немного спустя он увидел седого пастуха, печально сидящего на краю дороги. Согнувшись, пастух морщился, держась рукой за правую стопу.

— Что с тобой, старый человек? — окликнул его юный, проходя мимо. — Что тебя печалит? Скажи, может быть, я помогу тебе?

Но старик вместо ответа сердито отвернулся. Он ничего не сказал прохожему: помочь ему было нельзя. Острый шип глубоко вонзился в его пятку. Он не мог идти быстро. Он не мог выполнить того, что задумал. С досадой и гневом глядел он теперь, как всё уменьшается вдали на дороге стройная фигура юноши с шкурой барса на плече, юноши, обогнавшего его на пути в Иолк. Но ни молодой, ни старый не знали одного: нищая старуха, сидевшая у реки, всё ещё смотрела на них издали. Только она стала теперь молодой и стройной девушкой. На голове её блестел медный шлем, в руке колебалось лёгкое копье. И, ослеплённая солнцем, у неё на плече сидела сова, ибо эта девушка была богиней мудрости Афиной.

КАК ПЕЛИЙ ВСТРЕТИЛ ЯЗОНА В ИОЛКЕ

В тот же самый день, но уже к вечеру, царь Пелий возвращался с купанья домой в свой дворец. Пелий был горбат и некрасив; хороши были только большие умные глаза. Но колесница, на которой он ехал по городу, запряжённая четвёркой быстрых коней, была прекрасна, воины его свиты блистали золотыми щитами и доспехами, и простаки, расступаясь перед ним, восклицали: «Велик и

славен наш царь Пелий!» Вдруг колесница замедлила бег: посреди площади сгустилась толпа народа.

— Что там такое, Архимед? — спросил Пелий у сопровождавшего его вельможи.

— Там нет ничего удивительного, о царь! — ответил Архимед. — А впрочем, я ошибся: там есть нечто удивительное. Там стоит странный юноша, прикрытый пёстрой шкурой барса. Он прекрасен, как юный бог винограда Дионис. Он опирается на лёгкий дротик. И у него только одна сандалия на правой ноге.

Архимед сказал это и вздрогнул, потому что Пелий крепко схватил его за локоть.

— Сандалия на одной ноге? — вскрикнул царь. — О горе! Я погиб, Архимед! Разве ты не помнишь?

И Архимед побледнел. Он вспомнил.

Много лет тому назад мудрые жрецы бога Аполлона предсказали Пелию: «Ты будешь царствовать спокойно и счастливо, но лишь до тех пор, пока тебе не встретится человек, обутый только на одну ногу. А когда это случится, — дни твои сочтены, и гибель неизбежна. Тогда — не борись с судьбой!»

Царь Пелий был коварен и себялюбив, но ни трусость, ни глупость не были свойственны ему. Чёрные глаза его

сверкнули из-под мохнатых бровей; откинув полы одежды, он вырвал ременные бразды из рук возницы и, круто натянув их, подъехал к юноше.

— Странник — сказал он, надменно смотря на толпу с высоты колесницы. — Скажи нам, кто ты, куда держишь путь и где живут твои родные? Но отвечай только правду. Страшись осквернить уста ложью: с тобой говорит непростой человек.

Юноша всё так же опирался на свой дротик, смотря прямо в глаза царю.

— Я тоже не простой человек, а горожанин! — спокойно отвечивал он. — Я Язон, сын Эсона.

В тёмных лесах Пелиона, кентавром Хироном воспитан,
Юность свою я провёл в дикой глуши сиротой.
Но благосклонные судьбы иной мне назначили жребий:
Должен себе я вернуть царство отца моего!
Хитростью Пелий коварный лишил его власти законной.
По справедливости я должен врага наказать.
Путь укажите мне, граждане, верный в чертоги тирана —
Честно и прямо своей доли потребую я!

Смелый юноша говорил так простодушно и открыто, большие глаза его смотрели столь бесхитростно и честно, что Пелий почувствовал, как надежда зарождается у него в сердце.

«Он простак, этот сын Эсона! — подумал Пелий. — Не надо его раздражать. С таким человеком хитростью и притворной лаской так же легко совладать, как с молодым львёнком».

И, прищурясь, он ответил Язону совсем мирно:

Юный красавец, узнай: с тобою беседует Пелий.
Он не тиран и не враг замыслам гордым твоим.
Жребий отца твоего был предначертан богами;
Я, покоряясь судьбе, только его выполнял.
Люди тебя отведут к честной обители отчей.
Отдых вкусив, приходи смело в мой пышный дворец.
Там я тебе расскажу, что боги велели мне сделать:
Если судьбой суждено, будешь ты в Иолке царём!

Услышав такой ответ от человека, которого он считал своим врагом, Язон удивился и обрадовался: он ещё не знал, как коварны бывают люди. Приветливо улыбнувшись хитрому горбуну, он направился туда, куда его повели жители Иолка, и весёлые иолкские мальчишки с шумом побежали впереди толпы, чтобы посмотреть, чем кончится дело.

Другие же мальчуганы повисли на запятках царской колесницы и, как ни отгоняла их стража, ехали так до самого дворца. Они видели, каким мрачным было чело царя, какие тяжёлые морщины лежали у него над бровями, каким

жестоким лукавством горел его взгляд, когда, сойдя с золочёной колесницы, горбун всходил по мраморным ступеням.

Они-то это видели, но Язон не видел.

КЛЯТВА ЯЗОНА

Прошло несколько дней.

Шумно и радостно стало в бедной хижине, где жил изгнанник Эсон.

Братья Эсона, цари соседних городов, приехали к нему, чтобы отпраздновать возвращение племянника.

Узнав, что Пелий зовёт Язона к себе во дворец, они решили пойти вместе с ним и поддержать его законные требования. Так и было сделано, потому что люди мудрые и опытные не могли сразу поверить в искренность слов тирана.

Но когда Язон вместе с ними предстал перед гордым царём, Пелий принял его всё с той же лаской.

— Ты прав, сын Эсона! — сказал он, выслушав речи юноши. — Ты прав, и я не осмелюсь идти наперекор воле богов. Но знай: прежде чем получить из моих рук Иолкское царство, ты должен совершить великое дело, чтобы умилостивить владыку подземного царства Аида.

Не так давно ночью, во время бури, явилась мне тень несчастного Фрикса, окончившего свои дни в горьком изгнании, в далёкой Колхиде. «Царём Иолка, — сказал мне Фрикс, — будет лишь тот, кто доплывёт до колхидского берега, овладеет Золотым Руном, находящимся там, и водворит его в здешнем храме».

Я стар, Язон. Я не могу, соперничая с тобою, пуститься в далёкий путь. Соверши великий подвиг, и в тот же час я без споров передам тебе законную власть.

Нетрудно увлечь юношу на геройские дела! Гордо поднял кудрявую голову молодой сын Эсона, услышав такие речи.

— Всеми богами клянусь, о Пелий! — вскричал он. — Клянусь дымом родного очага, клянусь сединами отца моего и звонкими копытами кентавра, сохранившего мне жизнь, клянусь моей кровью до её последней капли — я выполню желание Фрикса! Да пребудет нерушимой воля богов! Какие бы препятствия ни стояли на моём пути, я уничтожу их. Хитростью и силой я овладею волшебным руном и, чего бы это ни стоило, верну иолкский престол роду моих отцов!

Так говорил он, и братья Эсона, Ферет, царь Фер, Амифаон, царь гористой Мессении, кивали головами, одобряя эти речи. Согласно с ними качал втянутой в плечи головой и Пелий, пряча усмешку в чёрной жесткой бороде:

он не верил, что кто-либо сможет овладеть заповедным руном. Он думал, что Язон скорее всего погибнет в походе. И эта надежда веселила его...

ПОСТРОЙКА КОРАБЛЯ «АРГО»

И вот по всем дорогам Греции, вдоль кремнистых горных троп и поросших лаврами долин, всюду и везде, от утонувшего в лазурном море острова Киферы на юге до диких ущелий Македонии на севере, от западного моря до восточного, пошли, поползли, полетели новые слухи.

Может быть, это крикливые чайки, скользя на серебряных крыльях вдоль скалистых и песчаных берегов, разнесли повсюду дивную весть?

Может быть, золоторогие лани Киренейского леса, приходя по ночам на водопой, написали её звонкими копытцами на белом песке возле источника? Или, может статься, туманная Нефела приказала своим сёстрам-тучкам поведать всем людям о том, что задумал Язон? Так было то или иначе — неизвестно; но только месяца не прошло, как не осталось мужа во всей Греции, который бы не знал, к чему готовится храбрый юноша из дальнего Иолка.

Молодые воины задумывались, чистя щиты или натягивая дротики: «Язону понадобятся крепкие руки».

Старые моряки с Эвбеи и Саламина,[4] услышав новость, устремляли взоры в синюю морскую даль: «Колхида — за морем. Язону нужны гребцы и кормчие».

Плотники из Пирея вопрошали встречных: «Не зовёт ли Язон к себе опытных строителей кораблей?» И девушки спрашивали юношей, говоривших им нежные слова: так же ли мужественны они, как славный Язон, сын Эсона?

Понемногу со всех сторон в тихий Иолк начали собираться смельчаки из разных концов Греции. Много явилось сюда храбрецов, чьи имена наводили страх на недругов одним своим звуком.

Пришёл быстрый, как лесной олень, Мелеагр, славный победитель грозы лесов — Калидонского вепря. Рука об руку с ним постучались в двери Язона товарищи Мелеагра по страшной охоте: покоритель чудовища Минотавра Тезей, могучий Анкей, осторожный и хмурый боец Теламон. Не отставая друг от друга ни на шаг, с одинаковой усмешкой на лицах, пришли прекрасные близнецы Кастор и Полидевк, дети божественной Леды и лебедя-Зевса. Два других брата, сыновья могучего бога северных ветров Борея, прилетели на широких крыльях, дарованных им свирепым отцом. Чёрные с серебром кудри их развевались в беспорядке за широкими плечами. Взоры горели холодным светом, как звёзды

морозной ночи, и в то же время были чернее самой тёмной тьмы. Редкий человек мог выдержать их суровый взгляд.

И быстроглазый Линкей, опытный кормчий, глаза которого видели сквозь воду и сквозь камни, и мощный Мопс рядом с добродушным Евфалом, и ещё юный Пелей, который потом родил великого воина Ахиллеса, надежду греков, — все они один за другим явились на призыв Язона.

Но ещё раньше, задолго до того, как Язон отобрал из пришедших храбрецов крепкую дружину, застучали молотки и топоры неподалёку от Иолка на песчаном берегу полуострова Магнезии и в расположенных поодаль горах. То славный строитель кораблей Арг, сын Арестора, повелевая рабами и свободными плотниками, положил начало Язонову кораблю.

Наверху, высоко в горах, лесорубы валили стройные сосны, и задумчивые волы, жуя жвачку, тащили душистые брёвна вниз по склону. На полях Иолка собирали коноплю, трепали её чистыми дощечками, чтобы лучшей пенькой конопатить пазы судна. По ночам на берегу горели костры: то в огромных медных котлах варилась ароматная смола для корабельных бортов и днища. А посреди всего этого, среди дыма, стружек и солёного ветра, подвязав простым шнурком непокорные волосы, двигался с большим бронзовым циркулем в руке седовласый спокойный Арг. Он то

прилаживал одну к другой благоуханные сосновые доски, то указывал, как крепить уключины, то подолгу сидел на камне там, где на белом приморском песке был вычерчен по его замыслу гордый корабль, который он хотел построить.

Язон и его дружина то и дело ходили на берег, к месту постройки. Опытной рукой брался Линкей за кормило. Придирчиво испытывали братья Бореады[5] крепкий парус. С сомнением ударял меднообутой ступнёй Теламон в прочно скреплённый киль. Арг только улыбался спокойной улыбкой. И скоро все должны были признать, что другого такого корабля еще не видели глаза человека.

Арг не один создал такое чудо, говорили люди. Нет, конечно! Ему, наверное, помогала мудрая Афина, богиня всякого искусства и художества. Недаром старый строитель по ночам не отлучался от своего детища! Недаром в корму корабля вделал он кусок от ствола священного дуба из её рощи, вырезал на нём её изображение. Без помощи богов не мог человек соорудить подобное судно!

Наконец корабль был готов. А незадолго до этого дня ещё три героя присоединились к Язоновой дружине. То был славный фракийский певец Орфей, который принёс с собой не меч и не копье, как другие, а только золотую семиструнную кифару; то были соперник Линкея в искусстве править рулём Тифий и мощный, точно выкованный

Гефестом великан, молодой сын царя Амфитриона — Геракл. Он один среди всех ходил грустный и задумчивый; тяжёлые думы омрачали его чело; страшное дело случилось с ним недавно: одурманенный богиней безумия Атэ, он в бреду убил своих детей и теперь, участвуя в трудном походе, хотел искупить невольную вину.

Все вокруг знали о тяжёлом горе Геракла, и суровые воины старались, кто чем мог, скрасить ему дни, полные страдания.

Орфей же вначале не понравился своим товарищам. Он был слишком нежен, слишком красив, слишком похож на переодетую девушку. Длинные пушистые волосы падали на его плечи, тонкие руки всё время перебирали золотые струны кифары, висевшей на широкой перевязи через плечо. Хмурый Теламон, всё видевший в мрачном свете, пожимал сердито плечами при взгляде на него. Но Язон приветливо встретил великого певца: ещё кентавр Хирон рассказывал много чудесного про его песни, а Язон верил каждому слову своего мудрого воспитателя.

ОТПЛЫТИЕ АРГОНАВТОВ

Наступил долгожданный срок.

Утром Арг откинул волосы с покрытого потом лба и засмеялся впервые за много дней. Суровые плотники в лад ударили по смолистым клиньям, удерживавшим судно на

берегу. Подобно лебедю, сходящему с берега в воду, скользнул гордый корабль на пенные волны залива. Подобно жителю вод, острорылому дельфину, двинулся он вперёд, весело разрезая белые гребни. Мощными кликами радости приветствовали его собравшиеся на берегу воины.

Прорицатель же Феон поднял вверх руки и указал на лёгкое облачко, словно остановившееся в вышине над мачтой.

— О Нефела, властительница туч! — воскликнул он. — Мы взываем к тебе, отправляя своих детей в далёкий путь по велению твоего сына! Пошли им ясное небо над спокойным морем, Нефела! Ты мать вечерних облаков и утренней свежей мглы! Разгони туманы, преграждающие дорогу мореходам. Сделай ясными дали и благоприятным цвет зари. Не оставь их твоею милостью в пути, о Нефела!

И, обратившись к смелым воинам, он сказал, что по желанию богов надо отплывать в путь завтра, чуть забрезжит утренний свет.

Лёгкую же ладью эту должно назвать гордым именем «Арго» — в честь сына Арестора, искусного Арга, строителя дивного корабля...

* * *

Ещё звучные цикады не прекратили своего звона в мокрых и блестящих листьях лавров; ещё холодно было на пригорках, овеваемых лёгким морским ветерком, и тихий

зной вчерашнего дня стоял ещё в лесистых долинах; ещё не успела румяная Эос[6] подняться над сонными волнами; высоко на бледном небе сияла ещё маленькая Селена-Луна, и свет её смешивался с чистым блеском утренней звезды, Геспера, — когда опытный кормчий Тифий разбудил воинов Язона.

Корабль «Арго» тихо покачивался у берега. Старец Эсон вместе со многими жителями Иолка стоял на берегу, готовясь проститься с сыном. Слезы катились по его седой бороде: кто мог сказать, вернут ли назад его Язона вечно шумящие волны?

Тускло горели костры; от прибрежных камышей клубами восходил туман. Далеко на берегу разносились вздохи тех, кто пришёл проститься с героями.

Твёрдым шагом, гулко ступая затянутыми ремнём ногами, взошли моряки «Арго» на своё судно. Впереди, на носу, неподвижно стал самый зоркий — Линкей. Сзади, положив руку на изогнутую, как шея лебедя, рукоять кормила, склонился рулевой Тифий. По двое на каждой скамье сели смельчаки: могучий Геракл с Теламоном, Тезей с быстроногим Мелеагром, Анкей с Адметом. За одно весло взялись дружно Кастор и Полидевк. За одно весло взялись и братья Бореады.

Вот гортанно вскрикнул Тифий, и сразу же закипела вода под дружными ударами вёсел. Стремительно, как чудная морская птица, двинулся «Арго» вперёд, унося на своей спине отважных моряков-аргонавтов. Всё дальше и дальше скользит он по утреннему морю. Всё выше и выше по прибрежным холмам карабкаются те, кто пришёл проводить смелых.

С острой скалы смотрит на море старый Эсон, и утренний ветер треплет его мокрую от слёз бороду. А там, в безбрежном просторе моря, навстречу заре несётся «Арго». Вот видно — подняли аргонавты на нём четверугольный парус. Вот выглянуло из-за морских волн солнце, и чёрной точкой на его пылающем диске означился этот парус в последний раз.

— Так и всегда! — сказал Эсон, протянув в ту сторону дрожащую слабую руку. — Так сотни и тысячи лет будут уплывать смелые, сильные, молодые люди в неведомые страны. Так и всегда будут рваться за ними сердца их ближних, полные гордости и тревоги за них... И всегда, во веки веков, все они, уплывающие и остающиеся, будут в час разлуки на морском берегу вспоминать это утро, это море, этот тонущий в заре парус, парус аргонавтов!

Он не договорил и остановился. Он замолк потому, что в этот миг случилось что-то странное.

Внезапно со стороны моря пахнул лёгкий порыв ветра, и тотчас же на его крыльях издали донеслись неслыханные звуки. Нежное, как дуновение ветерка, мощное, словно шум морского прибоя, более сладостное, чем аромат цветов, пение зазвучало вокруг. Трудно было понять, откуда доносится дивная музыка. Одним казалось — это гребни волн превратились в певучие струны. Другим мерещилось, что столь сладко звучат натянутые над горой золотые лучи солнца, сияющие меж густолиственных древесных ветвей. Все замерли, все застыли. Даже сами старые горы как бы прислушивались к неземным звукам.

Потом всё смолкло. А когда всё смолкло, старец Эсон положил руку на плечо мальчика-слуги.

— Подними голову, отрок! — торжественно сказал он. — Подними лик свой, оглянись и запомни всё, что видишь вокруг. И не забывай этого утра до самой твоей смерти. Ибо в это утро ты слышал то, что судьба позволяет слышать немногим. Ты слышал пение великого Орфея!

И в самом деле, то звучал голос божественного певца. Потому что едва первый луч солнца коснулся синих риз морской богини Амфитриды, Орфей там, на носу корабля, положил пальцы на струны золотой кифары.

В тот же миг, как замороженные, замерли герои-аргонавты, подняв из воды вёсла. Тяжёлые капли влаги

перестали падать с них в море: они застыли на весу, чтобы слушать Орфея. Лёгкий ветер не налегал больше на парус: он боялся звоном снастей помешать дивному Орфею. За кормой подняли плавники бесчисленные пёстрые рыбы, появились скользкие, точно из густого чёрного масла вылитые, дельфины. Как замороженные, плыли они в пенистых струях и не хотели свернуть в сторону, потому что их околдовал своим пением певец всех певцов — Орфей...

Сладко нам вечное море ударами вёсел тревожить.
Хоть нелегко покидать ближних на милой земле!
Манит отважного призрак далёкой, неведомой славы,
Только трусливого мир тайнами смерти страшит!..
Ройте ж могучими вёслами синюю гладь, аргонавты!
Множество гордых вослед вашим путям поплывёт:
Люди в туманную даль никогда не устанут пускаться,
Как за руном золотым, за золотою мечтой!

Так начался великий поход аргонавтов.

АРГОНАВТЫ У КИЗИКА

Удалившись от знакомых берегов, корабль «Арго» много дней разрезал волны спокойной Пропонтиды, того моря, которое сейчас люди зовут Мраморным.

Наступило уже новолуние, и ночи стали чёрными, как вар, которым смолят корабельные борта, когда зоркий Линкей первый указал товарищам на возвышающуюся

впереди гору. Скоро забрезжил в тумане низкий берег, показались рыбачьи сети на берегу, городок у входа в бухту. Решив отдохнуть на пути, Тифий направил судно к городу, и немного спустя аргонавты стояли на твёрдой земле.

Из города бежали навстречу им люди. Здесь жили долионы, народ любимый Посейдоном, богом морей. Юный царь Кизик правил этой страной, охраняя своих подданных от великого страха.

Дело в том, что у самого города поднималась высокая гора, покрытая дремучим лесом. В ущельях этой горы обитали ужасные шестирукие великаны. Нелегко было жить в мире с такими соседями. Только помощь морских богов спасала от их ярости несчастных долионов.

Царь Кизик радушно встретил славных гостей. До глубокой ночи длился пир в веселых покоях дворца при свете многочисленных факелов. Весело гремели струны певцов-рапсодов; музыканты дули в трубы, сделанные из морских раковин. Но поминутно стражи вглядывались в ночную мглу, опасаясь набега шестируких. И аргонавты, качая головами, жалели вечно тревожных долионов.

Утром в тумане «Арго» уже отплывал от гостеприимного берега. Но не успел ещё Тифий в первый раз налечь на верное кормило, как вдруг на ближнем мысу послышался дикий рёв: разводя одними руками верхушки деревьев,

подхватывая другими целые скалы с земли, бежали по склону горы вниз многорукие чудовища. Со злобными воплями они начали метать обломки камней в море, стремясь закрыть ими выход из бухты. И «Арго» повернул назад к земле.

Тотчас же поднялся над склонёнными к вёслам гребцами могучий Геракл. Схватив свой верный лук, он осыпал шестируких дождём метких стрел. С воплями упали некоторые из них на прибрежный песок, когда, издав победный клич, аргонавты спрыгнули на берег.

Прикрывшись окованными медью щитами, сверкая бронзовыми наконечниками копий, плечо к плечу пошли они на неуклюжих, хотя и могучих врагов. Братья же Бореады, Калаид и Зет, взлетели ввысь на своих шумных крыльях, чтобы разить шестируких из-за туч. Пыльным облаком окутал место схватки поднятый ногами сражающихся песок. Когда же он рассеялся, на берегу, залитом чёрной кровью великанов, лежали только подобные срубленным ветвистым дубам многорукие тела: сбегались радостные долионы, да, оправляя сбившиеся доспехи, вытирая травой лезвия дротиков, аргонавты беседовали друг с другом о короткой страшной сече.

Немного времени прошло, и, снова сев на дубовые скамьи, налегли пловцы на упругие вёсла. Полуостров Кизика скрылся вдали.

Однако тёмная судьба не сулила на этот раз удачи путникам.

К вечеру, когда семизвёздная Колесница[7] опустилась к самым волнам моря, вдруг переменился ветер. Гонимый им «Арго» побежал вспять, и скоро снова забрезжили в ночной тьме слабые огни недавно покинутого путниками города долионов. В глубоком мраке пристали аргонавты к берегу, но ещё не успели высадиться на землю, как из полной темноты ударило на них неведомое войско. Было так темно, что никто не мог понять, с кем на этот раз пришлось сражаться: то ли избежавшие смерти великаны явились отомстить за погибших братьев, то ли морские разбойники подстерегли в засаде мирных пловцов?

Долго кипела ночная битва. Звенели мечи, сгибались копья. Враг не видел врага и победитель поражённого. Наконец Язон острым копьём случайно пронзил грудь самого яростного противника. Дрогнули ряды неприятелей и, смешавшись, побежали. В это время первые лучи утренней зари окрасили небо над морем, и тотчас раздался стоустый крик горя.

Нет, не с великанами бились в ночи аргонавты! Не вождя разбойников убил Язон! Это жители города долионов во главе с юным царём напали на пришельцев, потому что приняли их за пиратов. Друзья не узнали друзей. Мирные гости пролили кровь своих радушных хозяев.

Язон убил Кизика.

Скорбь обуяла и аргонавтов, и долионов. пышную тризну справили они совместно над прахом убитых, трое суток оплакивали несчастного юношу царя. А молодая супруга Кизика, дочь Меропа, не перенесла страшного горя, пронзила себе сердце острым мечом.

КАК АРГОНАВТЫ РАССТАЛИСЬ С ВЕЛИКИМ ГЕРАКЛОМ

Всё дальше и дальше уносит крутогрудый «Арго» горсточку плывущих в нём героев.

В тумане проходят мимо него неведомые рыжие, точно львиная шкура, острова. День за днём великий Гелиос-солнце, выходя из морских волн поутру, к вечеру снова опускается в море на своей огнесветной колеснице. День за днём текут волны, убегая за корму, и всё дальше назад уходят берега милой Греции.

Великая скорбь ожидала аргонавтов у берега каменистой Мизии. Незадолго до их прибытия сюда сломалось одно из

прочных вёсел корабля. Тотчас двое из путников, Геракл и ещё один воин, отправились в прибрежный лес, чтобы сделать новое весло. Все видели, как они вышли на берег, но, сколько ни ждали их возвращения, обратно никто не пришёл. Бросились искать пропавших, но чуждая земля была пуста и безмолвна. Гнев и отчаяние охватили дружину. Все заметались по берегу, Язон же впал в такую горе, что, опустив голову, сел неподвижно на корме и не проговорил ни слова, даже когда Тифий, видя, что дело безнадежно, направил судно в открытое море.

Заметив это, друг Геракла Теламон пришёл в ярость.

— Стыд и позор тебе, сын Эсона! — воскликнул он, сжимая кулаки. — Я понял теперь: чёрное сердце твоё полно радости. Все рыдают, а ты молчишь. И неудивительно. Ведь теперь ты избавился от того, кто мог соперничать с тобой в силе и славе. Ты нарочно покинул в беде Геракла. Но если так, — я не спутник тебе. Немедленно возвращайся обратно, Тифий, или я силой заставлю тебя сделать это.

Напрасно уговаривал безумного вещий Мопс, тщетно убеждали братья Бореады. И неизвестно, что случилось бы, если бы внезапно в этот миг из зелёных волн не поднялась со влажным шумом покрытая морской тиной, усеянная ракушками голова водяного бога Главка. Одной рукой Главк

остановил стремительный бег судна и, выжимая пену из зелёной бороды, сказал голосом шумным, как рокот прибоя:

— Не тревожьтесь, славные воины! Успокойся и ты, верный друг Геракла Теламон. Сын Зевса не погиб. По воле богов ему назначен иной жребий. Он должен вернуться в Грецию и там на службе у царя Эврисфея совершить двенадцать великих подвигов, слава которых переживёт века. Вы же плывите своим путём. Да пребудет с вами благословение тучегонителя Зевса!

Услышав такие вести, аргонавты примирились с неизбежным. Теламон, прощённый великим Язоном, сел на своё место. И снова понёсся вдаль стремительный «Арго».

АРГОНАВТЫ ПОСЕЩАЮТ НЕСЧАСТНОГО ФИГЕЯ

Много злоключений ожидало в дороге смелых путников, но из всех им было суждено выходить со славой.

В Вифинии, стране бибриков, задержал их непобедимый кулачный боец, царь Амик, страшный убийца; без жалости и стыда он повергал ударом кулака на землю каждого чужеземца. Вызвал он на бой и этих новых пришельцев, но юный Полидевк, брат Кастора, сын Леды, сразил могучего, проломив ему висок в честной схватке.

Яростная буря однажды носила корабль по волнам и чуть не сокрушила его о скалы, но встал Орфей и божественным пением успокоил бешеные волны.

Наконец Линкей завидел далеко перед собою в лиловатой мгле освещённые солнцем берега Фракии. Мореплаватели двинулись к ним, чтобы, вытащив на берег корабль, осмотреть повреждённое волнами днище, добыть припасов и свежей воды.

Подплыв к берегу, путники разглядели недалеко от воды белый каменный дом. Он был красив и обширен, но печать запустения лежала на нём. Не было видно снующих во дворе рабов, никто не собирал виноградных гроздьев, висящих на лозах, даже тропинка к колодцу заросла от конца до начала колючими травами — остролистом и акантом.

В недоумении приблизились аргонавты к дому. И вот навстречу им вышел, опираясь на посох, слепой старик. Он торопился к гостям, но был так худ и слаб, что еле держался на ногах.

Едва выйдя из дверей, он опустился на траву, окончательно изнемогая.

Люди смелые и благородные всегда с великим почтением и любовью взирают на стариков. Кто знает, может быть, годы назад этот человек, который теперь слабее ребёнка, был великим воином или славным героем? Может

быть, спустя немного лет тому, кто теперь молод и могуч, самому понадобится помощь юноши?

Братья Бореады могучими руками бережно подняли с земли несчастного старика.

— Что с тобою, отец многих? — ласково спросил его Язон. — Поведай нам о своём несчастье. Не сумеем ли мы пособить тебе в беде?

— Горе мне, горе, чужестранцы! — плача заговорил тогда старик, и руки его затряслись. — Горе мне, ибо я — Финей, много лет бывший царём Фракии. Великие боги были милостивы ко мне: они открывали мне свои тайны, и я мог предсказывать будущее. Но я совершил великий грех: из жалости я начал предвещать людям и то, что боги хотели скрыть от них навеки. Тогда отец наш Зевс вместе с сыном своим Аполлоном страшно меня покарал. Аполлон ослепил меня. Зевс же повелел ежедневно, как только я сяду за трапезу, прилетать в мой дом страшным гарпиям. Им дозволил он съесть мою пищу всю без остатка. Я знаю, освободить меня от нестерпимых мук голода могут только смелые люди, которые приплывут сюда на корабле «Арго». Среди них будет два сына Борея — суровый Калаид и непоколебимый Зет. Не вы ли это, благородные путники? Если так, то спасите меня!

— Утешься, вещий старец! — ответил ему Язон. — Мы моряки с «Арго», а эти воины, что держат тебя под руки, — Калаид и Зет: ощупай их крылья. Мы накормим и напоим тебя: старость всегда почтенна для нас. Но расскажи нам, кто такие гарпии?

— Дети мои, дети мои! — еле слышно сказал Финей. — Не спрашивайте у меня ничего. Приготовьте пищу, и вы сами увидите, что случится...

Так и сделали аргонавты. В полуразрушенном доме Финея они устали богатыми яствами длинный стол и уже подвели было к нему злосчастного царя, как вдруг всё вокруг наполнилось шумом и свистом крыльев. Страшные существа с прекрасными головами девушек, но с птичьими туловищами и крыльями, хрипло крича, налетели со всех сторон. От их чёрных с мертвенно-сизым отливом перьев веяло нестерпимым могильным смрадом. Жадные когти их хватили все, что стояло на столе, белые зубы терзали мясо, красные губы прильнули к сосудам. Напрасно пытались отогнать их прочь растерявшиеся аргонавты. Мгновенно покончив своё дело, девы-птицы с хохотом и визгом взвились над домом.

Но час расплаты настал.

Тотчас же следом за гарпиями ринулись в небо Калаид и Зет, дети ветра.

Вот, словно хищные орлы, они несутся вдаль за крикливой стаей. Вот настигают её... Блеснули бронзовые мечи...

В тот же миг, однако, всё вокруг засверкало многоцветным блеском. Красные, синие, зелёные лучи перепутались в небе и отразились на облаках.

Это богиня радуги Ирида примчалась с Олимпа на своих пёстрых крыльях. Она принесла гарпиям повеление Зевса никогда больше не возвращаться к Финею. Муки несчастного кончились.

Мгновенно повернули обратно буйные крылатые Бореады и прилетели во Фракию, в тот дом, где впервые за много лет старец Финей спокойно вкушал приготовленную путниками пищу. Со слезами благодарности на глазах старик прорицатель уже предсказывал Язону многое из того, что ожидало аргонатов в будущем. Мудрые и вещие советы давал он смелым странникам, а пуще всего заклинал их, прибыв в Колхиду, обратиться с мольбами к златокудрой, рождённой морской пеной богине любви и красоты Афродите.

— Только она одна, — сказал Финей, — властна помочь тебе сын Эсона, в трудном и славном деле твоём!..

Вскоре простились с фракийским царём аргонаты, и снова тёмные волны начали, шипя, рассыпаться перед

острым носом «Арго». Старец же долго стоял на берегу, впивая полной грудью чистое дыхание моря, слушая, как постепенно замирают вдали невыразимо прекрасные звуки струн Орфея.

СИМПОЕНАДЫ

День, другой, третий скользил над просторами Пропонтиды белый парус «Арго». К исходу третьего дня услышали герои впереди тяжёлый шум и плеск. То доносился до них как бы гул мощного прибоя, то словно ревела буря или падал в пропасть гигантский водопад, то раздавались короткие страшные удары грома.

Встав во весь рост на носу, сдвинув брови, зорко вглядывался в волны дальнотзоркой Линкей. Вдруг, словно увидев нечто небывало страшное, он закрыл глаза руками. Что же открылось ему вдали?

Там впереди, как раз на пути легкокрылого судна, море кипело, бурлило и пенилось. Две огромные скалы возвышались там в тумане, но то были не простые скалы, а плавучие страшные Симплегады. Эти скалы ни минуты не пребывали в покое. Они то отходили одна от другой, и тогда море между ними становилось обманчиво гладким и спокойным. То внезапно страшные утёсы начинали стремиться друг к другу. Всё быстрее и быстрее неслись они, раскачиваясь на яростных волнах, всё сильнее ревела и

клокотала пучина вокруг них. Наконец с неистовым грохотом, в облаке водяной пыли, вздымая до неба пенистые космы чёрной воды, они сшибались вместе. Казалось, весь мир содрогается вокруг. Но в этот миг плавучие горы снова начинали удаляться в разные стороны. Страшно было издали глядеть на это чудо; между тем нельзя было проплыть на восток, не пройдя меж ними.

Замедлили аргонавты бег судна и стали держать совет.

— Помните, что сказал нам вещий Финей! — заговорили некоторые из них. — Прежде чем пытаться проскользнуть между роковыми утёсами, должно пустить в эту теснину белого голубя, любимую птицу Афродиты. Пролетит голубь — промчится вслед за ним и «Арго». Погибнет крылатый разведчик — лучше выждать тогда иного, благоприятного времени.

Гребцы налегли на тяжёлые весла. Тифий вцепился в кормило, и жилы на лбу у него надулись от тревожного напряжения. Вот Линкей выпустил из клетки серебристо-белого голубка. Снежной пушинкой проскользнула птица в воздухе, ринулась в чёрную бездну между разошедшихся в стороны скал и в тот же самый миг, когда они уже мчались друг на друга, молнией пронеслась меж них. С тяжким грохотом сшиблись утёсы. Но голубь уже опередил их.

Вот он несётся назад к «Арго», вот садится на мачту... о, счастье! Только одно-единственное перо из хвоста вырвали у него плавучие горы. Значит, нельзя терять ни минуты...

Линкей на носу, Тифий за рулём, а все остальные герои пенят воду шумными вёслами. Вихрем летит «Арго» в мрачное ущелье, а скалы, покачиваясь в тумане, уже начинают сближаться. Одна волна влечёт «Арго» вперёд, другая отбрасывает его назад. Бурное течение кружит ладью в водовороте... Как быть, что делать? Скалы вот-вот столкнутся. Солёный пот и солёная вода струятся по лицам героев. Гибель, гибель...

Но Тифий, кормчий, налёг на руль. В тумане и брызгах вдруг померещилась ему богиня Афина-Мудрость. Одной рукой, почудилось ему, она слегка коснулась скалы, другой — кормы судна. Точно стрела, прынул вперёд «Арго». Пенные гребни обрушились на него. Раздался грохот, какого не выдержать уху простого смертного. Но скалы опоздали столкнуться. Только одну доску из корабельного руля вырвали они, растёрли в щепки и начали расступаться в стороны.

Когда же гребцы, переведя дух, подняли вёсла, чтобы оглянуться назад, вдали за кормой они увидели только тихий пролив между двух неподвижных рядов утёсов. Так сбылось веление богов: если хоть один корабль пройдёт между

Симплегадами, их роковое движение должно прекратиться навеки...

Солнце садилось позади мрачных скал. Весёлые чайки, розовые от его лучей, кувыркались в лазурной бездне неба. Аргонавты утёрли потные лица и, славя богов, двинулись дальше в широкий простор Понта Евксинского, того моря, которое много лет спустя люди назвали морем Чёрным.

АРГОНАВТЫ ВСТРЕЧАЮТ ДЕТЕЙ ФРИКСА

Широкошумным гулом дохнуло им в лицо это новое для них, неведомое грекам море. Синей пустыней простёрлось оно перед ними, таинственное и грозное, безлюдное и суровое.

Они знали: где-то там, на той стороне его бурливой бездны, лежат таинственные земли, населённые дикими народами; обычаи их жестоки, обличье ужасно. Там где-то лают по берегам полноводного Истра страшные люди с собачьими мордами — кинокефалы, псоглавые. Там носятся по вольным степям прекрасные и свирепые воительницы-амазонки. Там дальше густится вечная тьма, а в ней бродят, похожие на диких зверей, жители ночи и холода — гипербореи. Но где это всё?

Сколько ни вглядывался из-под ладони в даль зоркий из зорких Линкей, ничего не мог он увидеть в сизой дымке. Море, море, одно только море везде... Страх и тоска

стеснили многие сердца. Но делать было нечего. Сын Эсона подал знак, и длинные вёсла дружно взрыли воду Понта.

Никто не знает, долго ли плыл священный корабль вдоль безлюдных, пустых берегов. Дни уходили за днями, но ни белого паруса, ни расписных бортов встречной ладьи не было видно в синем просторе. Только чайки летали над мачтой «Арго», да по ночам далеко на прибрежных горах зажигались неясные огни.

Однажды утром Линкей вскрикнул: вдали показался низкий островок. Тифий послушно налёг на кормило, и ладья пошла к берегу. Ближе и ближе... Вдруг впереди что то засверкало. Большая птица тяжело поднялась над островом и, грузно размахивая крыльями, полетела прямо к «Арго». Перья её горели, как жар, странный звон доносился до ушей аргонавтов. Птица была уже над кораблём, когда из её крыла вырвалось перо и, блеснув точно маленькая молния, упало вниз.

Тотчас же громко вскрикнул гребец Оилей. Разогретый лучами солнца, он снял с себя воинские доспехи и грёб, обнажённый до пояса. Теперь же он держался рукой за плечо, а в плече, глубоко уйдя в тело, торчало острое и тяжёлое, как стрела, медное перо.

В это время вторая птица подлетела к смущённым аргонавтам. Но меткий стрелок Клитий из Калидона уже

напряг свой лук. Зазвенела тугая тетива, раздался свист, и со странным звоном вторая меднопёрая птица упала на корму «Арго» рядом с Тифием. Сомнений не было: на острове жили страшные обитательницы диких лесов, меднопёрые птицы стимфалиды!

Аргонавты торопливо надели на себя доспехи и прикрылись щитами. Ударяя дротиками в эти щиты, издавая громкие и грозные клики, они повернули к берегу. Тотчас же великое множество сверкающих птиц с карканьем и завыванием взлетело над прибрежным лесом. Целый дождь смертоносных стрел посыпался сверху на героев, но щиты надёжно прикрывали их плечи.

Тогда шумная стая заметалась над взморьем и, выстроившись длинным треугольником, потянула прочь меж белых облаков.

В тот же миг, как смолкли вдали тревожные птичьи крики, с острова слышались человеческие голоса. Навстречу приставшим к берегу аргонавтам бежали из леса четверо юношей.

— Чужестранцы! — кричали они. — Не оставляйте нас на этой страшной земле! Спасите сыновей несчастного Фрикса, родившегося в далёкой Греции! Мы плыли из Колхиды в родной Орхомен, но буря разбила наше судно. Пожалейте нас!

Ломая исхудалые руки, они упали на землю перед аргонавтами. Но Язон уже сам с криком радости бросился к несчастным: разве мог он покинуть в беде своих братьев, внуков царя Афаманта? Сама судьба послала их ему навстречу!

Поздно вечером, когда «Арго» был вытасчен наполовину на прибрежную отмель, а герои прилегли у костра на плотном морском песке, Язон открыл старшему из юношей, Аргосу, кто он, куда он едет и зачем. В свою очередь, смелый сын Фрикса обещал брату свою помощь. Всю ночь рассказывал он Язону про ту страну, где прошло его детство, и наконец сказал:

— Теперь ты знаешь всё, Язон. Колхидой правит злой тиран — царь Эет, сын бога солнца Гелиоса. Добром он не отдаст тебе руно, а сражаться с ним нельзя, ибо он могучий чародей. Не лучше ли вам вернуться, пока не поздно?

Язон ничего не ответил юноше. Он только привстал с песчаного ложа и громко приказал спускать «Арго» на волны.

ПРИБЫТИЕ

Двадцать дней и двадцать ночей нёсся после этого «Арго» по лону морскому. Двадцать раз опускался за его кормой в синие волны светозарный Гелиос на своей блестящей огнём колеснице. Двадцать раз впереди, там,

куда всё время вглядывались Линкей и Тифий, выплывала из ропщущих волн розоперстая утренняя заря Эос.

Наконец, под вечер двадцать первого дня, Линкей протянул вперёд руку: там далеко-далеко над волнами, среди которых резвились гладкие, чёрные дельфины, проступила теперь сквозь синее небо словно неподвижная гряда туманно-белых облаков. То были далёкие горы. Аргонавты ещё не знали, к этим ли горам лежит их путь, но плыли вперёд.

Солнце приближалось к закату. Длинная тень побежала по волнам к берегу от прямого паруса корабля. Ярким розовым блеском загорелись горные вершины. С земли потянуло тёплым духом суши, запахом нагретых солнцем скал, листьев лавра и маслины, дымом от невидимых отсюда вечерних костров.

Внезапно до слуха смелых пловцов донёсся страшный стон. Далёкий стон, но всё-таки ясно слышимый и притом исполненный нестерпимой муки. Ещё и ещё... Аргонавты содрогнулись. Им показалось, что это сами горы, сама мать-земля, само море застонало от невыносимой боли. «Что это? Что это?» — шептали, оглядываясь, воины Язона.

И вдруг хриплый клёкот раскатился над мирным морем. В тревоге аргонавты подняли головы. Огромный орёл, такой огромный, каких не видел ни один смертный, тяжко

взмахивая гигантскими крыльями, пролетел низко над самым кораблём. Страшные лапы его были прижаты к брюху, чудовищный клюв поблёскивал, точно отлитый из тёмной бронзы. Орёл пролетел над судном, взмыл вверх и исчез в багровом вечернем небе.

Тогда заговорил прорицатель Мопс, сын Ампыка.

— Восславь великих богов, о Язон, — воскликнул он, — ибо ты привёл нас к цели! Страна эта — Колхида. Разве ты не слышал тягостных стонов, разве ты не видел божественного орла? Узнай же: это стонал могучий титан Прометей, страшно наказанный великим Зевсом. Помнишь ли ты, что случилось когда-то? Прометей возлюбил людей сильнее, чем своих братьев богов. Он похитил у Зевса огонь его молний, отнёс его на землю и научил людей управлять огнём. Только после этого они стали людьми, а до того они жили как дикие несчастные звери. Люди возблагодарили титана. Но за такую великую дерзость всемогущий Зевс приковал его к горам Кавказа и повелел своему орлу каждый день терзать тело несчастного. Днём кровожадная птица рвёт могучее тело, а за ночь страшные раны заживают опять. И мука эта длится вот уже много столетий. Да, много-много веков длятся страдания Прометея! Но близится время его избавления. Могучий Геракл придёт сюда, убьёт орла и освободит многострадального друга людей от нестерпимой казни.

Это случится скоро, но ещё не сейчас. Теперь же, о Язон, повелевай нами, ибо мы достигли конца нашего пути.

Пока он говорил это, корабль «Арго» уже вплотную подошёл к берегу. Длинные листья густого камыша, растущего в изобилии возле устья колхидской реки Фазиса, зашуршали по его бортам. Аргонавты на вёслах поднялись немного вверх по течению Фазиса и бросили якорь в тихой речной бухте. Выйдя на берег, Язон принёс жертвы всем богам Греции и Колхиды; но, помня завет мудрого старца Финея, первое возлияние совершил он в честь златокудрой Афродиты, богини любви и красоты. Он молил всевышних не препятствовать ему, потому что он знал: как ни труден был путь из Иолка до Колхиды, только отсюда начиналась самая тяжкая часть великого подвига.

Настала ночь. Темнота окутала землю. В камышовых зарослях, фыркая, бродили барсы и вепри дикой страны. Над спящими аргонавтами порхали крылатые светляки Кавказа. А поодаль за рекой мирно спал на холме тёмный дворец Эета. Спал за его толстыми стенами сам суровый царь, спали царские дочери Халкиопа и Медея, спал сын Абсирт, прозванный за красоту свою Фаэтоном, что значит «сверкающий». Спали и воины Эета, и царедворцы, и слуги — и никто из них не знал, чему суждено случиться завтра.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ВО ДВОРЦЕ БОГОВ НА ОЛИМПЕ

Они спали, а лёгкий дымок от сожжённых на влажном берегу Фазиса жертвоприношений тонкой струйкой тянулся всё дальше и дальше ввысь. Хмурый Борей на шумных крыльях донёс этот дым до середины Евксинского Понта. Здесь он передал свою ношу быстролётному Эолу, отцу Афаманта. И быстрый Эол умчал весть о мольбе Язона в обитель богов на снежный Олимп.

Как только великая Гера, супруга Зевса-Громовержца, и дочь его Афина-Мудрость узнали о прибытии смелых мореплавателей в Колхиду, они стали совещаться, чем можно помочь аргонавтам.

— Как ни могуч сын Эсона, — сказала Афина, — как ни отважны его спутники, им не преодолеть чар волшебника Эета. Против волшебства можно бороться лишь волшебством. Что думаешь ты, о мать богов?

— Против волшебства может устоять любовь! — задумчиво вымолвила Гера. — Разве ты не знаешь? Дочь Эета, Медея, такая же чародейка, как её отец. Но она молода и прекрасна. Молод и прекрасен и Язон. Что скажешь на это ты, мудрейшая из всех небожителей?

Холодно усмехнулась в ответ на её слова светлокудрая воительница Афина.

— Я никогда никого не любила и никого никогда не полюблю! — презрительно сказала она. — Мне чуждо это

чувство, ослепляющее людей и богов. Но если так, пойдём к золотоволосой. Она поможет нам.

И они направились в пышный чертог Афродиты.

Алыми и белыми розами были увиты лёгкие колонны её дворца. Белые голуби с красными клювами и нежными лапками гулко ворковали и перепархивали с места на место над золотым тронем богини. Сидя на этом троне, супруга хромого Гефеста расчёсывала свои волосы, и золото трона тускнело рядом с золотом её кос. А внизу на ступеньках сын Афродиты, озорной божок, крылатый мальчуган Эрот, играл в кости с простодушным любимцем Зевса, юным Ганимедом. То и дело обыгрывал он его и звонко насмеялся над неловким. Страшный же лук Эрота и маленький колчан с лёгкими стрелами, небрежно брошенные им, висели на поручне золотого трона.

Как ни могучи были богини, с опаской погладили они курчавую голову крылатого мальчика. Они знали: стоит ему хотя бы в шутку уколоть кого-нибудь, человека или бога, одной из этих маленьких стрел, и свет становится не мил раненому. Непреодолимая любовь поселяется в его сердце, мучит его, жжёт как огнём, заставляя совершать великие подвиги и великие безумства.

Тихонько обойдя пестрокрылого шалуна, обе богини склонились к плечу Афродиты и на ухо нашептали ей свою просьбу.

Пеннорождённая, выслушав их, улыбнулась. Она отложила в сторону гребень, встала, и золотые волны волос покрыли её до колен. Спустившись с трона, наклонилась богиня над Эротом.

— Слушай, сынок! — сказала она, а белые голуби на карнизах заворковали громче, услышав её голос. — Слушай, что я скажу тебе! Ты давно просил, чтобы я подарила тебе ту забавную погремушку, которую нимфа Адрастея сделала для отца нашего Зевса, когда он был ещё совсем маленьким. Хочешь, подарю? Но прежде сделай вот что: лети сейчас в далёкую Колхиду и там, во дворце царя Эета, пронзи своей стрелой сердце его дочери Медеи. Пусть она полюбит Язона. Пусть она его так полюбит, что позабудет свой дом, своего отца, свою родину и будет готова для него на всё. Сделай это — игрушка будет твоя!

С радостным криком вскочил на ноги кудрявый мальчик. Глаза его вспыхнули, он захлопал в ладоши, мгновенно схватил свой страшный лук и колчан со стрелами и, не оглянувшись ни разу, бросился прочь из дворца. Золотистые и пёстрые, как у бабочки, крылья его сверкнули разок-другой

в лучах восходящего солнца, а затем он исчез между белых облаков.

Тогда, проводив взором любимого сына, Афродита обернулась к пришедшим.

— Идите с миром, сёстры! — нежно сказала она — Не тревожьтесь ни о чём. Медея полюбит Язона.

ЯЗОН У ЭЕТА

Рано утром, когда колхидские пастухи погнали на пастбища отары своих овец, Язон со спутниками направился на гору, где стоял великолепный дворец Эета.

Высокие стены дворца поднимались над скалами; всюду белели ряды мраморных колонн, сверкала медь украшений, выкованных богом подземного огня Гефестом в знак дружбы к отцу Эета, Гелиосу. Слоновая кость украшений отливала желтоватой и маслянистой белизной, ярко горела бронза, тяжёлые серебряные двери, такие же, как во дворце самого Гелиоса, сияя, неслышно поворачивались на искусно сработанных петлях.

Клубами тумана окутала героев мать Фрикса Нефела, пока они шли. Сделать это её просила Гера, чтобы случайно не смогла им повредить стража со стен дворца.

Когда же аргонавты вступили в обширный двор, туман разошёлся, и сверкающие медью воины предстали перед всеми взорами.

Как раз в это время младшая дочь Эета Медея вышла из своих покоев. Она громко вскрикнула от неожиданности, увидев могучую дружину и среди пришельцев — своих племянников, детей Фрикса и Халкиопы. На крики сестры выбежала Халкиопа. Плача и смеясь, кинулась она к сыновьям, которых считала навеки потерянными.

Наконец вышел из дворца и сам Эет. Видя внуков невредимыми, он направился к вождю чужестранцев и обнял его с благодарностью, приглашая к себе для пира и отдыха.

В это самое время словно трепещущий луч солнца на мгновение прорвался сквозь тучи. То сын Афродиты прилетел во дворец. Спрятавшись за одной из колонн, никем не замеченный, он огляделся. Прямо перед собою он видел медноблестящие доспехи Язона: героя обнимал и приветствовал чернобородый Эет. Вокруг толпились, оглядывая друг друга, воины-колхидцы и аргонавты; счастливо смеясь, целовала своих детей Халкиопа. А поодаль, за тихо плещущим фонтаном, прислонясь к белой стене дворца, стояла высокая стройная девушка.

«Эйа! Она похожа на богиню ночи, — подумал Эрот, — она прекрасна. Что ж? Тем лучше!» И верно: две косы, чёрные как смола и такие толстые, что их не могла охватить рука человека, падали с плеч Медеи до земли. Густые брови сошлись у неё над переносицей. Лицо её было бледно, а огромные, тёмные, как мрак кавказских ночей, глаза с тревогой и надеждой смотрели на чужестранцев.

Эрот улыбнулся, поднял лук и, прищуря один глаз, нацелился прямо в грудь Медеи: там, под вышитым на её одежде золотым драконом, билось пламенное сердце девушки. Тоненько свистнула стрела. Медея схватилась за сердце. В глубине её глаз вдруг вспыхнул яркий огонь. Ни на минуту не отрываясь, она смотрела теперь только на Язона. Она уже не видела никого в мире, кроме него...

Очень довольный такой удачей, сын Афродиты бросил последний взгляд на дело рук своих и, вспорхнув, как большой золотистый мотылёк, полетел к матери за волшебной погремушкой Адрастеи. Медея же осталась стоять возле фонтана и стояла там до тех пор, пока Эет не позвал гостей в дворцовые покои.

Допоздна затянулось в тот день пиршество в богатом замке царя Колхиды. Возлежа за обильной трапезой вокруг уставленного яствами стола, весело праздновали аргонавты

своё прибытие, а приближённые царя радовались возвращению его внуков.

Старший из сыновей Фрикса, Аргос, пил и ел рядом со своим суровым дедом. Слово за слово рассказал он ему всё, что знал о Язоне и его спутниках. Он поведал царю, как смелые греки спасли их со страшного острова Аретиады, как бережно ухаживали за ними в пути, как почтительно обращались с потомками Фрикса. Не утаил он зато и цели, к которой стремились аргонавты.

Но едва тиран Эет услышал про замыслы Язона, как лицо его вспыхнуло гневом. Чёрные глаза засверкали. Сросшиеся брови, такие же густые, как у его дочери Медеи, сдвинулись вместе. Длинная борода, чёрная с проседью, завитая и умащённая благовониями, запрыгала на груди.

— Как, дерзкий чужак! — вскричал он, ударив кулаком по столу. — Как? Оказывается, ты осмелился незванным явиться в мою страну с тем, чтобы похитить у меня лучшее из моих сокровищ? За это одно ты уже достоин смерти! Но мало того: я не верю тебе! Не за божественным руном ты пришёл к нам. Ты за мыслил отнять у меня мою власть, овладеть моими землями. Прочь отсюда, лжец и предводитель лжецов, или всех вас ожидает страшная гибель!..

Ропот прокатился по залу, где шёл пир.

Руки аргонавтов сами собой потянулись к мечам.

Уже суровый и вспыльчивый Теламон приподнялся, нахмурясь, навстречу царю; уже Клитий зазвенел тетивой верного лука, Мелеагр уже крепко стиснул пальцами лёгкий дротик. Но Язон сделал своим товарищам успокоительный знак.

— Успокойся, сын Гелиоса! — сказал он, смотря прямо в чёрные глаза Эета. — Успокойся и разгладь морщины на челе! Клянусь великими богами и жизнью моего престарелого отца, я не посягаю ни на твою власть, ни на твоё царство. Я приплыл сюда за Золотым Руном — ты прав, говоря так. Его я и прошу у тебя как милости. Я не богат. Не богаты и мои спутники. У нас нет ни золота, ни дорогих камней, ни бесценных благовоний в кипарисовых ящичках. Но у нас много силы и мужества. Прикажи — и за руно я выполню, не стыдясь этого, любую работу для тебя, сослужу какую хочешь службу. Ты знаешь, зачем мне нужно это руно: оно вернёт мне похищенное царство.

Прямо и бесстрашно смотрел герой на царя-волшебника.

Глубоко задумавшись, глядел на прекрасного мужа чернобородый тиран, глядел со скрытой враждой, с затаённым гневом.

А издали, из-за завесы, прикрывавшей дверь в другие покои, на орлиный лик чужестранца, не отрываясь, взирала младшая дочь царя, тяжелокося Медея. Станные чувства

теснились у неё в груди: ей делалось то страшно, то сладко, как никогда. Сердце её билось, тяжёлые ресницы сами опускались на глаза, щёки пылали.

— О Геката, чёрная богиня, мать всякого волшебства, помоги мне! — шептала она. Но, говоря так, она уже знала, что помочь ей никто не может, что достаточно Язону потребовать, — она забудет всё на свете и покорно пойдёт за ним всюду.

Долго думал Эет.

Попеременно то опасение, то надежда, то лукавство отражалось на его лице, и весь он был похож на дремлющего в раздумье горного орла.

Наконец он открыл глаза.

Что ж, чужестранец, пожалуй... тебе, как любезному гостю,
В дар драгоценный отдам я Золотое Руно.

Но перед этим ты должен нелёгкое выполнить дело,

Подвиг великий тебе пало на долю свершить.

Есть здесь над Фазисом быстрым полынью заросшее поле,

Богу Аресу оно издревле посвящено,

Плуг и лопата его не касаются много столетий —

Прадеды наших отцов нам рассказали о том.

Поле священное это ты бронзовым вспашешь оралом,

Но не простые волы тяжкий твой плуг повлекут.

Двух меднорогих быков запряжёшь ты в тугие постромы,

Тех, у которых огонь рвётся из жарких ноздрей.
Поле затем ты засеешь не зёрнами тучной пшеницы —
Зубы дракона твоя пусть там размечет рука.
Быстро посев прорастёт. Из трав, из-под горькой полыни
Воины в медной броне встанут на пахоте той.
Ты же не острым серпом убирать будешь тучную жатву,
Должен ты с ними один выдержать яростный бой.
Если исполнишь урок, — Золотое Руно за тобою,
Если погибнешь, — пускай боги оплачут тебя!

Он сказал это и замолчал, снова закрыв глаза. Молчал и
Язон, и все смотрели на него, ожидая, что он ответит.

Предводитель аргонавтов поднял голову.

— Пусть будет так, великий царь! — были его слова. —
Ты видишь — я здесь. Значит, я сделаю всё, что ты
прикажешь. Но смотри, не нарушай и ты своего обещания.

ЧЕМ МЕДЕЯ ПОМОГЛА АРГОНАВТАМ

Задумчивые и смущённые, вступили аргонавты на
шаткий настил своего корабля. Сомнение охватило их: урок,
заданный Эетом, многим казался невыполнимым. Хмуро
сидел на скамье, охватив колени, Мелеагр; в глубоком
молчании Линкей разглаживал курчавую бороду; братья
Бореады смотрели на Язона своими свирепыми глазами,
готовые по первому его слову раскинуть веющие холодом
крылья и мчаться, куда он прикажет.

Но вот заговорил пришедший на корабль Аргос, сын Фрикса.

— Аргонавты! — сказал он. — Мне ведом один лишь путь, ведущий к цели. Царь Эет — великий волшебник, и бороться с ним не сможет смертный. Но дочь царя, смуглая Медея, тоже умелая чародейка. Надо добиться, чтобы она стала на нашу сторону. Если это случится, мы преодолеем всё...

Аргос ещё не успел договорить, как в воздухе раздался лёгкий звон птичьих крыльев. Стремительный белый голубь промчался над мачтой корабля, преследуемый коршуном, нырнул вниз и в ужасе забился в складки плаща Язона, неподвижно стоявшего на носу. Коршун же, не рассчитав силы удара, разбился о сосновые доски палубы.

— Смотрите, смотрите! — закричал тогда прорицатель Мопс. — Разве вы не видите, какое счастливое предзнаменование послали нам боги? Голубь, любимая птица Афродиты, ищет спасения на груди Язона! Вспомните старца Финея, брата. Афродите пеннорождённой должны мы приносить жертвы!

Так они и поступили. Аргос же отправился во дворец, где жила его мать Халкиопа.

* * *

Тёмная ночь клубилась в это время над Колхидой. Все уже давно спали в низинах и на горах и на морском берегу. Только в покое младшей дочери царя, тяжелокошой Медеи, тускло горел масляный светильник. Сидя на своём ложе, Медея широко открытыми глазами всматривалась в ночную тьму. Скорбные сомнения терзали её сердце, и, ломая руки, она не понимала, что ей теперь делать.

Она знала, как суров и непоколебим отец её Эет. Она слышала, какой приказ отдал он своим воинам: «Как только погибнет Язон, сжечь чужеземное судно и всех, кто приплыл на нём в Колхиду».

Но едва глаза девушки смежал сон, перед нею вставал смелый герой в золотом шлеме, честно и прямо смотревший в глаза царю. Нет, не могла, не могла она допустить, чтобы Язон погиб!

И вот встаёт Медея со своего ложа. Босая, ощупью пробирается она по дворцу к своей милой сестре Халкиопе. Чёрные косы, как змеи, извиваются у неё за плечами. Смуглое лицо её бледно, слёзы катятся по щекам. Что делать? Спасти Язона — значит пойти против воли отца. Покориться отцу — погубить Язона...

Долго шёпотом говорили между собой сёстры; когда же звёзды стали меркнуть на утреннем небе и розовая Эос пролила первую краску зари на снега Кавказа, сквозь туман к

берегу Фазиса прокрался сын Фрикса Аргос. Он принёс своим спасителям великую радость: смуглолицая Медея покорила влению Афродиты. Как только солнце взойдёт, она будет ждать Язона в храме подземной богини, владычицы тьмы Гекаты.

Не было во всём мире волшебницы искусней Медеи. Целую ночь при неверном свете масляного фитиля, горящего в створке морской раковины, готовила она чудотворную мазь из ведомых только ей трав. И когда наконец она смешала с другими травами ту, которая росла высоко в горах на крови несчастного страдальца Прометея, дивная мазь была готова: тот, кто покроет ею тело, станет на целый день неуязвим ни для огня, ни для железа, ни для меди. Тот, кто умастит ею свое тело с утра, останется до вечера непобедимым. Эту-то мазь и решила юная волшебница отдать герою Язону.

Утром в мрачном лесу, в храме Гекаты, страшной богини, именем которой греки пугали маленьких детей, в храме безликой Гекаты, царицы мучительных снов, владычицы ужасных ночных призраков, встретились впервые лицом к лицу Язон и Медея.

И как только они взглянули друг на друга, сердца их дрогнули. Потупясь, стояли они и не смели поднять взоры, потому что каждый почувствовал в груди великую любовь.

Тут научила Медея Язона своему колдовству. Ночью, говорила она ему, должен Язон омыться в волнах Фазиса и надеть на себя чёрные, словно ночной мрак, одежды. Потом надо вырыть глубокую яму на берегу реки, вдали от всех живущих. Над этой ямой нужно заколоть чёрную, как уголь, овцу, облив её лохматую шкуру чёрным мёдом диких пчёл. То будет жертва, угодная Гекате.

И как только они взглянули друг на друга, сердца их дрогнули. Потупясь, стояли они и не смели поднять взоры, потому что каждый почувствовал в груди великую любовь.

Тут научила Медея Язона своему колдовству. Ночью, говорила она ему, должен Язон омыться в волнах Фазиса и надеть на себя чёрные, словно ночной мрак, одежды. Потом надо вырыть глубокую яму на берегу реки, вдали от всех живущих. Над этой ямой нужно заколоть чёрную, как уголь, овцу, облив её лохматую шкуру чёрным мёдом диких пчёл. То будет жертва, угодная Гекате.

Затем пусть Язон идёт на корабль. Сзади за собой он услышит вой псов, скрежет, шипение ядовитых змей, плач, стоны и угрозы. Но пусть он не обернётся ни разу.

Когда же наступит утро, волшебной мазью Язон должен натереть всё своё тело. Надо натереть и острое копье, и верный меч, и тяжёлый щит.

— Тогда, о Язон, ты будешь непобедим. Иди, делай то, что поручил тебе Эет. Но помни одно: как только зашевелится земля на пустынном поле Ареса, как только из неё, точно молодая поросль, покажутся острия копий и медных шлемов, — метни в их гущу тяжёлый камень. Метни его и сражайся без страха: руно будет твоим. Ты увезешь его тогда куда захочешь. Да, ты увезешь его, Медея же останется здесь на вечную скорбь и муку, на нескончаемый страх и общее презрение...

Вздрогнул Язон, услышав эти слова. Ясным взглядом голубых глаз посмотрел он прямо в глубокие чёрные глаза колхидянки. Тоской и надеждой, стыдом и счастьем были полны эти очи. Они сказали всё, что чувствовала Медея. И Язон понял их немую речь.

Медея, выйдя из портала, направилась домой. И страшный пёс Фобос, любимец юной колдуньи, не узнавая её, обнюхал ноги своей хозяйки. Так небывало радостно было её смуглое прекрасное лицо, так подобно двум чёрным звёздам сияли её глаза, так легка казалась её походка! Она шла, и ей хотелось то петь, то плакать: Язон, сын Эсона, обещал похитить её, увезти с собой в далёкую Грецию и сделать там своей женой.

КАК ЯЗОН ВСПАХАЛ, ЗАСЕЯЛ И СЖАЛ НИВУ АРЕСА

Вот и ещё одна ночь покрыла горы, леса и болота Колхиды.

Бледные сёстры-лихорадки вышли из мокрых топей. Зловещие ночные птицы зигзагами заметались над полянами. Вредоносные росы клубами поплыли над рекой.

В глухую полночь, облачённый в чёрную одежду, Язон один сошёл к берегу Фазиса. Вырыв заступом глубокую яму, он пролил над ней кровь жертвенной овцы.

Тогда вокруг раскатился гром. Казалось — сонные горы поколебались. С протяжным стоном расселась земля. Мёртвый, холодный ветер, крутясь, рванулся из трещин. А вслед за его порывом вышла из расселины великая богиня — Геката ночная, Геката подземная.

В высоко поднятых руках она держала горящие факелы, но свет их был бледен и неверен, как свет луны. Бледным было и её лицо; только Язон, объятый страхом, не посмел взглянуть на него. Невиданные чудовища, драконы и змеи, клубясь, кишели у ног богини. Странные бледнокрылые призраки вились над ней. Вой, стоны, скрежет доносились из-под земли, и далеко вокруг в платановых лесах Колхиды слышались испуганные вопли: то милые девы-нимфы, хозяйки лесных ручьёв и источников, разбегались в страхе, закрыв руками лица: всё на свете трепещет перед чёрной богиней ночи!

Едва было не закрыл глаз ладонями и Язон. Торопливо повернулся он и пошёл, чуть не побежал туда, где стоял на причале «Арго». Чьи-то руки тянулись сзади за ним, чьи-то холодные губы шептали ему в уши неясные призывы, слышался плач, смех, мольбы, но он не оглянулся ни разу. И лишь только нога его ступила на прочные сходни между медных уключин «Арго», как всё, что слышалось и виделось, бесследно пропало.

В это время уже забрезжил рассвет. Закричали в лесах фазаны; первые ласточки пронесли над рекой. Наступал день великого подвига.

* * *

Как только солнце взошло, Язон послал к Эту Евфала и Мелеагра. Сгибаясь под тяжестью кожаных мехов, принесли могучие из царского дворца блестящие и белые, как пена моря, зубы дракона.

Язон же между тем уже натёрся сам, натёр и своё оружие волшебной мазью Медеи. И едва впервые коснулось его стана чудотворное зелье, нечеловеческая сила напряжила мускулы сына Эсонова. Ноги его — показалось ему самому — превратились в медные столбы, руки стали железными клещами.

Вышел на палубу Язон и, видя, что шумная толпа колхидцев уже спешит вслед за царской колесницей к полю

Ареса, приказал подплыть поближе к тому берегу, где оно лежало в тесной долине между высоких гор.

Вышел на палубу Язон и, видя, что шумная толпа колхидцев уже спешит вслед за царской колесницей к полю Ареса, приказал подплыть поближе к тому берегу, где оно лежало в тесной долине между высоких гор.

Царь Эет остановил колесницу у самого подножия гор. Сын его Абсирт, стоя впереди, держал в руке ремённые бразды, а сам Эет, а с ним тысячи колхидцев смотрели вниз, ожидая, что же будет дальше.

И вот, словно порыв ветра, прокатился говор в толпе народа: то Язон вступил на заповедный луг. Вот он идёт по нему, и его золотые доспехи горят, как огонь, в алых лучах утреннего солнца. Все люди, не отводя глаз, смотрят на Язона, но пристальнее всех, вся дрожа от тревоги, глядит ему вслед высокая девушка там, у старого развесистого платана на горе. Чёрные косы тяжёлой короной лежат на её голове, тянут её назад, рот её полуоткрыт — какие заклинанья бормочешь ты, колдунья Медея?

А Язон, приминая росистую траву обутыми в медь ногами, уже пересёк поле. Вот он нашёл на нём огромный железный плуг и бронзовое ярмо, сложил их вместе и двинулся к дальней горе, туда, где в её склоне чернел узкий вход в пещеру.

Но он не успел приблизиться к чёрному жерлу. Ахнул в страхе народ, закрыла руками лицо Медея: два огромных бурых быка с хриплым мычаньем, подобным шуму прибоя, ринулись навстречу смельчаку из пещерного мрака. Струи пламени хлещут у них из ноздрей, дым клубится следом за ними. Наклонив раскалённые рога, мчатся они на Язона. Но, шагнув одной ногой вперёд, прикрывшись круглым щитом, ждёт их герой — так гранитный утёс ждёт удара волны во время бури.

Налетели! Ударились рогами о щит! Отпрыгнув, кидаются снова и снова... Пыль и дым окутали место схватки... Когда же они рассеялись, из множества уст вырвался облегчённый вздох, только царь Эет гневно закусил губу: все увидели, что Язон уже запряг одного из быков в плуг и надевает ярмо на другого. Как ни отбивался страшный зверь, как ни дышал в лицо героя струями огня, скоро и с ним было покончено.

Громко крикнул тогда Язон и остриём копья уколол быков так, как колет их пахарь своим надоедливym стрекалом. Рванулись с места гордые животные, глубоко врезался в землю тяжёлый плуг. Длинными пластами отворачивается и падает взрезанная им земля, борозда за бороздой ложится вдоль Аресова поля. И горные пахари-колхидцы хвалят искусство небывалого землепашца в золотом шлеме.

Вот и вспахан дикий луг. Приняв из рук Мелеагра глубокий короб с зубами дракона, крупными шагами пошёл по бороздам Язон, разбрасывая вокруг себя страшное семя. Скоро и этот труд был закончен. И пока утомлённый пахарь отпрягал своих огнедышащих волов, пока грозным окриком загонял их в пещеру, пока спокойной стопой сходил к берегу Фазиса, чтобы зачерпнуть шлемом воды, освежить запёкшиеся уста, пока всё это длилось, — весь народ, затаив дыхание, взирал на чёрное поле.

Сначала всё на нём было тихо, только ветер шевелил стебли исковерканных плугом трав да кое-где среди глыб земли ослепительно блестел не покрытый ею зуб дракона.

Но вот кто-то вскрикнул в ужасе. Над землёй, точно пламя светильника, показался, проколов почву, кончик бронзового копья. Вот рядом с ним выдвинулся другой, третий, сотый... Словно медной щетиной вдруг поросло поле. Всё чаще рассыпаются комья земли, всё сильнее вспучивается она, будто огромные кроты роются под её поверхностью, — и множество блестящих шлемов сразу поднялось над полем. Ещё мгновение — из-под земли показываются головы; отряхиваясь, поднимаются руки, плечи, и тесный строй воинов плечо к плечу воздвигся над недавней пашней. До самых склонов гор стоят их закованные в медь ряды. Их лица гневны, они яростно размахивают мечами. Озираясь, они ищут дерзкого, который посмел

создать их себе на горе. Вдруг один из них увидел Язона. С тяжёлым звоном они все разом повернулись к нему, и поле застонало под их ногами, когда неодолимой лавиной, все, как один, сделали они первый шаг ему навстречу.

Но Язон не дрогнул. Что делает он там, на берегу реки? Он нагибается к земле... Подняв рукой огромный обломок скалы, он швыряет его через головы передних воинов в самую их гущу...

Тотчас всё смешалось на поле Ареса. словно одержимые богиней безумия Атэ, ринулись медные воины туда, где упал камень. Каждый хочет овладеть им. Они кидаются друг на друга с мечами. Они пронзают один другого копьями, душат руками. «Мое сокровище, моё!» — хрипит тысяча ртов. Они не видят ничего, кроме камня... В то же мгновение яростным бичом обрушился на безумных Язон. Он налетает на них вихрем, пронзает одного, поражает другого, умертвил десятого, сотого.

Тяжко утомился великий аргонавт. Еле переводя дух, стоял он и смотрел вокруг то на груды окованных медью мертвецов, то на горы, по которым в ужасе убегали подальше от страшного места колхидцы, то на царскую колесницу, уносящую во дворец разгневанного и испуганного Эета.

Наконец всё смолкло вокруг.

Тогда Язон ударил рукоятью меча в гулкий щит и медленно пошёл навстречу своим друзьям; они уже бежали к нему с криками радости.

Эт же, воротясь во дворец, заперся в дальнем покое. Он твёрдо решил теперь не выполнять данного им слова и каким угодно способом погубить ненавистных аргонавтов.

КАК ЯЗОН ДОБЫЛ ЗОЛОТОЕ РУНО

Как только Ночь, богиня в чёрной одежде, накрыла землю своим широким плащом и погрузила её во мрак, Язон незаметно спустился на берег с высокого корабля и пошёл по тропинке к дворцу Эета. Он не хотел, чтобы другие аргонавты знали, как он достанет руно с помощью царевны Медеи.

Ночь была темна, только глаза дракона, стерегущего руно, светились во мраке, подобно тысяче звёзд. Мерно шумело Евксинское море, и волны одна за другой ложились на берег, шурша по песку.

Медея ждала Язона у белой ограды дворца. Она закуталась в тёмный плащ, распустила волосы по плечам, а на голову надела венок из волшебных маков. Схватив героя за руку, Медея сказала:

— Идём! Я колдовала весь вечер, и мать Геката послала на помощь нам могучего бога Гипноса. Он усыпит чудовище,

а ты убьёшь его без труда. Но помни, Язон: всё это я сделала ради тебя.

Сказав так, она поспешила в священную рощу Ареса. Язон пошёл за ней следом, выхватив острый меч.

Пока они шли, бог сна Гипнос, по просьбе богини Гекаты, спустился на землю, неслышно подкрался к дракону и брызнул маковым соком в его бессонные очи. Тотчас веки дракона смежились и звёзды — глаза дракона — погасли одна за другой. В небе стало совсем темно, только роща Арёса светилась мерцающим светом: там на самом высоком дереве висело Золотое Руно, и каждый его завиток сиял в темноте, как звезда.

При этом волшебном свете Язон разглядел чудовище, дремавшее под ветвистым дубом. Три головы дракона, как три скалы, покоились на чешуйчатых лапах. В морщинах его огромного тела гнездились летучие мыши, а зубчатый хвост гигантским кольцом опоясывал рощу. Дракон ужасно храпел, и ядовитая пена стекала с его отвратительных губ. Даже сама Медея, увидев чудовище, вскрикнула и отбежала назад. А ведь она была волшебница: дракон ей не мог повредить.

Но Язон не знал страха. Двумя руками он поднял над головой свой острый меч и трижды ударил дракона в то место, где начинается шея. С последним ударом все три головы отскочили от тела, и кровь, горячая, как огонь,

хлынула бурным потоком, сжигая мох и траву. Хвост в предсмертной судороге забил по земле, заметался, ломая столетние дубы, а когти вонзились в песок. Хорошо, что Язон успел отскочить, а то лапы чудовища раздавили бы его панцирь, как хрупкую скорлупу.

Но герой не стал ждать, пока прекратятся судороги безголового тела. Он бросился прямо к платану и снял с него Золотое Руно. Потом он вернулся к Мееде. В сиянии Золотого Руна они не узнали окрестности. Половина деревьев в священной роще Ареса была повалена и разбита в щепки ужасным хвостом дракона. Его головы откатились на берег и лежали у самой воды, как три валуна, а из крови дракона образовалась река и, бурля, понесла свои волны к Евксинскому Понту.

Перепуганная Меедея прижалась к Язону. Тесно обнявшись, они побежали к «Арго». Все аргонавты сошли с корабля навстречу герою. Суровые воины радовались, как дети, волшебному блеску Золотого Руна. Они не могли им налюбоваться и, разглядывая, передавали его из рук в руки.

Тем временем сладкоречивый Орфей взял кифару, сделанную из щита морской черепахи, и запел хвалебный пеан — гимн в честь богов. Однако Язон не хотел терять ни минуты. Он знал, что Эет ни за что не отдаст Золотое Руно чужестранцам, и опасался, как бы коварный царёк не

заставил его навсегда остаться в Колхиде. Вот почему он приказал аргонавтам взойти на корабль и немедля отчалить от берега. А сам, обратясь к Медее, сказал:

Дева! Удачи моей госпожой тебя сделали боги.
Трижды спасённый тобой, стал я навеки твоим.
Если тебе не противен супруг из Пелазгии дальней
(Хоть и безумье мечтать гостю о счастье таком),
Смело со мною взойди ты на палубу быстрого «Арго»,
В землю родную мою смело последуй за мной.
С нежной улыбкой ему в ответ молодая Медея:
— Если не гонишь меня, всюду пойду за тобой.
Милый! По воле богов я навеки тебя полюбила.
Город, где ты родился, будет отчизной и мне.

Между тем аргонавты подняли парус и отвязали чалки. Язон и Медея по крепким сосновым сходням взошли на палубу корабля. Парус хлопнул о мачту и с шумом наполнился ветром. Дружно ударили вёсла, запенились волны, и быстролётный корабль исчез в темноте.

ПОГОНЯ

Утром проснулся Эет. Он сейчас же послал своих воинов в рощу Ареса.

Злобный царь был уверен, что воины принесут ему череп и кости Язона, обглоданные драконом. Но воины с громкими криками возвратились к царю. Они уверяли все в один голос,

что страшный дракон умерщвлён, а Золотое Руно пропало из рощи.

В ярости царь соскочил с постели. Топнув ногой, он обозвал посланцев лгунами и трусами, велел подать себе парчовую хламиду и, опираясь на посох, отправился сам к кораблю аргонавтов. Но там, где вчера стоял на причале священный корабль, бушевало теперь пустынное море. И «Арго» и аргонавты исчезли. Только выжженный круг от костра да несколько головешек чернели на месте их прежней стоянки.

Разъярённый Эет вернулся к себе во дворец. На пороге дворца к нему кинулась Халкиопа, не одетая, вся в слезах. Халкиопа кричала царю, что Медея пропала, — наверное, и Медею похитили греки.

Эет совсем обезумел от гнева и горя. Он выскочил из дворца и приказал снарядить в погоню за «Арго» четырнадцать кораблей, по семидесяти воинов на каждом. Жадный царь бесновался, не зная, о чём ему больше жалеть: о похищенной дочери или о драгоценном руно.

Но пока Эет ярился, «Арго» был уже далеко.

Вёсла героев дружно пенили море парус вздувался от ветра, как белое облако, мачта гнулась, канаты скрипели. Налегая на вёсла, гребцы распевали победную песнь,

радуясь ветру, несущему их домой. А Медея смотрела Язону в глаза и смеялась.

Очарованная царевна забыла отца и сестру, рощу Ареса и чёрные скалы Колхиды — так глубоко вонзилась ей в сердце стрела Эрота.

Уже розоперстая Эос заря давно слетела с небесного свода, когда корабли Эета покинули гавань и ринулись в море. Тщетно их чёрная стая кружилась по водам Евксинского Понта. Напрасно глаза Эета искали добычи в пустынных морских просторах: они нигде не приметили паруса «Арго». Всюду, куда достигало орлиное зрение царя, он видел одни только волны. Валы громоздились то справа, то слева, гонялись один за другим и рассыпались в солёные брызги. Ни птицы, ни облака не было в небе. Лишь Гелиос-солнце летел над водой в золотой колеснице.

Но солнечный бог не выдал царю аргонавтов. Он молча правил квадригой своих огненогих коней. Тщетно Эет простирал к нему руки. Гелиос не хотел раздражать Афину и Геру, которые охраняли Язона. И, кроме того, он любил свою внучку Медею больше, чем злобного сына.

Тогда Эет пустился на хитрость. Он знал, что вернуться домой, в Элладу, греки могут только двумя путями.

Или они поплывут через пролив Геллеспонт, или возьмут к северу по древнему Истру, ныне Дунаю, мимо мрачных

гиперборейских стран, где водятся люди с собачьими головами. Обдумав это, Эет разделил свой флот на два отряда. Первый отряд он сам повёл к Геллеспонту, а второй, под начальством младшего брата Медеи Абсирта, отправил ближайшим путём к устью Истра.

Куда бы теперь ни пришли аргонавты, они непременно попали бы в руки царя.

Между тем Язон, опасаясь погони, поостерёгся плыть к Геллеспонту. Он повернул «Арго» как раз в ту самую сторону, куда направился Абсирт. С разных сторон враждебные корабли стремились к одной общей цели. И всё зависело от того, успеет ли «Арго» войти в устье Истра прежде, чем подоспеет Абсирт.

ГИБЕЛЬ ЦАРЕВИЧА АБСИРТА

Много раз ночь спускалась на землю, прежде чем аргонавты увидели берег и подошли к островку неподалёку от устья реки. Могучие дубы и тёмные тополи дремали над самой водой. Прохлада и сумрак манили усталых гребцов, а в глубине густолиственной рощи виднелся храмик — четыре колонны из белого мрамора с плоскою кровлей.

— Мы очень устали, — сказали Зет и Калаид, поглядывая на остров, — а вверх по Истру придётся всё время грести. Сойдём на землю и отдохнём до вечерней зари.

— До ночи, — поправили Кастор и Полидевк. — В ночной темноте мы незаметно проникнем в реку, и царь Эет никогда не узнает, куда мы пошли.

Язон кивнул головой. На одних только вёслах герои вошли в неглубокую бухту, закрытую лесом и скалами с трёх сторон, спустили смолистые сходни и вышли на сушу.

Ни о чём не заботясь, на время забыв о погоне, они разбрелись по лужайкам и рощам приветного островка. Гребцы разминали усталые члены, боролись друг с другом, стреляли из луков в румяные дикие яблоки, а Медея искала повсюду волшебные травы, цветы и корни.

— Мы очень устали, — сказали Зет и Калаид, поглядывая на остров, — а вверх по Истру придётся всё время грести. Сойдём на землю и отдохнём до вечерней зари.

— До ночи, — поправили Кастор и Полидевк. — В ночной темноте мы незаметно проникнем в реку, и царь Эет никогда не узнает, куда мы пошли.

Язон кивнул головой. На одних только вёслах герои вошли в неглубокую бухту, закрытую лесом и скалами с трёх сторон, спустили смолистые сходни и вышли на сушу.

Ни о чём не заботясь, на время забыв о погоне, они разбрелись по лужайкам и рощам приветного островка. Гребцы разминали усталые члены, боролись друг с другом,

стреляли из луков в румяные дикие яблоки, а Медея искала повсюду волшебные травы, цветы и корни.

Только мудрый Орфей со своей кифарой остался на берегу. Он сидел на прибрежной скале, потихоньку трогая струны, и старался понять, о чём говорят неумолчные волны. Со скалы ему виден был берег с устьем Истра, отделённый от острова нешироким проливом.

Вдруг Орфей быстро вскочил.

Аргонавты, только что задремавшие в роще на мягкой траве, пробудились от грома кифары. Золочёные струны не пели; они рокотали призывно и грозно, как в дни великих сражений. Сразу поняв, что случилась беда, Язон и другие герои бросились к Орфею и увидели вражеский флот, подлетающий к их островку на всех парусах. На носу переднего судна стоял молодой, прекрасный воин. Остриё его золотого копья сверкало на солнце, а на остальных кораблях щетинились копья колхидской дружины. Проскользнув между островом и материком, корабли повернули к берегу Истра и заградили дорогу священному «Арго». Как ни могучи, как ни бесстрашны были герои Эллады, они хорошо понимали, что семь чужих кораблей без труда одолеют их лёгкий корабль.

— Что будем делать? — спросил Язон аргонавтов.

— Выйдем в море, — упрямо сказал Геламон и взмахнул тяжёлым копьём. — Мы пробьёмся сквозь их корабли.

— Не успеем, — ответил ему осторожный Тифий.

— Лучше биться на суше, — добавили Бореады.

— Нет, — проговорил Полидевк, — они уведут быстрокрылый «Арго» и оставят нас здесь без надежды вернуться домой.

— Всё равно, — рассудил Мелеагр, сурово взглянув из-под шлема. — Нам осталось одно: победить или вместе погибнуть.

Но Медея по ярко горящим доспехам, по сиянию золотого копья узнала Абсирта. И в душе у неё загорелась надежда.

— Погодите, — сказала она аргонавтам. — Лучше хитрость, чем битва и смерть. Это только передовой отряд колхидского флота. Царь Эет, мой отец, плывёт позади на других кораблях. А царевич Абсирт доверчив и молод. Я его обману без труда. Только вы спрячьтесь в роще и не выходите оттуда, пока я вас не окликну.

Аргонавты одобрили мысль Медеи. Коварная дочь Эета взошла на скалу и, притворно рыдая, стала громко взывать к Абсирту.

— Милый брат, не веди сюда свои корабли. Здесь у берега острые скалы. Видишь, «Арго» лежит на мели. Прикажи спустить паруса, или вы разобьётесь о берег.

Простодушный Абсирт, услышав Медею, поверил сестре и велел спустить паруса. А Медея кричала.

— Не губи меня, милый брат! Если ты со своею дружиной захочешь напасть на пелазгов, они растерзают меня раньше, чем вы доберётесь до них, а Золотое Руно бросят в море.

Абсирту показалось, что Медея говорит правду, и он закричал с корабля.

— Что же надо мне делать, Медея?

— Доберись до острова вплавь, — отвечала Абсирту сестра. — Вступи в переговоры с Язоном. Если ты пообещаешь пелазгам отпустить их живыми домой, он, наверное, отдаст тебе руно и меня. Что же может он сделать ещё? Ведь корабль Язона лежит на мели, а дружина слабее колхидского войска.

И, боясь, что Абсирт не решится приплыть к аргонавтам один, она зарыдала сильнее.

— Что ты медлишь, милый Абсирт? Или хочешь, чтоб я погибла? Или мало того, что лукавые греки увезли меня силой из дома отца? Горе мне! Даже брат мой не хочет избавить меня от Язона.

Она так хорошо притворялась рыдающей и несчастной, что Абсирт перестал колебаться. Быстро снял он золотые доспехи, бросился в море и поплыл, рассекая руками лазурные волны.

— Видишь маленький храм в этой роще? — сказала Медея, когда он вышел на берег. — Это храм богини Дианы. В храме тебя никто не посмеет тронуть. Ступай туда, а я приведу Язона. — И она побежала в рощу.

— Брат мой в наших руках, — с торжеством объявила она аргонавтам. — А покуда он здесь, никто из колхидского войска не поднимет меча против нас. Идите, договоритесь с Абсиртом.

Но Язон недоверчиво покачал головой.

— Если ты захотела вернуться к Эту, я не стану держать тебя силой, — сказал он Медее. — Но никто не возьмёт у меня Золотое Руно.

— Неразумный, — смеясь отвечала Медея. — Неужели же ты поверил тому, что я обещала Абсирту? Я нарочно лгала, чтоб вернее его заманить. Отведи его пленником на корабль. Привязав его к мачте, мы выйдем в море, и ты занесёшь над ним меч. Колхидцы подумают, что ты хочешь лишить его жизни, и под этой угрозой расступятся перед нами, потому что никто из воинов моего отца не захочет смерти царевича.

Так хитро предлагала Медея, но Зет и Калаид рассудили иначе. Они отозвали Язона в сторону и сказали:

— Не верь колхидской царевне. Она хитра и коварна. То, что она говорит, не годится для нас. Всё равно царь Эет догонит нас в Истре. А он жаден и зол. Он охотней пожертвует сыном, чем отдаст нам Медею и Золотое Руно.

— Что же делать? — спросил Язон.

— Лучше убьём Абсирта, — ответили Бореады. — А труп царевича бросим на берегу. Царь Эет ни за что не уйдёт от этого островка, пока не оплатит любимого сына по обычаям древней Колхиды. А колхидцы плачут над мёртвыми три дня и три ночи. За три дня мы успеем уплыть далеко.

Выслушав этот жестокий совет, Язон покачал головой.

— Нехорошо убивать беззащитного пленника, — возразил он.

Но другие герои считали совет Бореадов разумным.

— Лучше убить одного, чем многим погибнуть, — заметил Линкей.

— Ты жалеешь брата Медеи, а нас не жалеешь, — сердито сказал Теламон.

В тяжёлом раздумье Язон отправился к храму Дианы.

А Медея, не смея идти за Язоном, прилегла на траву у высокого дуба. Но как только её голова прикоснулась к траве, мёртвый сон одолел царевну: опасаясь погони и мести отца, она не спала ни минуты с тех пор, как греки ушли из Колхиды.

Между тем Язон увидел Абсирта. Смуглолицый колхидский царевич стоял возле жертвенника Дианы. В нетерпении он крутил и ломал дубовую ветку. Он был очень похож на Медею, только выше, сильнее и тоньше, и Язон почувствовал жалость при мысли, что этот красивый и стройный мальчик может так рано погибнуть.

Подойдя к царевичу, он сказал приятным и ласковым голосом:

— Юноша! Знай, что ты поддался женской хитрости и попался к нам в плен. Если твои корабли приблизятся к острову, мы убьём тебя без пощады. Но если ты повелишь колхидскому флоту, не трогая нас, уступить нам дорогу, мы причалим к берегу Истра и отпустим тебя на свободу. Выбирай же, что хочешь: жизнь или смерть.

— Верни мне сначала всё, что украл у отца, — надменно ответил Абсирт, — Медею и Золотое Руно, потом говори.

Но Язон посмотрел Абсирту в глаза и спокойно сказал:

— Замолчи! Я не крал ни руна, ни Медеи. Золотое Руно я увёз потому, что выполнил все повеления Эета, а Медея сама захотела уехать со мной.

— Ты собака и вор! — в гневе крикнул Абсирт и топнул ногою о каменный пол. — Приведи мне Медею. Я оставлю её навсегда здесь, на этом пустом островке. Пусть погибнет от зноя и жажды за то, что она обманула меня.

Грозно нахмурясь, Язон схватился за меч. Но сейчас же отдёрнул руку.

— Не хотелось бы мне тебя убивать, — сказал он Абсирту. — Лучше миром закончим наш разговор.

— Не болтай бесполезного вздора, — сердито сказал Абсирт. — Позови мне Медею, пока я не кликнул своих и они не причалили к берегу.

— Берегись же, — сказал, отступая, Язон и выхватил меч. — Не вводи меня в гнев.

Но Абсирт засмеялся, с презрением взглянув на Язона.

— Ты не смеешь напасть на меня в этом храме. Человека, стоящего в храме, даже боги считают священным. Спрячь свой меч и исполни моё приказание. Что ж ты медлишь, лукавый пелазг? Я подам моим воинам знак, и, клянусь Аполлоном, ни один из твоих аргонавтов никогда не увидит Эллады!

Обезумев от гнева, Язон бросился на Абсирта. Не веря себе, царевич закрыл руками лицо. Он хотел отклониться, но тяжкий удар упал на его обнажённую голову. Пошатнувшись, он рухнул к ногам богини Дианы, и подножие каменной статуи окрасилось кровью.

Так погиб надменный Абсирт.

Неподвижно смотрел могучий Язон на убитого юношу. Гнев и жалость боролись в его душе. Ведь он погубил любимого брата Медеи.

Но, зная, что мёртвого всё равно не воскресишь, Язон удалился из храма, взошёл на скалу и, приставив ладони ко рту, закричал колхидской дружине:

— Слушайте, вы, неразумные люди. Ваш царевич остался у нас. Если вы хоть немного приблизитесь к берегу, мы его умертвим без пощады. А лучше плывите к царю Эету и расскажите ему, как вас обманула слабая женщина.

Услышав такие слова, колхидские воины подняли паруса и повернули назад. Ведь они ничего не знали о смерти Абсирта. Они надеялись, что Эет сумеет выручить царевича из беды.

А аргонавты, по совету Бореадов, отрубили у убитого руки и ноги и запрятали их в разных местах островка. Греки знали, что царь Эет не похоронит Абсирта до тех пор, пока не разыщет и не соберёт воедино все части его юного тела.

Потом они подняли с земли крепко спящую Медею, отнесли её на палубу «Арго» и потихоньку вышли в открытое море.

ВСТРЕЧА С ПСОГЛАВЦАМИ

Всё случилось так, как предвидели Бореады. Царь Эет со всем своим флотом приблизился к острову и сразу заметил тело Абсирта на чёрной скале.

Не помня себя от горя, он разодрал на груди одежду и проклял Медею. Он был уверен, что в смерти его сына виновна преступная дочь.

Два дня искали воины Эета отрубленные руки и ноги Абсирта. Они рыскали по волнам вокруг островка, заходили в каждую бухту, облазили скалы и обшарили рощу. Только на третий день закончились поиски. Мёртвого погребли возле храма Дианы, в далёкой чужой земле.

Между тем аргонавты свободно вошли в устье Истра и поплыли вверх по широкой реке. На рассвете второго дня пурпурные персты зари коснулись лица Медеи и разбудили её от долгого сна. Этот волшебный сон послала Медее Геката. Богиня подземного мрака заранее знала о неизбежной смерти Абсирта. Гибель царевича ей предсказали неумолимые Парки, богини судьбы. Геката любила Медею. Она не хотела, чтобы царевна видела мёртвого брата. Вот почему она усыпила Медею на целые

сутки. Проснувшись, Медея увидела всех аргонавтов: и кормчего, и гребцов, и Язона, стоящего на носу корабля.

— А где же Абсирт? — в недоумении спросила царица.

Ей никто не ответил. Аргонавты гребли в суровом молчании, а Язон упрямо смотрел в неглубокую воду.

— Где мой брат? — закричала Медея. — Куда вы девали его?

И опять ей никто не ответил. Вёсла сильными взмахами резали воду, пена, как змеи, шипела возле бортов корабля. И по согнутым спинам гребцов Медея вдруг поняла, что случилась беда. Она подбежала к Язону и, упав перед ним на колени, молила сказать ей всю правду.

— Брат твой остался на острове, — неохотно ответил Язон.

Он стоял перед ней неподвижный и грустный, с низко опущенной головой.

Царица в страхе отпрянула от Язона. Аргонавты оставили вёсла, боясь, что она с отчаянья бросится в воду. Но она, ничего не сказав и не глядя на них, добралась до кормы и опустилась на связку пеньковых верёвок. Там сидела она целый день, обхватив колени руками, склонившись на них лицом.

До заката никто не сказал ни слова, точно смерть воцарилась на «Арго». Лишь когда опустилось в пучину багровое солнце, а над волнами встала луна, богоравный Орфеи взял кифару и, ударив по струнам, запел. Нежный голос Орфея летел далеко над водой, тихо переливались звуки. Ветер упал, заслушавшись песни. Соловей — Филомела — умолк на ночном берегу. Волны перестали журчать под кормой и с рыданием биться о камни.

А по берегу Истра забегали быстрые тени. Это люди с собачьими головами, чудовища псоглавцы, привлечённые пеньем Орфея, целой стаей примчались к реке.

Их острые морды тревожно нюхали воздух. С хрустом ломая высокие камыши, они бежали за кораблём вдоль берега в мелкой воде, удивлённо размахивая руками и отрывистым лаем подзывая друг друга.

Но пловцы не смотрели на них и не слышали лая. Улыбаясь, внимали они певцу, и каждый из них вспоминал родную Элладу. Этот видел дымные рощи и светлые берега; тот — чудесные острова и высокие белые храмы; третий — горы над волнами синего леса. И Медея по воле певца забыла об убитом Абсирте. Только в тёмных глазах у неё ещё не просохли недавние слёзы.

Вёсла выпали сами собою из рук гребцов, а кормчий оставил кормило. Неподвижный корабль задремал у мели возле берега Истра.

Это сразу заметили псоглавцы. Скаля зубы и злобно рыча, они собрались на песчаной отмели. Их было великое множество. Они жались к воде, чуя близко добычу, но не знали, как переправиться на корабль. Наконец передние бросились в воду и поплыли к спокойно стоявшему «Арго».

Плеск воды, рычание и лай пробудили Орфея. Он оставил кифару; чары волшебной песни покинули аргонавтов. Воины сразу схватились за вёсла. Но вокруг корабля вся река кишела телами чудовищ. Их свирепые морды одна за другой поднимались из волн. Волосатые руки с кривыми когтями хватались за борт и за вёсла. Зубы с лязгом вонзались и яростно грызли дерево корабля.

Плечо к плечу Мелеагр и Язон рубили мечами. Кастор и Полидевк били страшных чудовищ могучими кулаками, а Зет и Калаид поражали сверху тяжёлыми вёслами, между тем как проворный Тифий взялся за кормило, Евфал же поставил по ветру ослабевший парус.

Шум великой битвы на Истре разбудил молчаливые берега. Птицы тучами поднимались из камышей, уносились на север с печальными криками. Звери в страхе бежали в

леса и пустынные степи. Быстрокрылые чайки в тревоге кружились над древней рекой, почерневшей от крови.

А с берега к кораблю подплывали всё новые стаи страшилищ, и уже по бортам карабкались вверх псоглавцы. «Арго», обвешанный сотнями тел, накренился к воде, и на палубе закипела кровавая схватка. Там, на носу, сражался с чудовищем Линкей. Здесь Язон, обхватив псоглавца руками, оторвал от настила его волосатое тело и швырнул его в Истр. Мелеагр возле мачты с трудом отбивался от трёх псоглавцев, а Медея, дрожа, закрывала руками лицо. Видя гибель, грозящую Мелеагру, и боясь за Медею, Язон поспешил к ним на помощь. Точно молнией Зевса, разил он чудовищ мечом, и те рушились в воду одно за другим. В это время спасительный ветер напружинил парус. «Арго», вздрогнув, рванулся вперёд и поплыл по реке, далеко за собою оставив рычащую стаю.

Видя, что им не догнать корабль, псоглавцы повернули к берегу. Выбравшись на песчаную отмель, яростные, разгорячённые запахом крови, они уселись на берегу и, вытянув морды к луне, завывали звериным воем. Долго ещё их неистовый хор звучал в ушах аргонатов, покуда и отмель и страшная стая не скрылись за поворотом реки.

— Видишь, — сказала Язону Медея, — это боги наслали чудовищ на нас в наказание за то, что ты совершил

злодеянье. Бойся грозных Эриний, Язон! Богини мести не оставят нас до тех пор, покуда кровью своей не искупим мы смерти Абсирта!

— Только бы нам вернуться в Элладу, — ответил Язон, — и отобрать у Пелия царство. А там я сумею умиловать Эриний. Я поставлю им храм из паросского белого мрамора, и они помирятся со мной.

КАК АРГОНАВТЫ СПАСЛИСЬ ОТ БУРИ

День за днём поднимался корабль аргонатов против течения пустынного Истра. Мимо неслись берега, поросшие сумрачным лесом. Ни судов, ни людей не встречалось на этом пути.

Наконец аргонаты завидели горы, покрытые снегом, и дошли до истоков реки. Дальше некуда было идти. Пришлось волочить корабль по земле до реки Эридан, катить его по горе на сосновых катках, опускать вниз по обрыву и снова плыть по воде.

В тяжёлой работе летели дни, покуда, пройдя Эридан и Родан, пловцы не достигли Тирренского моря у берегов безлюдной земли, которую много позднее стали называть Италией.

С весёлыми криками выплыли аргонаты в открытое море. Но неприветливо встретило это море пловцов. Чёрные

тучи нависли над самой водой. Злобный ветер завыл им навстречу. Волны вздулись, как горы, а сорванный парус упал на гребцов, едва не сбросив их в воду.

— Горе нам! — закричал Теламон. — Великие боги сговорились нас погубить.

— Это всё из-за нашей колдуньи, — бормотал про себя Калаид. — Горе тем, кто связался с женщиной.

А Язон отвечал сердитому сыну Борея:

— Помолись своему отцу. Может быть, он придёт нам на помощь.

Но как ни взывали к Борею Зет и Калаид, буря ревела вокруг с каждой минутой сильнее, чёрные волны бросали корабль то вперёд, то назад, то к самому небу, то в бездну.

— Море требует жертвы, — сказал аргонавтам Зет. — Кому-то из нас придётся погибнуть.

— Того, кто прогневил богов, мы и сбросим в море, — проворчал жестокий Калаид, взглянув на Медею. — Иначе все мы погибнем.

— Стыдись, — отвечал добродушный Евфал. — Лучше всем нам погибнуть, чем сбросить в море товарища.

— Помолись своему могучему деду, Медея, — задыхаясь от ветра, крикнул Язон. — Пусть он разгонит тучи.

Но сколько ни молилась Медея великому Гелиосу, буря крепчала и выла вокруг в полуночном мраке. Солёные волны совсем заливали корабль, он тяжелел от воды и погружался всё глубже и глубже. Рук не хватало, чтобы вычерпывать воду.

Но сколько ни молилась Медея великому Гелиосу, буря крепчала и выла вокруг в полуночном мраке. Солёные волны совсем заливали корабль, он тяжелел от воды и погружался всё глубже и глубже. Рук не хватало, чтобы вычерпывать воду.

— Клянусь Посейдоном, — воскликнул Зет, — сбросьте же в воду колдунью, и море утихнет!

— Сбросьте в воду Медею! — кричал и Калаид. — На гибель мы взяли колдунью с собою. Это она нам приносит несчастье.

И оба жестоких брата ринулись на корму, где, вцепившись в канаты, сидела Медея, мокрая с головы до ног.

— Назад! — загремел Язон, бросаясь к Медее на помощь. — Или вы первые свалитесь в воду.

— Назад! — сказал и Евфал, заслоня Медею.

А Теламон повторял:

— Братья, не сердитесь. Простимся друг с другом. Теперь нам ничто не поможет.

В это мгновенье молния прынула с неба и на корме послышался голос. Это священная голова богини Афины, врезанная в корму корабля, открыла свои деревянные уста.

— Плывите к острову Кирки, — сказал нечеловеческий голос. — Светлая дочь Латоны и Зевса, богиня Диана, разгневалась на Язона за то, что он осквернил её храм убийством Абсирта. Молите волшебницу Кирку — Цирцею — очистить вас от греха.

Не замолк ещё голос воительницы, как страшный белоголовый вал поднял корабль на хребет и погнал его в ночь с такой быстротой, что все аргонавты попадали друг на друга. «Арго» весь задрожал, заскрипел, затрещал от напора воды и с размаху врезался носом в песок. Буря мгновенно утихла, в разорванных тучах встала Диана-луна и озарила неведомый берег. Аргонавты спустились на землю, радуясь избавлению от смерти и забыв про недавнюю ссору. Но неприветливой показалась им и земля.

Это царство Гадеса, — сказали могучие Диоскуры, Кастор и Полидевк. — Это входы в подземный Тартар.

— Берегитесь Танатоса, демона смерти, — прибавил Орфей. — Не спите, потому что Танатос коварен и убивает во сне.

Но Язон отвечал:

— Лучше Тартар, чем бурное море. Дождёмся рассвета.

Аргонавты бросили якорь и укрепили его в песке, чтобы волны не смыли корабль. Тесно прижавшись друг к другу, они забились под борт корабля, тщетно стараясь укрыться от холода. Руки и ноги их коченели, а зубы стучали. Утомлённые бурей головы сами клонились на грудь, и веки слипались.

Видя, как трудно могучим героям бороться со сном, Мелеагр укрепил на мачте свой бронзовый щит и принялся колотить по нему рукояткой меча. Медным звоном будил он усталых товарищей, чтобы страшный Танатос не похитил их души во сне.

КАК ЯЗОН И МЕДЕЯ ОЧИСТИЛИСЬ ОТ ГРЕХА У ВОЛШЕБНИЦЫ КИРКИ

Розоперстая Эос встала над морем, и Солнце на огненной колеснице выкатилось из-за туч. Зоркий Линкей сейчас же приметил тропинку на чёрной скале. Но, приблизившись к ней, аргонавты увидели не тропинку, а подобие каменной лестницы, вырубленной в скале руками титанов. Тяжёлые глыбы громоздились одна над другой до самого неба.

— Не ходите наверх, — сказал осторожный Тифий, — там живут великаны.

Но бесстрашный Язон возразил:

— Кто боится, пускай остаётся внизу. Я же взойду на вершину скалы и увижу, куда занесла нас судьба.

И герои в молчанье последовали за ним. Целый день поднимались они по гигантским ступеням, становясь друг другу на плечи и хватаясь за камни руками. Руки их срывались, а ноги скользили по гладкой скале.

— Что мы ищем? — твердили друг другу Зет и Калаид. — Куда мы стремимся? Чем карабкаться вверх к неведомой цели, не лучше ли нам возвратиться назад, сесть на «Арго» и выйти в открытое море?

Но Язон отвечал:

— Неразумны такие слова. Или буря напрасно прибила нас к этой земле? Кто из вас поручится, что там, наверху, не живёт волшебница Кирка?

И опять аргонавты пускались в томительный путь через пропасти и провалы. А взойдя на вершину скалы, оглянулись на море, и «Арго» показался им меньше скорлупки лесного ореха.

Вдруг Линкей закричал:

— Там город, за лесом, внизу. Вижу, как поднимается дым над домами.

Герои спустились с горы и вступили в долину, залитую светом. Утонув по колена в траве, бродили здесь

тонкорунные овцы, и пчёлы жужжали кругом, привлечённые мёдом цветущих деревьев. В тёмных листьях висели повсюду золотые плоды.

У дороги стоял старый пастух, опираясь на посох, а тучные свиньи взрывали носом лиловую пашню.

— Чей это город мы видим вдали? — окликнул Язон пастуха. — И чей это храм из чёрного камня?

— Чей это город мы видим вдали? — окликнул Язон пастуха. — И чей это храм из чёрного камня?

— Город наш, — ответил пастух, — а храм беспощадных Эриний. Некогда здесь обитали киклопы. Они разоряли селения и пожирали людей. Но с той поры, как нашим городом правит волшебница Кирка, киклопы покинули остров, и мир царит на земле.

— Слава великим богам! — воскликнул Язон. — Мы близко от цели.

И все повторили за ним:

— Слава великим богам!

Одни Бореады молчали, хотя и уверились, что роптали несправедливо.

Скоро заметил Язон и дом волшебницы Кирки, сложенный из тяжких камней на открытом и солнечном месте. Около входа лежали огромные горные львы и

свирепые с виду волки. Завидев пришельцев, они поднялись, но без гнева, миролюбиво махая хвостами, ждали, покуда те подойдут. А из дома звучала приятная песня. Скрываясь за тканью, которою были завешены двери, волшебница пела, и тонкая ткань колебалась от ветра.

— Слышите голос? — сказал Орфей аргонавтам. — Кирка, наверное, молода и прекрасна. Она нам поможет.

Не успел он сказать, как ткань, отнесённая ветром, открыла незапертый вход и герои увидели Кирку. Удивлённые, они отступили назад.

Мудрая Кирка сидела на троне, украшенном хитрой резьбой, величавая и седая. Её иссохшие руки недвижно лежали на поручнях трона. Бесчисленные морщины избороздили её лицо, такое древнее, как земля. Только глаза божественной жрицы Эриний светились, как два драгоценных камня.

— Кто вы? — сурово спросила она аргонатов. — Откуда пришли и чего вы хотите?

Звери, услышав её слова, улеглись у порога, а Язон приблизился к входу с надеждой и страхом.

Но надежда героя была напрасна. Как только древняя Кирка узнала, что аргонаты умертвили Абсирта у жертвенника Дианы, она отказалась и слушать Язона.

Тщетно он заклинал непреклонную жрицу очистить его от крови юного брата Медеи.

— Вы совершили ужасное злодеянье, — сказала волшебница Кирка. — Нет на земле вины тяжелей, чем убийство того, кто скрывается в храме и ищет спасенья у алтаря. Я давно живу на свете. Глаза мои видели Зевса ещё молодым, но не случилось мне слышать, чтобы сестра заманила на гибель любимого брата. Оставьте нашу страну, вероломные чужеземцы. Я не хочу, чтобы ноги злодеев ступали по её священной земле.

И, видя, что странники медлят, не в силах уйти, она повторила:

— Кто вы и как вас зовут? Вы рассказали мне всё, а имён не назвали. Откройте же их, чтобы все люди знали, как называть осквернителей храма Дианы.

Язон, потупясь, молчал. Не хотелось герою, чтобы имя его люди произносили с проклятьем, как имя злодея. С тяжким вздохом, не отвечая старухе, повернулся он, чтобы уйти. Но Медея, стоявшая сзади, смело приблизилась к трону. Кирка в недоуменье смотрела на девушку, подходящую к ней без боязни. Вдруг она поднялась с высокого трона, поражённая блеском очей Медеи, и в волненье спросила:

Дева, по светлым чертам — ты дочь огнеликого бога,
А по сиянью очей — мне молодая сестра.
Гелиос только один такое сиянье дарует
Смертных глазам от него в мире рождённых людей.
Ни всемогущая скорбь, ни ядовитые слёзы,
Ни смертоносный недуг — старости верная тень —
Солнечный этот огонь в глазах погасить не способны
Кто ты, родная моя? Имя своё назови.
— Дочь я Эета-царя, — отвечала старухе Медея. —
Гелиос, солнечный бог, дедом приходится мне.
Проклято имя моё, а если и ты не поможешь,
Братоубийцей меня станут в глаза называть.

Не успела она договорить, как древняя Кирка, дрожа,
привлекла царевну к груди.

— Если и вправду ты дочь Эета, — сказала она, — я не
могу отпустить тебя, не очистив от преступления. Ведь я
родная сестра царя Эета и дочь великого Гелиоса. Боги
предсказали мне, что незадолго до смерти услышу я вести о
милой Колхиде.

Вымолвив эти слова, она сбросила с себя верхнее
покрывало и взяла свой волшебный жезл. В то же мгновенье
морщины исчезли с её лица, вместо седых волос на плечи
упали тёмные кудри, а сгорбленный стан распрямился и
сделался гибким и стройным. С гордой улыбкой смотрела

прекрасная Кирка на Медею и аргонатов. А те отступили, поражённые превращением и светлой её красотой.

— Не бойтесь и не дивитесь, — сказала волшебница. — Боги дали мне вечную юность бессмертных и мудрость старухи. Пойдёмте в храм и принесём священную жертву богиням мести.

Они отправились к алтарю беспощадных Эриний. Кирка там заколола ягнёнка и тёплой жертвенной кровью омыла руки Язона, очистив его от свершённого им преступления. С души Язона упала великая тяжесть, а Медея первый раз после смерти Абсирта улыбнулась ему.

Но, прощаясь с Медеей, волшебница Кирка сказала:

— Даже и я неспособна совсем избавить Язона от наказания. С тех пор как руки его омылись жертвенной кровью, люди не смогут ему отомстить за царевича. Но берегитесь богов. Совесть Язона до смерти не будет спокойна. Тяжкою будет ваша совместная жизнь. Много вы испытаете бед и лишений.

ОСТРОВ СИРЕН

Несмотря на такое печальное предсказание, аргонаты дружно и весело двинулись в путь. Как ни прекрасен был остров волшебницы, как ни чудесна долина, где царствует вечное лето, родная Эллада была им милей.

Быстро скользил их корабль мимо берегов плодородной Италии, и волны переливались под ним подобно серебряной чешуе. К вечеру над водой закружился туман; несколько островков, похожих на встречные корабли, показались на горизонте. Но мгла опустилась до самой воды и скрыла островки от глаз аргонатов.

Вдруг из тумана слышалось пение. Звучные женские голоса, сначала далеко, потом всё ближе и ближе, всё громче и громче зазвенели в вечернем воздухе. В недоуменье переглянулись герои. Они не могли понять откуда доносится пенье. Казалось, что им навстречу несётся в тумане корабль, полный незримых певиц. И хотя аргонаты не слышали слов, им чудилась в звуках мольба и тревога, жалобный нежный призыв.

Это были волшебные звуки, они притягивали к себе аргонатов, манили и звали корабль за собой. Сначала Орфей повернулся лицом туда, откуда слышалось пение, и замер на месте. Потом Линкей, напрягая острое зрение, впился глазами в туман. За ним и Медея, откинув косы от ушей, прислушалась к песне, и юные Диоскуры, выпустив вёсла из рук, застыли в глубоком молчанье. А кормчий Тифий, оставив кормило, встал во весь рост и поднял правую ногу на борт, точно вздумал шагнуть через него в воду.

— Стойте! — сказал наконец Язон. — Это песня о смерти. Кто-то тонет в тумане и взывает о помощи.

По знаку Язона гребцы схватились за вёсла. Их бронзовые тела разом рванулись вперёд, потом откатнулись назад, и «Арго», весь в пене и брызгах, понёсся сквозь плотный туман на призывные звуки. Никогда ещё аргонавты не гнали корабль с такой быстротой. Охваченные неодолимым желанием узнать, откуда звучит эта песня, гребцы забыли даже свою Элладу.

Нос корабля на быстром ходу прорезал туман, и навстречу ему точно всплыл из-под воды неведомый островок. У подножия этого островка кипели буруны, и острые рифы, скрытые под водой, грозили неосторожным пловцам. А на зелёной лужайке, у самых волн, были набросаны груды камней, и жёлтые черепа с пустыми глазницами валялись в траве.

Но аргонавты не замечали бурунов. Не видели они и костей. Сильными взмахами вёсел гнали они свой корабль прямо на рифы. Там на гладкообточенном камне, над самой водой, вполоборота к пловцам сидели три девы-певицы. Наполовину скрытые камнем, они манили к себе аргонавтов и пели волшебную песнь. Их волосы отливали на солнце то медью, то зеленью. Руки тянулись навстречу героям. Большие глаза, холодные, как глаза змей, не отрываясь

следили за «Арго». И, повинувшись волшебному взгляду, кормчий Тифии направил корабль прямо на камень. Точно во сне он видел и рифы, и золотистую мель, но под действием чар ему казалось, что лучше разбиться о риф, чем уплыть от острова прочь, не упившись чудесным пением. То же чувствовали и другие пловцы. Только мудрый Орфей не поддавался волшебству.

Встав на носу корабля в длинной волнистой хламиде, поднял кифару певец и по струнам рукою ударил. Мерно под ловкой рукой загремели согласные струны, страшных певиц голоса заглушая торжественным хором:

Стойте, герои Эллады, гребцы быстроходного «Арго»!
Или затем мы спаслись от погони жестоких колхидян,
Чтобы погибнуть в волнах, не достигнув Пелазгии милой?
Разве не слышите вы, как ревут перед нами буруны.
Берег и скалы вокруг покрывая кипучею пеной?
Разве не видите вы: это остров Сирен смертоносных.
Бойтесь коварных сестёр. Неизбежными чарами песен
Губят они корабли проходящих вблизи мореходов.
В море, отважный Язон! Удались от обители смерти.
Тот, кто увидел Сирен вероломных и ими пленился.
Тот ни седого отца, ни матери милой, ни братьев
В доме родном никогда не утешит желанным возвратом.
Злобные сёстры-Сирены до пояса так же прекрасны,
Как и богиня любви Афродита, рождённая морем.

Но не смотрите на них, не пленяйтесь их ложной красою:
Бёдра волшебных сестёр поросли отвратительной шерстью,
А от колен вместо ног кривые орлиные лапы
Издавна служат у них безобразному телу опорой.

Так пел аргонавтам Орфей, и сами Сирены заслушались песни.

Они не понимали человеческой речи, но голос певца казался им слаще и чище их собственных голосов. А звуки его кифары так удивили коварных сестёр, что они замолчали, в недоуменье глядя на быстро идущий корабль.

Но как только пенье Сирен прекратилось, один за другим очнулись гребцы.

Волшебные чары слетели с Тифия, как сон. Он грудью налёг на кормило, и лёгкий корабль, едва не ударясь о камень, свернул на восток и помчался от острова прочь.

В страшном волнении Сирены прыгнули с камня и вперевалку заковыляли к воде. Им так хотелось поближе взглянуть на Орфея, что они на минуту забыли о своём безобразии. Но тут уж все аргонавты увидели и косматые бёдра, и кривые птичьи лапы волшебных сестёр. Могучим презрительным смехом разразились тогда герои. Громко засмеялся Язон. Корчась от смеха, перепутали вёсла Кастор и Полидевк. Схватился за голову смешливый Евфал, а Теламон обнял руками мачту, чтобы не опрокинуться в воду.

Так уплыли герои от страшного острова. Сирены же, упав на траву, катались по ней и грызли друг друга в напрасной ярости.

ХАРИБДА И СКИЛЛА

Когда наконец аргонавты перестали шутить и смеяться, мудрый Орфей сказал:

— Часто издали люди считают прекрасным то, что вблизи уродливо и смешно.

И все согласились с Орфеем.

Но недолго герои вспоминали косматых красавиц. Впереди им послышался грохот волн, точно буря опять летела навстречу. Налево они увидели берег, а направо — огромный лесистый остров. Между островом и землёй показался пролив, очень узкий и стиснутый скалами. С одной стороны слышался хриплый собачий лай, точно тысячи псов собрались на скале и делили добычу. С другой — грозно ревела пучина, и с каждой минутой нарастала волна.

— Неужели опять мы вернулись к Евксинскому Понту и попали в страну псоглавцев? — спросил Теламон.

Но ему никто не ответил, потому что никто не знал, что за остров виднеется сбоку.

Слыша грохот и лай, Тифии повернул налево. Он подумал, что псы на скале не очень опасны. Лучше плыть мимо них, чем попасть в ревущий поток.

Но как только «Арго» приблизился к левому берегу, Язон закричал:

— Правь правее, Тифий! Посмотри: это страшная Скилла.

Аргонавты взглянули наверх и увидели на скале отвратительное чудовище.

Шесть свирепых волчьих голов, разевая кровавые пасти с тремя рядами зубов, раскачивались над бездною. Они, как грибы на липовом пне, торчали пучком на одной извилистой шее. Двенадцать звериных лап со стальными когтями тянулись навстречу «Арго». Двенадцать горящих глаз неотступно следили за кораблём.

В страхе Тифий направил корабль к правому берегу. Но не успел он ещё отойти от мерзостной Скиллы, как справа разверзлась огромная пасть другого чудовища. Волны бурным потоком хлынули прямо в разинутый зев, как в бездонную пропасть, увлекая корабль за собой.

— Назад! — закричал Мелеагр. — Гребите назад! Берегитесь Харибды!

Изо всех сил работали вёслами аргонавты, борясь с яростным течением.

Только чудом им удалось задержать корабль и причалить его к покрытому тиною рифу, внезапно поднявшемуся из волн, потому что Харибда втянула всю воду в своё ужасное чрево и море вдруг обмелело.

Оглушённые рёвом прибоя, пловцы, как могли, держались за камень, а Харибда, раздув дрожащие ноздри, тянула в себя остатки воды, и пар поднимался над нею столбами.

— Как только чудовище выпустит воду обратно, — сказал аргонавтам Язон, — сразу беритесь за вёсла. Если нам не удастся пройти, куда оно переводит дыханье, мы никогда не увидим Эллады. Ставьте же парус. Молите отца, Бореады, чтобы он нам помог.

Покамест он так говорил, волны с шумом помчались обратно. Это злая Харибда отрыгнула всю воду из чрева. Но гребцы уже были готовы.

Вёсла ударили по воде, парус с треском развернулся во всю ширину, и корабль, как стрела из лука Дианы, пролетел мимо самых чудовищ.

Долго слышали аргонавты, как лает им вслед свирепая Скилла, как ревёт и фыркает в гневе Харибда, но теперь они были спокойны и, спустив парус, потихоньку гребли на восток, огибая гористые мысы.

Так они миновали Мессинский пролив.

ПЛАНКТЫ

Однако впереди их ждало ещё одно испытание. Надо было пройти через Планкты — огромную сводчатую пещеру. В этой древней пещере царит тьма. Только узкая трещина в своде пропускает отблеск дневного света. В вечном мраке по кругу струится вода и воронкой уходит под землю. Вечно кружит она обломки судов, заблудившихся в этой пещере. А под морщинистым каменным сводом бушуют холодные вихри, день и ночь над волнами встают водяные смерчи. Никогда ни один мореход не прошёл через Планкты. Даже голуби Зевса, которые точно белые пчёлы носят на светлый Олимп амброзию — сладкую пищу бессмертных богов, — и те погибают под сводами Планктов, сбитые в воду смерчем.

Но аргонавты никак не могли миновать этой мрачной пещеры. Путь в Элладу лежал через страшный подземный проход.

Осторожный Язон поставил корабль на якорь у самого входа в таинственный грот, чтоб принести обильную жертву богиням Афине и Гере. Герои молили бессмертных богинь усмирить волнение в пещере. Однако богини молчали, а небо над «Арго» подёрнулось дымкой. Пришлось выжидать хорошей погоды и попутного южного ветра.

Только на пятые сутки очистилось небо. Свежий попутный бриз наярив парус. Корабль сам просился вперёд,

но аргонавты не трогались с места: они ожидали знамения вечных богинь. Вдруг белый стремительный голубь пронёсся над палубой «Арго» и опустился на мачту. Почистив носиком перья, любимая птица богов опять сорвалась с корабля и скрылась под сводом пещеры. Язон подумал, что голубя к ним послала Афродита, и поднял якорь, надеясь на помощь богини.

Корабль разбежался по зыбким волнам, как тень проскользнул в пещеру и очутился в подземном мраке. Грохот и гром совсем оглушили героев. Подхватив смолёное судно аргонавтов, волны швырнули его далеко от входа и погнали мимо базальтовых стен по бесконечному кругу.

То и дело приходилось пловцам нагибаться под выступом чёрного свода и отталкиваться от стен. С каждым кругом корабль приближался к центру пещеры, и ни вёсла, ни руль не могли его задержать. Всё стремительней и короче становились круги. «Арго» падал в вертящуюся воронку, точно скользил по нарезке винта.

В смертном страхе Медея прильнула к Язону. Прижав к себе плачущую царевну, Язон смотрел ей в глаза последний раз перед концом. Могучие Диоскуры, обнявшись, сидели у мачты. Он и не боялись погибнуть, но им было горько и больно, что, умирая так рано, они не смогли совершить и половины тех подвигов, о которых мечтали с самого детства.

А Мелеагр стоял на носу корабля. Скрестив на груди свои сильные руки, нетерпеливый герой думал, что если уж смерть неизбежна, то лучше погибнуть первым, чтобы не видеть, как тонут друзья.

Один только юный Пелей не верил в близкую гибель. Пелей ещё не был женат, а боги ему предсказали, что у него от брака с подводной богиней родится герой Ахиллес, который прославит Элладу и имя отца. Пелей был уверен, что нимфы, живущие в Планктах, спасут его от губительных волн и увлекут за собой в подводный дворец. Он потихоньку молился богине любви Афродите, чтобы она напомнила нимфам о предсказании богов.

А «Арго» все нёсся и нёсся прямо к воронке, сужая круги; водяные смерчи, подобно чудовищным пальмам, выросли у бортов корабля и с грохотом рушились прямо на палубу, обдавая героев солёной водой. Вот уже нос бессильного «Арго» повис над клокочущей ямой водоворота. Ещё мгновение — и он бы обрушился в бездну. Но вместо того чтобы падать носом вперёд, корабль неподвижно застыл на волне. Внезапно настала глубокая тишина. Исчезли смерчи, и чёрные волны как бы подёрнулись масляной плёнкой. Только далёкие своды пещеры ещё отдавали назад запоздалое эхо недавнего гула.

С радостным криком Пелей соскочил со скамьи. Он был уверен, что Афродита, услышав его молитву, смирила подземные воды. Он думал, что из воды навстречу к нему сейчас всплывёт сама морская царица и пригласит его на подводный пир.

Но юный герой ошибся. Не Афродита, а Гера смирила пучину. Это она упростила лазурнокудрого Посейдона спасти аргонатов, и бог, взмахнув волшебным трезубцем, остановил вращение воды. Путь был свободен.

Громко крича от восторга, аргонаты выбрались из пещеры по другую сторону Планктов. Теперь уже ничто не могло задержать их корабль на пути. К полудню герои завидели радостный остров феаков, где правили народом добрый и справедливый царь Алкиной с прекрасной царицей Аретой.

АРГОНАВТЫ У ЦАРЯ АЛКИНОЯ

На этом острове ждал аргонатов заслуженный отдых. «Арго» вошёл в Феакийскую гавань. Всюду бесчисленными рядами стояли высокие корабли. Бросив якорь у пристани, герои пошли во дворец к Алкиною.

Глядя на аргонатов, на их тяжёлые шлемы, на крепкие мускулы ног в блестящих поножах и на загар коричневых лиц, миролюбивые феакийцы шептали друг другу:

— Должно быть, это Арес со своей воинственной свитой шествует в дом Алкиноя.

А посмотрев на Медею, они прибавляли шутливо:

— А вот и красавица Афродита. Только на этот раз она родилась не из пены морской, а из сажи в кузнице бога Гефеста. Видите, как черны её косы, как обветрена кожа. Должно быть, подземный огонь опалил ей лицо.

Так шутили весёлые феакийцы, шумной толпой провожая героев до царского дома.

Гордо вздымался над людною площадью дом Алкиноя. Медные стены блистали в переднем покое и были Сверху увенчаны светлым карнизом лазоревой стали. Вход ограждён был дверями, литыми из золота. Кольца И золотые замки украшали тяжёлые створки Справа и слева от двери стояли у самого входа Две золотые собаки искусной работы Гефеста: Были бессмертны собаки, с летами они не старели, Верно они стерегли крепкозданный дворец Алкиноя. Всюду по стенам покоя тянулись удобные лавки. Крытые мягким ковром в шерстяных разноцветных узорах. А в гиникее дворца, возле мудрой царицы Ареты, Вкруг очага, на скамье, пятьдесят рукодельниц сидели. Рожь золотую мололи они жерновами ручными, Нитки сучили и пряли умело прилежные девы.

Царь Алкиной приветливо встретил пришельцев. Он приказал отвести Медею на женскую половину дворца к гостеприимной Арете, а воинов пригласил к себе и устроил богатый пир. Шумной толпой вторглись в покой феакийцы. Всем им хотелось выслушать рассказы героев. Но не успели гости возлечь за столы на пышно украшенных ложах, как двери дворца распахнулись и в дом ворвались незнакомые люди.

Двенадцать чернобородых мужей с мечами в руках, гремя золотыми доспехами, торопливо прошли через зал и приблизились к Алкиною. Самый высокий из них, предводитель с седеющей бородой и с глазами, горящими злобой из-под чёрных косматых бровей, свирепо взглянул на Язона, возлежавшего рядом с царём. Быстро спрыгнул Язон с богатого ложа и могучей рукою схватил копье. Вслед за Язоном вскочили и все аргонавты, мгновенно готовые к битве. А бородатые воины, обступив своего предводителя, в ярости потрясали мечами.

Царь Алкиной с удивлением и гневом смотрел на эту безмолвную ссору. Если бы властным движением руки не удержал он врагов, бой завязался бы тут же в дворцовом покое, между накрытых столов и бочек с душистым вином.

— Кто вы такие? — спросил Алкиной бородатых пришельцев. — Кто вам позволил врываться с оружием в мирный дворец и нападать на гостей посреди весёлого пира?

— Я царь Эет, — отвечал предводитель чернобородых. — А гости твои — бесчестные люди: похитители и убийцы. стыдно царю укрывать их в своём крепкозданном дворце.

И, повернувшись к Язону, Эет потребовал, чтобы герой отдал ему Медею и Золотое Руно.

— Возьми, если можешь, — спокойно ответил Язон. — Только выйдем отсюда. Сразимся в открытом поле. Нехорошо затевать кровавую драку в светлых покоях дворца.

Бореады же расправили чёрные крылья и яростно закричали:

— Чего же ты медлишь, Эет? Пойдём и сразимся!

Буйные братья давно стосковались по войнам и битвам. Им надоело скитаться в морях и беспрестанно работать тяжёлыми вёслами. Они обрадовались неожиданной стычке; они горели желанием показать колхидской дружине искусство и силу греческих воинов.

Но Алкиной не хотел, чтобы дело дошло до сражения. Он успокоил Эета разумною речью и потихоньку послал слугу за царицей Аретой, которая славилась не только удивительной

своей красотой, но и великим умом. Узнав, в чём дело, Арета сейчас же явилась на пир.

— Выслушайте меня, великие воины, — с кроткой улыбкой сказала царица Эту и аргонавтам. — Меч никогда не докажет правды. Лучше решите ваш спор справедливым судом. Изберите судьёй царя Алкиноя. Он судит разумно и честно. Сами боги внушат ему правильный приговор.

С радостью принял Язон предложение Ареты. С той поры как вещая Кирка сняла с него грех, Язон не боялся суда. Эту же нахмурился и молчал. Он с удовольствием отказался бы от препирательств. Но, боясь показаться неправым, он мрачно взглянул на Арету и в знак согласия кивнул головой.

Гости опять возлегли за столы, и пир продолжался. Но он продолжался в молчанье, потому что враги не смотрели один на другого и, втайне сердясь, не хотели забавить царя Алкиноя приятной беседой. К полуночи все разошлись по разным покоям дворца и крепко заснули, потому что на скучном пиру выпили много вина.

Только царица Арета долго шепталась с Медеей в дальнем покое дворца. Всё разузнав от Медеи, она поспешила к царю Алкиною. Судьба несчастной царевны тронула сердце Ареты, и ей захотелось помочь аргонавтам.

Царь Алкиной сидел у постели и в раздумье расчёсывал гребнем волнистую бороду.

— Не знаю, как быть, — сказал он, взглянув на Арету. — Я молился богам, но они отвечают неясно. Афина и Гера хотят, чтобы я оправдал аргонавтов, а Диана и Гелиос требуют им наказания. Как бы я ни решил, кто-нибудь из богов будет разгневан.

Подумав немного, он продолжал:

— Нельзя оставить Язону Медею. Вот если бы он женился на ней, тогда никто не мог бы разлучить жену с мужем. Но так как они не женаты, придётся Медее вернуться к отцу.

— Так и решим, — улыбаясь, сказала Арета. — Ты хорошо рассудил, Алкиной.

Очень довольная тем, что узнала, она возвратилась к Медее, а царь Алкиной решил, что теперь ему не о чем думать, лёг в постель и заснул, забыв даже вытащить гребень из бороды.

— Закутайся в плащ и разуйся, — сказала Медее Арета. — Я послала раба за Язоном.

Крадучись вышли они в широкие сени дворца и, встретив у входа Язона, тайно от всех отправились в храм великой богини Геры, покровительницы семейного очага.

Плотно закрыв тяжёлые двери храма, озарённого светом одного факела, Арета сказала Язону о решении царя Алкиноя

и спросила героя, хочет ли он взять себе в жёны царевну, чтобы спасти её от гнева отца. Язон крепко задумался, а Медея стояла с низко опущенной головой и в тревоге ждала ответа. Ведь она любила Язона больше всех людей на земле. Наконец Язон повернулся к Арете и сказал:

— Выслушай меня, добрая Арета, а ты, царевна, запомни мои слова. Я очень люблю Медею. Ради этой любви я взял её на корабль. Но когда мы сели на «Арго», я был уверен, что боги помогут нам быстро вернуться домой и там отдадут мне наследство отца. Ведь Медея царевна, и я не хотел жениться на ней, пока не верну своё царство. Но всё случилось не так, как я думал. Не добрые боги, а злые, враждебные ветры несли мой корабль по волнам. Вместо мира и счастья скитанья и бури выпали нам на долю. Много дней прошло с той поры, как мы ушли из Колхиды, а у меня всё ещё нет ничего, кроме трости, щита и меча. Нет ни царства, ни дома, ни верной надежды их получить. Пусть Медея решает сама: пристало ли ей, царевне, скитаться с бездомным бродягой. Захочет ли царская дочь всю жизнь прожить с бедняком?

Тут Язон замолчал и с боязнью взглянул на Медею. А она протянула руки и прижалась лицом к холодным доспехам Язона.

— Довольно, — сказала царица Арета. — Я вижу, что злая судьба не испугает Медею. Отныне вы муж и жена и никто не посмеет вас разлучить.

Утром Эет со своею дружиной явился на суд к царю Алкиною, а вслед за Эетом вошел и Язон.

Мудрый судья восседал на высоком троне в белых одеждах, по краю окрашенных в пурпур. Рядом с царём на высоких подушках сидела Арета.

— Слушайте волю богов! — возвестил Алкиной, обращаясь к колхидянам. — Могучий Язон честно исполнил то, что приказал ему царь Эет, и Золотое Руно досталось Язону по праву. Но царевну Медею похитили аргонавты нечестно, и она вернётся к отцу. Так решили великие боги.

Выслушав это решение, Эет нахмурился и сказал:

— Плохой ты судья, Алкиной. Язон никогда не смирил бы быков, не посеял бы зубы дракона и не убил бы чудовища, если бы Медея не помогла ему колдовством. Он бесчестно украл у меня Золотое Руно, не свершив никакого подвига. Подвиги за него свершила Медея. Значит, ей и принадлежит Золотое Руно.

И, видя, что царь Алкиной в смущении не знает, что отвечать, Эет закричал со смехом:

— Боги всегда справедливы, Язон! Отдай мне Медею, а если не хочешь расстаться с проклятой колдуньей, верни мне без спора руно. Выбирай же, могучий герой, убивший дракона с помощью женщины! Ведь если тебя покинет Медея, ты потеряешь всю свою силу и не свершишь ни единого подвига.

Все колхидяне засмеялись. Довольные шуткой Эета, они хохотали и скалили белые зубы. Но Язон покачал головой и сказал:

— Напрасно ты веселишься, Эет. Ты не получишь ни руна, ни Медеи.

Услышав такие слова, Алкиной огорчился.

— Я судил справедливо, — сказал он герою. — Сами боги велели вернуть Медею отцу. Неужели ты хочешь нарушить волю богов?

— Нет, — ответил Язон, — не хочу. Но боги повелевают жене идти не за старым отцом, а за мужем.

— А Медея тебе не жена! — торжествующим голосом крикнул Эет. — Приведи ко мне дочь, или я возьму её силой.

— Нет, — ответил Язон. — Мы с Медеей муж и жена. Ни силой, ни словом ты ничего не возьмёшь, потому что мы дали друг другу священную клятву перед мраморной статуей Геры.

— Кто свидетели клятвы? — спросил Алкиной, недоверчиво посмотрев на Язона.

— Кто свидетели клятвы? — насмешливо воскликнул Эет.
— Не верьте ему: он обманщик. — И так как Язон молчал, Эет повторил с торжеством: — Где же свидетели клятвы?

— Здесь, — сказала царица Арета, склонившись с высокого трона. — Я слыхала их клятву, и я повенчала их в храме. Разве мало вам слова царицы Ареты?

Царь Эет, с горящими гневом глазами, как дикая кошка колхидских дебрей, бросился к трону, но, раздумав, повернулся на месте и пошёл из дворца.

Дойдя до дверей он опять обернулся, поднял обе руки и сказал, задыхаясь:

— Будьте прокляты вы, ненавистные греки! Пусть никто из вас не увидит отчизны. А ты, Алкиной, да не ведаешь счастья во веки веков!

В страшном гневе он выскочил вон и, спустившись к своим кораблям, удалился в Колхиду.

А царь Алкиной, очень довольный, что так хорошо для Язона окончился суд, устроил великий пир и до вечера слушал рассказы пловцов-аргонавтов.

Отдохнув у приветливых феакийцев, герои отправились в путь.

ПРОКЛЯТЬЕ ЭЕТА

Весело трепетал под ветром холщовый парус крепкодонного «Арго». День и ночь неустанно он резал лазурные воды, приближаясь к заветной земле. Наконец, аргонавты завидели берег и вдали очертания Иолка.

Свежий ветер родины дышал им в лицо, доносил до них запах травы, только что скошенной поселянами Иолка, запах спелого винограда и тучной земли. Язон и Медея стояли на самом носу корабля. И счастливый герой любовался картиной знакомого берега.

— Видишь пристань и храм, — говорил он царевне. — А вон там между зелени плоская кровля. Это домик Эсона-царя. Там найдешь ты отца, добрее и лучше Эета. А вот и высокий дворец коварного Пелия. Может быть, и помогут нам боги вернуть себе этот дворец.

— Возьми-ка кифару, Орфей, — просили певца Диоскуры. — С вольной песней влетим мы в родимую гавань Язона.

Но как только Орфей прикоснулся к кифаре, в лицо аргонавтам ударил порыв налетевшего с севера вихря.

«Арго» вздрогнул и, закружившись на месте, повернулся назад.

Накренясь к воде, он понёсся от милого берега прочь. С диким криком Язон подбежал к снастям и мечом обрубил канаты. Парус шумно упал, но, подхваченный вихрем, он унёсся в открытое море.

Течение помчало корабль на восток и на юг, мимо берега изобильной Эвбеи, а оттуда к Пелопоннесу. Тщетно Кастор и Полидевк, Зет и Калаид, Мелеагр и Язон хватались за вёсла. Напрасно Тифий пытался налечь на кормило. Вёсла с треском ломались в упругих волнах, а кормило не слушалось кормчего.

Вот уже скрылся на западе Пелопоннес, вот уже мимо мелькнули высокие красные скалы, вот и рощи зелёного Крита остались за крепкой кормой, а немного спустя перед носом показался из пенистых волн неведомый берег. Неприглядный и плоский, засыпанный жёлтым песком, без единого кустика, без травы, он тянулся на многие стадии вправо и влево, как пустыня за дальним Египтом.

«Арго» примчало потоком к самому берегу, и он глубоко завяз в чёрном илистом дне далеко от песчаной косы.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ПУСТЫНЕ

Проваливаясь по самое горло в вонючий и склизкий ил, аргонавты один за другим кое-как пробились сквозь эту трясину на берег. А Медею Язон перенёс на руках. Но им нужно было вытащить на берег и корабль. Пришлось

привязать к его носу, у киля, смолёный канат и, упираясь в землю ногами, тащить корабль в сыпучем песке по колено; мышцы на согнутых спинах и на руках вздувались как горы, а корабль не двигался с места: он крепко увяз. Но герои не падали духом; всё сильнее и сильнее налегали они на канат, покуда нос корабля не тронулся с места и, пропахав огромную борозду в илистом дне, не вышел на чистый песок. Только покончив с этой тяжёлой работой, герои смогли оглядеться кругом.

Берег был настоящей пустыней. Лишь гребни сверкающего песка уходили в бескрайнюю даль. Вокруг корабля расстилалось два моря: сзади лазурное, полное блеска и шороха волн, спереди — зыбкое, жёлтое море песков. И нигде даже зоркое зрение Линкея не заметило ни селенья, ни дерева, ни источника пресной воды.

— Это всё из-за нашей Медеи, — молвил Калаид, толкнув потихоньку Зета. А Зет отвечал.

— Брат, ты прав, как всегда. Проклятье Эета сбылось над Язоном. Никто из нас никогда не увидит родимой земли.

Так роптали Зет и Калаид.

Да и всякий другой человек на месте скитальцев-героев стал бы, пожалуй, роптать. Но остальные аргонавты не впали в уныние.

— Полно ворчать, Бореады, — сказал Полидевк, а Кастор прибавил:

— Будь у меня такие же крылья, как у Калаида и Зета, я бы не стал говорить, а облетел бы пустыню и разыскал бы колодец с водой.

Однако дети Борея угрюмо молчали и только поглядывали один на другого.

Язон разделил аргонатов на три отряда и разослал их в три стороны за водой, наказав возвращаться к закату. Сам же с Медеей остался на берегу, чтобы набрать хоть ракушек на обед. Солнце клонилось к земле, но нагретая за день пустыня дышала невыносимым зноем, как накалённый бронзовый щит. Даже близость морской воды не спасала от этого жара.

Нагибаясь за ракушками к песку, Язон и Медея услышали плеск волны и шорох прибоя. Скоро прибрежный ил совершенно исчез под водой, и волны, поднявшись до берега, стали лизать корму корабля. Язон сейчас же сообразил, что, пользуясь этим приливом, «Арго» сможет пройти над илистой топью и вернуться в Элладу. Он стал кричать и звать остальных аргонатов, но, затерявшись в песках, аргонаты не слышали крика: они ушли далеко. Между тем прилив подымался всё выше и выше, точно волны хотели похитить «Арго» с земли.

Вдруг Язон и Медея услышали звонкие голоса. Шумный вал разбился о берег и оставил на мокром песке трёх богинь в венках из подводных цветов. Это были прибрежные нимфы-океаниды. С весёлыми криками гнались они одна за другой, но, увидев людей, удивлённо остановились. Потом закутались, как в плащи, в свои зелёные волосы и подошли к Язону. Старшая из сестёр упросила:

— Кто вы такие и как вы попали в пустыню?

— Мы — аргонавты, — ответил Язон. — Плыли на родину в Иолк, но по воле богов течение снесло нас сюда. Если вы, бессмертные сёстры, можете нам помочь, укажите нам путь домой, и, вернувшись на родину, мы поставим вам мраморный храм.

— Ты хорошо говоришь, чужестранец, — молвили богини. — Не пытайтесь вернуться назад. В море грозит вам ужасная гибель. Лучше дождитесь на берегу, пока наша мать Амфитрита не распряжёт своих белых коней. Тогда поднимите на плечи корабль и ступайте пешком по пустыне до самого края земли. Там вы найдёте дорогу домой.

Сказав так, нимфы бросились в море и скоро пропали из глаз. Только что скрылись они, вернулись назад аргонавты. Язон передал им вещие слова нимф. Но никто из героев не знал, когда Амфитрита, седая жена владыки морей Посейдона, распрягает своих коней.

Аргонавты решили не спать ни днём ни ночью. Присев на песок возле самого берега, они не сводили глаз с моря в тщетной надежде, что Амфитрита примчится к ним на своей колеснице. Но море казалось таким же пустынным, как и берег вокруг. А герои устали, и сон стал клонить одного за другим. Даже сам Мелеагр, бессонный охотник и страж, не выдержал и заснул тяжким каменным сном.

Долго спали измученные герои. Трижды волны налетали на берег и опять убегали назад, а они все лежали недвижно и не слышали шума воды. Вдруг Язон вскочил, как безумный, и бросился к морю. Он услышал сквозь сон призывное ржанье коня. Солнце только что встало из жёлтых песков, море было спокойно и тихо.

Внезапно вода возле берега расступилась, отхлынула прочь, и на сушу из волн выскочил ослепительно белый конь с сияющей гривой и глазами, блестящими, как зелёные камни. Он взобрался на берег, уткнулся мордой в песок, громко фыркнул и вдруг, резвясь, понёсся в пустыню. Язон понял, что это и есть волшебный конь Амфитриты. Он разбудил аргонавтов, и герои по шестеро в ряд взвалили «Арго» на плечи. Сгибаясь под тяжестью ноши, пошли они в том направлении, где скрылся подводный конь.

Утро скоро сменилось жарким, безветренным днём. Отвесные стрелы лучей, как раскалённое золото, жгли

аргонавтов. Ноги вязли в песке, а тяжесть огромного судна давила и резала плечи. Мелкие камешки попеременно с горячим песком забивались Медею в сандалии. Царевна старалась ступать осторожно, но непривычные ноги её покраснели, стёртая кожа потрескалась от жары, и песок обжигал ступни.

Ни конца ни края не было мёртвой пустыне. Кроме шороха ног по песку, ни единый звук не тревожил её безмолвия. И во всём безоблачном небе только пара орлов кружила под самым солнцем.

В полдень песок, накалённый до блеска, сделался белым как снег. Он слепил глаза аргонавтам, а губы их почернели и запеклись от мучительной жажды.

— Язон! — говорила Медея. — Я не могу так идти. Ноги мои обливаются кровью. Лучше ляжем на этот песок и умрём.

Но Язон не отвечал ни слова. Он хорошо понимал, что если Медея, поддавшись усталости, ляжет на жаркий песок, она уже больше не встанет. Солнце спалит её жгучим огнём.

Аргонавты всё шли и шли, не задерживаясь ни на миг.

Наконец закатилось солнце, наступила короткая ночь. Но и ночью не стало легче. Даже мудрый и терпеливый Орфей забыл о своей кифаре. Жара иссушила горло божественного

певца. В ночной духоте он брёл, шатаясь под тяжестью корабля, и видел один только ровный сыпучий песок.

Так день и ночь, ночь и день шли они по пустыне, пока наконец Медея не обезумела от ужасной жажды.

— Язон, — прошептала она чуть слышно жёсткими, как древесная кора, губами. — Я прокушу себе руку и выпью собственной крови, а потом напою и тебя. Ведь всё равно мы умрём от жажды.

Но Язон и теперь не ответил. Он упрямо шагал вперёд.

Бореады твердили точно в бреду:

— Во всём виновата колдунья. Пусть она умирает в песке. Как только Медея умрёт, удача воротится к нам.

— Замолчите, — ответили Диоскуры, — или мы силой принудим вас замолчать. Медея ни в чём не виновна, и всем одинаково тяжело.

— Мужайтесь! — хрипло пробормотал Линкей, точно ворон прокаркал. — Я вижу дерево и скалу. А что это падает там со скалы? Смотрите — ведь это вода!

— Ты бредишь, — сказал Мелеагр. — Я не вижу ни дерева, ни скалы. Ты просто спишь на ходу и видишь воду во сне.

— Нет, он не бредит! — в восторге крикнул Евфал. — Это правда вода! Я чувствую запах воды!

Вглядевшись туда, куда показала рука Евфала, аргонавты увидели чёрную чёрточку пальмы на фоне бездонного неба, но так далеко, что глаза едва различали её.

— Слушай, Язон, — молвил тогда Евфал, посмотрев на Медею. — Нам неудобно нести корабль по шестеро в ряд. С боков довольно и по шести человек, а Теламон подопрёт корму. Ты же возьми царевну на руки и неси возле нас. Видишь, она уже не может идти.

Так говорил он из жалости к бедной Медее. На самом же деле аргонавтам было очень трудно тащить корабль на плечах.

Язон с благодарностью посмотрел на доброго Евфала и подхватил Медею с земли как раз в ту минуту, когда она, пошатнувшись, едва не упала в песок. И вдруг по пустыне пронёсся стремительный ветер. Влажный и мягкий, он освежил горячие лица героев.

— Море! — сказал Теламон. — Там за пальмою море! Этот ветер — морской!

Люди разом рванулись вперёд, и Язон побежал, держа на руках Медею. Скоро они взобрались на высокий песчаный холм и увидели целый пальмовый лес на морском берегу. Между пальм росли и другие деревья, а с высокой скалы серебряной лентой сбегал водопад.

Сбросив корабль на песок, вперегонки пустились герои к скале, припали губами к широкой струе водопада. А Язон, зачерпнув горстями воду, оживил бесчувственную царевну. Аргонавты пили и пили и никак не могли утолить свою жажду, а когда наконец, опьянев от воды, оглянулись, то увидели в двух шагах от себя обнесённый оградой сад.

Там деревья сгибались под тяжестью яблок, крупных, сочных и огненно-золотых. Между этих деревьев ходили прекрасные девушки в белых одеждах, а на мягком зелёном лугу, в глубине чудесного сада, стоял бородатый гигант и держал на плечах тяжкий небесный свод.

— Это сад Гесперид, — сказал аргонавтам Орфей. — Здесь растут золотые яблоки. А вот и мощный Атлант.

— Да, — отозвались из-за ограды прекрасные девушки, — мы — Геспериды, а это брат нашего отца Атлант. Чистый источник в скале, из которого вы напились, выбил мечом великий Геракл, когда приходил в нашу землю.

— Это хорошие вести! — воскликнул Язон. — Мы дошли до самого края земли и отсюда вернёмся в Элладу. Ведь именно так предсказали нам нимфы.

ОЗЕРО ТРИТОНА

Отдохнув у приветливых Гесперид, рассказав Атланту о всех приключениях, аргонавты спустили на воду корабль и

поплыли вдоль берега. «Арго» стремился на восток, а берег всё время сворачивал на запад.

Поздно вечером добродушный Евфал сказал с удивлением:

— Посмотрите-ка, в этой стране солнце прячется на восходе: берег нас повернул на закат, а оно опять там, за нами.

— Что это за чудо! — сказал и Язон. — Я вижу знакомые пальмы. Вон и скала. Или лукавый Гермес отнял мой разум, или мы снова вернулись к земле Гесперид.

Тут только поняли аргонавты, что то, что они принимали за море, не море, а круглое озеро. Эта весть привела их в отчаяние. Но, по счастью, они увидели на берегу незнакомого юношу. Он стоял у воды и гляделся в неё, точно в зеркало.

— Как пробраться отсюда в открытое море? — окликнул Язон незнакомца.

— Путь один, — отвечал незнакомец. — Молитесь Тритону. Это озеро бога Тритона, и, кроме него, никто не выведет вас отсюда.

Едва успев сказать это, юноша вдруг пропал, точно его и не было.

Не зная как быть, аргонавты причалили к берегу. Тут разумный Орфей предложил поставить треножник в честь бога Тритона и принести ему тучную жертву. Так и решили. А пока остальные сооружали треножник, Мелеагр отправился в лес. Знаменитый охотник скоро нашёл там оленя и, поймав, принёс его на плечах к треножнику. Разложили костёр, закололи оленя и сожгли его мясо на ярком огне в жертву богу Тритону.

Жертвенный дым столбом подымался к небу. Вдруг он рассеялся, и из пламени появился пропавший юноша. Ничего не сказав, он протянул из огня обнажённую руку к Евфалу и подал ему небольшой комочек земли, очень мягкий и липкий. Покуда Евфал с удивлением рассматривал странный подарок, жертвенный дым снова окутал огонь, и виденье исчезло. Аргонавты решили, что жертва приятна Тритону, и снова поплыли вдоль берегов круглого озера.

Скоро они услышали трубные звуки: точно кто-то трубил в огромный охотничий рог. Они повернули на звук и увидели бога Тритона. Он всплыл перед ними по пояс с трезубцем в одной руке и с большой перламутровой раковиной в другой.

Бог трубил в эту раковину, как в рог, а трезубцем коснулся земли, и земля расступилась. Перед «Арго» открылся проход в Средиземное море. Но как только

корабль миновал этот узкий проход, берега сомкнулись
опять.

ВЕЛИКИЙ ТАЛОС

Снова «Арго» бежал по лазурному морю, и когда на заре аргонавты увидели остров, они сразу узнали Крит. Надо было зайти и набрать на дорогу пресной воды, запасы которой иссякли. Но причалить к острову оказалось не так-то легко.

На острове Крите правил в то время Минос — царь, не менее жадный и злой, чем Эет.

За долгую жизнь Минос накопил несчётные груды сокровищ. Он дрожал над ними, как скряга, и вечно боялся, что его обворует какой-нибудь чужестранец. Но особенно подозрительным сделался он недавно, после того как придворный зодчий Дедал улетел от царя вместе с сыном Икаром на искусно сделанных крыльях. Не доверяя никому, Минос запретил чужестранцам подходить к берегам благодатного Крита и, чтобы никто не нарушил запрета, поставил сторожа на берегу, великана Талоса.

Талос был не простой великан. Он был выкован из меди Гефестом-искусником, богом огня. Но Гефест вдохнул в его жёсткое тело живую душу, и гигант ел и пил, слышал, видел и говорил, как другие люди. День и ночь шагал он по Криту на медных ногах, сотрясая весь остров, и швырял обломки скал в корабли, проходившие мимо Крита.

Как только «Арго» приблизился к острову, великан появился из-за горы и закричал медным голосом, чтобы пловцы убирались подальше. Для подкрепления своих слов он швырнул в их корабль увесистую скалу. Плоская глыба звучно хлопнула по воде и, подсакивая, как ловко пущенный камень, перепрыгнула через «Арго». Потом она потонула в волнах. А гигант кривлялся и хохотал, ужасно довольный своим искусством.

Несмотря на такую угрозу, аргонавты не повернули назад, но по-прежнему плыли к берегу.

— Не бросай в нас камнями! — кричали они. — Мы нуждаемся в пресной воде. По закону гостеприимства ты не смеешь нам отказать.

Но Талос и знать не хотел о законах гостеприимства. Одну за другой, раскачивая, кидал он глыбы, и Тифий едва успевал увёртываться от них.

— Придётся уйти без воды, — заворчали всегда недовольные Бореады. — И тут несчастье преследует нас...

Но Медея, заранее зная, чем закончится речь Бореадов, не дала им договорить до конца.

— Пойдите, — сказала она, — дайте мне бронзовый щит и вина. Я придумала, как усмирить великана.

Язон принёс ей свой щит, а Диоскуры разрезали кожаный мех с вином, подарок Атланта, и вылили в перевернутый щит, как в огромную чашу. Медея же подмешала в вино снотворной травы, которую собирала на маленьком островке в день убийства Абсирта, и, став на носу корабля, закричала:

— Не сердись на нас, добрый Талос! Мы хотим угостить тебя нектаром, напитком богов. Тот, кто вкусит священного нектара, станет бессмертным, как боги. А в обмен на бессмертье ты дашь нам воды.

Глуповатый Талос подумал, что стать бессмертным совсем не так плохо. Он перестал швыряться камнями и пошёл по колено в воде навстречу гостям за обещанным угощением. Огромным глотком осушил он весь щит Язона и, причмокнув от удовольствия, облизал свои медные губы.

— Дай ещё, — попросил он Медею.

— Нет, — сказала Медея, — если ты выпьешь ещё хоть глоток, ты сейчас же умрёшь. Будь доволен, что стал бессмертным, и принеси нам воды.

Талос скорчил хитрую рожу и засмеялся.

— Разве я обещал принести вам воды? — отвечал он, смеясь. — Уходите-ка подобра-поздорову, или я запущу в вас вот этой горой.

— Ох как ты хитёр и коварен! — сказала Медея. — А мы-то надеялись, что ты добрый и справедливый гигант.

— И ошиблись, — ответил Талос, улыбаясь до самых ушей. — Я ужасно хитёр и коварен. Хитрее меня нет никого на земле.

И он зашагал к берегу, распевая хвалебную песню о хитрости и уме бессмертного Талоса. Но не успел ещё медный хвостун выйти на берег, колена его подогнулись, а веки закрылись. Он ткнулся лицом в песок и захрапел на весь остров.

— К берегу! — закричала Медея. — Убейте его, пока он спит.

— Как это сделать? — спросил Теламон. — Ведь медную шею не перерубишь мечом.

— Убить его просто, — ответил мудрый Орфей, который знал всё на свете. — У Талоса в теле одна только медная трубка, по которой течёт волшебная кровь, как по жиле. Эту жилу Гефест заткнул золотым гвоздём. Если вытащишь гвоздь, кровь прольётся на землю, и гигант умрёт.

Не дослушав Орфея, Язон прыгнул в светлые волны, быстро доплыл до берега, вытащил гвоздь из темени великана, и жидкая лава, вместо живой человеческой крови, потекла из отверстия в море. Вода закипела, над морем поднялся пар, а медный гигант превратился в огромную

медную гору, очень похожую на лежащего человека.
Аргонавты же набрали воды и ушли от острова Крита.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИОЛК

Очень скоро приплыли они в Эгейское море. А от этого моря не так уж далеко до Иолка. Как-то в полдень Евфал сидел на корме, отдыхая от гребли, и рассматривал высохший чёрный комочек земли, полученный им от Тритона.

— Вот и всё моё царство, — шутя говорил он Язону. — Больше нет у меня земли. Придётся мне обратиться в букашку, чтобы править страной, что лежит у меня на ладони. Ты счастливеец, Язон, по сравнению со мной: у тебя есть надежда вернуть себе царство отца, а у бедного аргонавта Евфала и этого нет.

Тут Евфал размахнулся и выбросил в море бесполезный комочек земли. Но куда комок летел над водой, он сделался величиной с лепёшку, а упавши на волны, начал расти с удивительной быстротой. Сначала он стал размером как шкура барана, потом — как бычья, потом сравнялся со скалой и наконец превратился в прекрасный остров Каллисту. Из чёрной земли, на глазах у героев, полезли иголочки свежей травы, потом появились кусты. Кусты превратились в деревья, и скоро тенистые рощи покрыли чудесный остров, а недалеко от берега вырос город с

дворцом и храмом, с широкой людной площадью и с пристанями на берегу. Народ теснился на пристани, манил к себе корабль аргонатов и громко кричал:

— Евфал! Евфал! Это добрый наш царь Евфал вернулся из дальних странствий!

Так, по милости бога Тритона, Евфал сотворил себе целое царство из комочка волшебной земли. Язон не хотел завидовать счастью Евфала, но, удаляясь от нового островка, он всё-таки был задумчив и грустен.

— Вот, — говорил он Медее, — я целую жизнь гонюсь за моим потерянным царством и рыщу по бурным волнам, а беззаботный Евфал нашёл себе то, чего не искал. Наяву получил он такое великое счастье, о котором не смел мечтать и во сне.

Чем больше думал об этом Язон, тем сильнее хотелось герою вернуться на родину в Иолк и развернуть перед Пелием Золотое Руно.

КАК ПЕЛИЙ ОБМАНУЛ ЯЗОНА

Маленький домик обиженного царя Эсона обветшал, потемнел от времени. Крыша его покосилась, плющ занавесил открытые двери, а возле самого входа разросся бурьян. Даже каменные столбы строения потрескались и осели.

Ни раба, ни собаки не было у Эсона. В страшной бедности доживал он свои последние дни. Сам ходил к колодцу с разбитой амфорой, сам варил на углях похлёбку из тёмной муки. Беспокойный, как все старики, Эсон поднимался до света и, кряхтя, вылезал на порог своей убогой лачуги. Неподвижный и старый, сидел он здесь целые дни, поджидая Язона, и ящерицы, обманутые его неподвижностью, шмыгали возле царя, взбегали по складкам одежды к нему на колени и, растопырив короткие лапы, заглядывали в лицо старику блестящими маленькими глазами. А он всё сидел и дремал, уронив бородатую голову на бессильную грудь.

Вдруг старику сквозь дремоту слышались голоса. Он поднял голову и чуть не ослеп от яркого блеска. Прямо к нему, шагая через бурьян, приближался прекрасный и статный воин об руку с женщиной удивительной красоты. Воин нёс Золотое Руно, перекинув его через согнутый локоть, и оно блестело на солнце, как само солнце.

Тихо ахнул Эсон. Торопясь обнять любимого сына, он протягивал руки, хотел подняться с земли, но ноги его подгибались и руки дрожали. С радостным криком Язон подбежал к старику.

Он упал перед ним на колени, отшвырнув Золотое Руно, обнял старые плечи могучей рукой. А Эсон, не веря глазам,

то смеялся, то плакал от счастья. И Медея тоже не знала, смеяться ей или плакать на пороге убогой хибарки, где ждала её новая жизнь.

Видя, как дряхл и бессилён отец, Язон на руках отнёс его в дом, а Медея зажгла огонь в очаге и стала готовить похлёбку. Скоро приветливый дым за клубился над домом Эсона; вкусный запах похлёбки поплыл из дверей, чисто вымытые амфоры и чаши наполнились светлым вином из бурдюка, подаренного Язону Евфалом.

Поручив Медее отца, Язон отправился к Пелию. Было раннее утро но жители Иолка, разбуженные неожиданной вестью, уже покидали дома, толпились на улицах и шумели.

— Смотрите, Язон возвратился, — говорили они. — Он не погиб в далекой Колхиде. Он привёз Золотое Руно. Придётся старому Пелию уступить ему трон.

Пелий вышел к Язону заспанный и сердитый: зная суровый характер царя, рабы не решались сказать ему о возвращении героя.

Но Пелий сразу узнал гостя. А когда он увидел в руках у Язона Золотое Руно, с него соскочил всякий сон. Большие глаза царя заблестели. Неужели придётся возвратить Язону отнятый трон?

Притворясь равнодушным, Пелий сказал:

— По рассказам я думал, что это руно гораздо красивее и богаче. Чего не наскажут глупые люди! Ты хорошо поступил, Язон, что исполнил желание Фрикса. Теперь душа его успокоится в мрачном Аиде. Пойди и повесь руно в храме. Отдай его в жертву богам, и великие боги наградят тебя за хороший поступок.

Видя, что аргонавт не тронулся с места, Пелий спросил с деланным удивлением:

— Что же ты медлишь, Язон? Или ты хочешь оставить себе Золотое Руно и отклонить награду богов?

— Перестань притворяться, — сказал с возмущением Язон. — Не боги, а ты обещал мне награду. Возьми Золотое Руно и верни мне царство Эсона.

— Я не могу принять от тебя Золотого Руна, — поспешно ответил Пелий. — Боги явились мне в сонном виденье и повелели повесить его в храме Ареса за то, что ты погубил в Колхиде его любимых быков и тысячеглазого змея. Ступай же! Исполни веленье богов. А я тебе ничего не должен. — Но про себя он подумал: «Меня назовут глупцом, если я променяю царский престол на баранью шкуру, хотя бы она и была из чистого золота».

В страшном гневе Язон едва не убил обманщика Пелия. Но ведь Пелий был его дядей, и Язон боялся новым убийством разгневать богов. Он ушел из дворца, хлопнув

медною дверью так, что стены дворца зашатались, а двери попадали с петель.

— Не печалься, — сказала Язону Медея. — Я придумала, как избавиться от царя. Подожди только несколько дней, потому что у нас с тобой должен родиться ребёнок, и я не хочу колдовать, пока он ещё не родился.

Между тем царь Пелий решил задобрить Язона. Он прислал к нему каменщиков и древоделов, чтобы те перестроили заново обветшалый домик Эсона, и в подарок пригнал Язону целое стадо коров, быков и баранов. Пригласив аргонавтов к себе, Язон и Медея мирно жили в родительском доме до тех пор, покуда у них не родилось двое детей. Оба мальчика были крепкими и здоровыми детьми, и родители сильно их полюбили. Теперь Медея могла колдовать без боязни повредить детям волшебными чарами. Прежде чем начинать колдовство, она отправилась во дворец к дочерям лукавого Пелия и сказала царевнам:

— Одолжите мне ненадолго большой медный чан.

— А зачем тебе чан? — тотчас спросили дочери Пелия по привычке, свойственной всем девушкам.

— Царь Эсон очень стар и бессилён, — отвечала Медея. — Я сварю волшебное зелье, чтобы сделать его молодым.

— О! — сгорая от любопытства, закричали царевны. — Позови нас, когда начнёшь колдовать. Мы хотим это видеть.

— Хорошо, — отвечала Медея и отнесла чан домой.

Дождавшись ночи, она разулась, распустила волосы по плечам и пошла за город, на волшебное место, где сходятся три дороги. Там она собрала колдовские травы и, став на распутье дорог, три раза прокричала совой. Тотчас послышался грохот и гром, и богиня подземного мрака Геката примчалась к Медее по воздуху в огненной колеснице, запряжённой драконами.

Молнии сыпались из кровавых ноздрей драконов, и пар валил клубами из их ушей. А от кожаных крыльев чудовищ поднялся такой вихрь, что деревья в лесах застонали.

— Какая гроза! — говорили жители Иолка и прятались по домам.

— Мать Геката, — сказала Медея богине. — Дай мне силу и умение сделать Эсона бодрым и молодым.

Не ответив ни слова, Геката три раза коснулась Медее волшебным жезлом и умчалась назад.

Медея вернулась домой, позвала царевен, спрятала их за куст, разложила костёр и, повесив чан над огнём, стала варить колдовское зелье. Как только вода закипела, жёлто-зелёная пена, шипя, потекла через край на горячие угли. Царевны визжали от страха: им казалось, что это не пена, а змеи шипят на углях. Там, где пена коснулась травы, вся

земля запестрела цветами, круглыми и сверкающими, как маленькие яркие щитки.

Медея всё время мешала зелье сухой веткой смоковницы, приговаривая таинственные слова.

Вдруг царевны увидели, что мёртвая ветка покрылась свежими почками, через миг на ней появились зелёные листья, и она зацвела в руках у Медеи. Ещё через миг на месте цветов созрели прекрасные смоквы. Поражённые чудом, царевны вылезли из-за куста, а колдунья сказала:

— Зелье поспело — пора начинать.

Она вошла в дом и, как маленького ребёнка, принесла на руках мирно спящего Эсона — таким он стал лёгким от старости. Серповидным ножом она надрезала горло Эсону, выпустила на землю всю его старую тёмную кровь и влила ему в жилы волшебное зелье. Сразу же рана на горле исчезла, белые кудри царя потемнели и сделались чёрными, а на сморщенных, жёлтых щеках старика появился румянец и морщины разгладились. Старец Эсон казался теперь младшим братом Язона.

Царевны без памяти бросились во дворец, но сейчас же вернулись обратно. Они умоляли Медею дать им немного волшебного зелья.

— Мы очень любим нашего отца, — говорили царевны, — а Пелий немного моложе Эсона и скоро умрёт. Дай нам волшебного зелья, чтобы он стал молодым.

— Подождите, пока он заснёт, — посоветовала Медея. — Ведь во сне вам будет гораздо легче надрезать ему горло.

Царевны ушли, а Медея вылила зелье на землю и сварила в котле ядовитые травы. Потом она позвала царевен.

— Берите, — сказала она.

Царевны с трудом подняли тяжёлый чан, переполненный ядом. Едва дождавшись, чтобы Пелий заснул, они схватили зазубренный кухонный нож и, из великой любви к отцу, перерезали ему горло. Но сколько ни лили они на рану яд из котла, Пелий не становился моложе. Напротив, он весь почернел от яда. Долго ждали царевны, пока проснётся отец, но видя, что он лежит неподвижно, принялись его тормошить и только тогда догадались, что своими руками убили отца.

Так погиб вероломный Пелий за то, что он обманул Язона и не вернул ему царство отцов.

В ночь колдовства Медеи Язона не было дома. Только утром услышал он об убийстве, о котором кричал весь город. Вернувшись домой, он стал укорять Медею:

— Плохо ты сделала. Или ты думаешь, что судьба не накажет тебя и меня за это новое злодеянье?

— Успокойся, — возразила Медея, — ни ты, ни я и пальцем не тронули Пелия. А если его безумные дочери убили отца, — на них и падёт проклятье Эриний. Мы же получим царство и хорошо заживём.

Но Язон покачал головой и сказал:

— Злодеяние никогда не приносит счастья. Боюсь, что нам будет не лучше, а хуже.

— Тебе ли говорить такие слова? — в сердцах отвечала Медея. — Разве не ты погубил Абсирта?

— За это я и страдаю, — угрюмо сказал Язон и в первый раз в жизни поссорился с Медеей.

Но всё таки он пошёл во дворец, чтобы потребовать себе своё царство. У дворца его встретил старший сын Пелия, царевич Адраст, юный, но смелый воин.

— Знаю, зачем ты пришёл, — сказал царевич Язону. — Но погоди говорить о царстве, пока мы не похороним отца. Нехорошо делить наследство, пока в доме лежит покойник.

— Это правда, — ответил Язон и вернулся домой. Но не успел он дойти до дому, как люди сказали ему, что там случилось большое несчастье: змея укусила Эсона, и он упал мёртвым.

— Видишь, — сказал Медее Язон, горюя над телом отца, — кара судьбы уже началась.

Оба царевича — Адраст и Язон — стали готовиться к похоронам. Но и готовясь к похоронам, Адраст не терял даром времени. Он тайком разослал по городу Иолку хорошо обученных вестников. Вестники всюду шныряли в толпе, заходили в дома и, оглядываясь, нащёптывали народу, что Медея — колдунья, что она не только убила царя, колдовством обезумив его дочерей, но погубила и своего брата Абсирта.

— Если вы изберёте Язона царём, — говорили народу посланцы Адраста, — ждите смерти. Царевна Медея наслёт на вас мор и безумие. Дети начнут убивать отцов, а сёстры — возлюбленных братьев.

Так нащёптывали они народу, и, когда пришло время избрать царя, граждане Иолка не захотели иметь Медею царицей и объявили царём Адраста, а не Язона.

КАК ЯЗОН ЖЕНИЛСЯ НА КОРИНФСКОЙ ЦАРЕВНЕ

Видя, что жители Иолка не любят и никогда не полюбят Медею, Язон решил покинуть родную страну.

«Может быть, счастье своё я найду на чужбине», — подумал герой. Продав своё стадо, он купил колесницу, четвёрку горячих коней, забил досками двери и окна Эсонова

домика и поехал в Коринф, где царствовал царь Креонт, давнишний товарищ и друг Язона. Вместе с Язоном и все аргонавты тронулись в путь, кто куда. Видя, что сила и смелость великой дружины теперь уже не пригодятся Язону, каждый из аргонавтов спешил возвратиться домой. На перекрёстке дорог у старого дуба, где колдовала Медея, в последний раз обнялись товарищи и разошлись одни на запад, другие на восток, третьи на север, четвёртые на юг.

Быстро бежали Язоновы кони по пыльной дороге, и цокот их крепких копыт повторяло окрестное эхо. К вечеру он с семейством приехал в Коринф, где царь Креонт, давно поджидавший к себе знаменитого морехода, с великой почестью принял гостей. Он поселил их в новом каменном доме, очень похожем на настоящий дворец.

Тихо и мирно текла жизнь Язона в Коринфе. Но могучий герой не привык к такой скучной жизни. Горько и тяжело было ему на чужбине. Не веселили его ни пиры, ни охоты, ни почести во дворце. День и ночь он раздумывал всё об одном — об утраченном царстве. Ведь сыновья его подрастали, а он был всё так же беден, как и в далёкие прежние годы. Язону казалось, что всю свою жизнь он прожил напрасно. В самом деле, зачем он искал Золотое Руно, плавал в Колхиду, боролся с бурями и ветрами, умирал от жажды в пустыне и спасся от кровожадных Сирен? За все эти подвиги и скитания судьба не послала ему никакой награды, и нечего было

герою оставить детям в наследство. Погружённый в свои печальные думы, Язон не радовался даже и дружбе с Креонтом. И на царских пирах он с горечью говорил про себя, что живёт у Креонта из милости, как нахлебник.

Однажды, когда Язон возвращался домой из дворца, молчаливый и мрачный, его остановила старуха, с головой укрытая покрывалом.

— Могучий Язон, — сказала старуха, — меня послала к тебе дочь Креонта, прекрасная Главкса. Давно уже наша царица хотела увидеть тебя, прославленного героя. Вчера же, когда ты с царём возлежал на пиру, она незаметно рассмотрела тебя. С этой минуты стрела Эрота попала ей в сердце, и она полюбила тебя больше жизни. Последуй за мной. Я сведу тебя к нашей царице. Она хочет с тобой говорить.

— Зачем я пойду к ней? — ответил Язон. — Мне не о чем говорить с царицей. У меня есть жена Медея и юные сыновья.

— В том-то и дело, — с живостью отвечала старуха, — что у тебя есть два сына-наследника, царской крови, а царствовать им будет негде. Медея бежала с тобой от Эета в одной только чёрной одежде, а если бы ты оставил её и женился на Главксе, вторая жена принесла бы тебе в

приданое всё Коринфское царство. По смерти Креонта твои сыновья сделались бы царями. Подумай об этом.

— Нечего думать, — ответил Язон. — Я не покину Медею.

Но через день, выходя из дворца, он снова встретил старуху, так же, как прежде, укрытую с головой.

— Главкса ждёт тебя, воин, — сказала старуха.

Язон оттолкнул старуху, но она побежала за ним.

— Если ты покинешь Медею и женишься на царевне, — шептала она на ходу, — Главкса устроит так, что Креонт подарит тебе полцарства в самый день вашей свадьбы, а после смерти Креонта получишь ты и вторую половину.

Язон ускорил шаги, и старуха отстала.

Но хотя и отстала, слова старухи глубоко запали в сердце Язона.

Целую ночь он ворочался с боку на бок, а утром мрачно сказал жене:

— Говорят, что юный Пелей женился на морской богине Фетиде и кроме Фарсалского царства владеет теперь и подводной страной. Один только я ничего не имею.

Сердито стукнув калиткой, он ушёл к Креонту на пир. А Медея вздохнула, точно она была виновата, что у неё не нашлось никакого приданого для семьи.

Ночью старуха опять поджидала Язона на прежнем месте.

— Главкса ждёт тебя, — снова сказала она и схватила героя за руку. Но Язон вырвал руку и, не отвечая ни слова, пошёл домой.

— погоди! — закричала старуха. — обернись и взгляни на меня!

Язон оглянулся.

Старуха сбросила с себя покрывало, выпрямилась, раскинула руки, и Язон увидел перед собой не старуху, а прекрасную Главксу в бесценных одеждах.

— Разве Медея красивее меня? — спросила царица. — Медея худа и черна, как ворона, а мои волосы золотятся, как спелая рожь. Медея бледна, и руки её огрубели от чёрной работы, а я молода и одета в бесценные ткани.

Язон ничего не ответил и молча пошёл домой. Но царица была настойчива и своенравна. Она позвала к себе царя Креонта и плакала перед ним, пока царь не согласился уговорить Язона.

На другой день Креонт, вызвав к себе Язона, обещал сейчас же ему всё своё царство, если он женится на Главксе.

— Я старше тебя, — сказал он Язону, — и скоро умру, потому что давно уже болею. Покуда я жив, мы будем править с тобою вдвоём, как два брата, а после моей кончины все мои земли перейдут к тебе одному и достанутся детям Медеи. А дочь Эета никто не обидит. Мы построим мраморный храм в честь богини Гекаты, и она станет жрицей Гекаты, как было в Колхиде. Подумай о детях, Язон, и о нашей давнишней дружбе. Не отказывай мне. Ты обидишь меня и царевну, если откажешь нам в нашей просьбе.

Язон, который очень любил своих сыновей, долго думал и наконец согласился. Он больше всего на свете хотел, чтобы дети его стали царями.

КАК МЕДЕЯ ОТОМСТИЛА ЯЗОНУ И ГЛАВКСЕ

В тот же вечер сыновья Язона играли на улице недалеко от храма Гимена, в котором коринфяне празднуют свадьбы. Вдруг в темноте показались факелы, послышался шум и говор весёлой толпы. Потом заиграли флейты, грянуло пение и загремели колёса.

— О Гимен, о Гимен! — восклицала толпа.

Маленький сын Медеи с удивлением увидел на свадебной колеснице Язона в сверкающей царской одежде. Он побежал к Медее и закричал:

— Мама, иди-ка! Посмотри: наш отец открывает шествие — весь золотой стоит он на колеснице!

Медея стремительно выбежала из дому и увидела, как Язон об руку с Главксой сошёл с колесницы и поднялся по ступенькам в храм.

Медея хотела войти вслед за ними, но толпа её не пустила. Коринфяне, так же как и жители Иолка, не любили Медею за то, что она колдунья, а Язона они любили и очень гордились тем, что великий герой поселится у них и женится на коринфской царевне.

Совсем обезумев от горя, Медея вернулась домой и послала к Язону старшего сына. Она умоляла, чтобы муж её, прежде чем отправиться во дворец, зашёл к ней проститься.

Язон, который чувствовал себя виноватым перед Медеей, послушался и пришёл.

— Ты напрасно горюешь, Медея, — сказал он ей ласково и печально. — Я не забыл о клятве, которую дал тебе при царице Арете, и люблю тебя так же, как прежде. Боги знают, что я не хотел жениться на Главксе. Я это сделал ради наших детей! Ты подумай: даже беспечный Евфал и тот сотворил

себе остров из комка негодной земли. А мы ничего не имеем, и дети, твои и мои, живут из милости у чужих.

Но Медея не верила ни единому слову Язона.

— Ты обманщик и трус! — закричала она. — Почему ты тайком от меня отправился с Главксой в храм? Побоялся сказать мне об этом? И зачем говоришь ты о наших детях? Если ты их действительно любишь, то знай, что лучше им сделаться бондарями и кузнецами, чем быть царевичами и жить всю жизнь рядом со злою мачехой. Будь уверен, что Главкса погубит их.

И вот, видя, что сделанного нельзя изменить и что суровый Язон не откажется от женитьбы на Главксе, Медея задумала страшную месть.

— погоди, — сказала она Язону. — Я сержусь на тебя, но я не сержусь на царевну. Я хочу ей послать драгоценный подарок, чтобы она хорошо обращалась с моими детьми.

Говоря так, она побежала в дом, достала из сундука золотой венец работы Гефеста и чудесно вышитую одежду, которые тайком от всех привезла ей однажды Геката. Отдав обе вещи Язону, Медея сказала:

— Венец для царя, а одежда для Главксы. Пусть наденут и поминают меня добром.

Обрадованный подарками, Язон решил, что Медея примирилась со своей суровой участью, и поспешил во дворец, где ждала его Главкса.

А Медея, посмотрев ему вслед, усмехнулась жестокой усмешкой, потом побежала домой, взглянула на сыновей, мирно спавших в постели, и, не выдержав, зарыдала.

Тем временем царь Креонт, обеспокоенный, что Язон так долго не возвращается от Медеи, подумал:

«Покуда эта колдунья живёт возле нас, ни мне, ни Язону, ни Главксе не будет покоя. Чего доброго, она и сейчас околдует Язона, и он совсем не придёт во дворец».

Подумав об этом, Креонт послал к Медее гонца с суровым приказом. Но только что вышел гонец, явился Язон.

— Всё обошлось хорошо, — сказал он Креонту, — я помирился с Медеей, и она не станет преследовать нас своим колдовством. Вот венец для тебя и одежда для Главксы. Это подарок Медеи. Примерьте-ка их.

Увидев бесценный венец искусной работы Гефеста, Креонт подумал: «Напрасно послал я гонца. Надо отправить другого и отменить мой жестокий приказ».

Но прежде чем сделать это, он примерил венец. А Главкса, схватив чудесно расшитую ткань, захлопала от радости в ладоши.

— Медея гораздо добрее, чем о ней говорят! —
закричала она и тут же надела одежду. Но в тот самый миг, когда драгоценный венец коснулся волос Креонта, а мягкая ткань окутала плечи Главксы, отец и дочь почернели как угли и замертво рухнули на пол. Оба волшебных подарка Медеи были отравлены страшной Гекатой, мрачной владычицей мертвых. Всякий, кто их примерял, доставался богине Гекате.

Так погибли Креонт и царевна за то, что они разлучили Медею с Язоном и на чужом несчастье хотели построить счастье и мир для самих себя.

Между тем гонец с жестоким приказом явился к Медее. Всеми покинутая, она лежала ничком на полу и горько рыдала.

— Встань и выслушай слово царя! — возвестил суровый гонец. — Царь Креонт приказывает тебе до зари покинуть наш город и уйти из него навсегда. Сыновей же твоих я сведу во дворец, и они будут жить как царевичи у Язона и Главксы.

С диким криком вскочила Медея и кинулась на гонца. Она была так страшна в своей ярости, что гонец испугался и убежал.

А Медея, дрожа и не зная, что делать, бросилась к детям. Атэ, богиня безумия и глупости, которая только и знает, что подбивает людей на дурные дела, вселилась в Медею и лишила её рассудка. Безумной царевне почудилось, что

лучше убить детей, чем отдать их Язону и Главксе. Так Медея и сделала. Она схватила кинжал и, не помня себя, заколола им спящих детей, а потом вонзила его себе в сердце.

Но как только острый кинжал коснулся сердца колдуньи, грянул гром, и ужасная колесница Гекаты, запряжённая парой драконов, появилась над городом. Холодный вихрь закружил Медею, поднял ее на колесницу и умчал в подземное царство как раз в ту минуту, когда прибежал Язон. Горько плакал Язон над телами своих сыновей, тщетно звал он Медею из подземного царства.

Смертью обоих сыновей судьба покарала Медею за то, что она из корысти убила Пелия и свалила вину на его дочерей. А Язона она покарала за то, что он не сдержал своей клятвы, которую дал при царице Арете великой богине Гере, и за то, что, покинув Медею, он из чёрной корысти женился на Главксе.

СМЕРТЬ ЯЗОНА

С тех пор прошло много-много лет.

Однажды два мальчика, козопасы из Иолка, пригнали стадо к ручью, бегущему в море. Стадо вошло по колена в ручей, и козы, омочив свои чёрные бороды, жадно втягивали холодную воду.

Зная, что стадо не отойдёт от воды, пока не напьётся и не сощиплет траву вдоль ручья, мальчики разом воткнули в песок крючковатые палки, сбросили с плеч хламиды и побежали к морю купаться.

Вдруг один закричал:

— Смотри-ка, Эвмей, что это там на песке?

Эвмей защитил ладонью глаза от яркого света, взгляделся и отвечал:

— Не знаю, Горгий, по-моему, это корабль.

— Ну да, — засмеялся Горгий, — корабли не плавают по песку.

— А этот плывёт, — упрямо сказал Эвмей. — Разве не видишь? Вот мачта. Пойдём поглядим.

— Страшно, — ответил Горгий. — Ведь это большой корабль. Гребцы заберут нас в плен и продадут в рабство.

— А их и нет, — заметил Эвмей, внимательно глядя из-под руки. — Они, наверное, утонули. Буря выбросила корабль на песок, вот и всё.

— Если бы буря, — в раздумье сказал Горгий, — он бы лежал на боку, а он стоит ровно.

— Трусишка! — свистнул Эвмей. — Ну оставайся один, а я схожу посмотрю.

— Я сам посмотрю, — угрюмо ответил Горгий и нерешительно зашагал к кораблю.

Приблизившись, козопасы увидели не корабль, а остов древнего судна, до самых бортов занесённый песком, расшатанный ветром, изъеденный волнами бурных приливов.

Он стоял неподвижно, как призрак, и длинные вёсла его, выходя из отверстий с обеих сторон, упирались в песок. Сосновые доски обшивки там и сям оборвались, и в щели видно было безбрежное море.

С высокой кормы корабля слепыми глазами смотрела на мальчиков вниз деревянная голова Афины Паллады, изваянная искусным резцом на конце кормового бревна.

— Видишь? — спросил Горгий, указывая рукой на голову грозной богини.

— Вижу, — ответил Эвмей. — Что ж ты боишься, Горгий? Это пустой корабль. Влезем на палубу и поплывём. Я буду воин, а ты гребец.

— Как же мы влезем?

— А вон по веслу. Смотри!

И смелый Эвмей, обхватив весло коленями и руками, начал карабкаться вверх.

Робкий Горгий полез по другому веслу.

Вдруг они оба услышали голос и разом спрыгнули вниз. Оба хотели бежать, но не зная, откуда доносится голос, оба застыли, дрожа и косясь на голову страшной богини: им показалось, что это поют деревянные губы Афины. Ветер донёс до них и слова мерно звучащих стихов:

Смертью кончается всё. И палубу быстрого «Арго»
Время заносит песком. Радуйся, злобный Эет!
Умер и старец Эсон, умер и Пелий коварный.
С Главксою славный Креонт в общей могиле лежит.
Разом похитила смерть сыновей темнокосой Медеи.
Только страдалец Язон грозной богиней забыт!
Долго ли мне, о Зевес, скитаться по белому свету?
Долго ль в могучей груди тяжкое сердце носить?
Сжался, великий Зевес! А вы, молчаливые Мойры,
Жизни ненужную нить острым обрежьте серпом.

— Горгий, — сказал Эвмей, — давай убежим.

Но в это мгновение из-за кормы корабля вышел неведомый старый воин. Кудри, седые, как пена, вились у него из-под медного шлема, на согнутом локте руки, держащей копьё, висел круглый щит, а светлые голубые глаза смотрели прямо вперёд невидящим взглядом. Мальчики в страхе прижались к обшивке древнего корабля. Воин шёл прямо на них. Вдруг он остановился, в недоумении глядя на голых, дрожащих детей. Глаза его странно блеснули.

Он бросил копье и щит на песок и протянул козопасам обе руки.

— Великие боги! — сказал неведомый воин. — Вы мне вернули моих сыновей. Отроки, если вы дети Медеи, идите ко мне, я ваш отец Язон.

Но, видя, что дети молчат и дрожат с головы до ног, он опустил протянутые руки, нахмурился и спросил:

— Кто вы такие? Зачем вы пришли к остову моего «Арго»?

Горгий заплакал, а смелый Эвмей отвечал, стуча зубами от страха:

— Не делай нам зла, господин, мы козопасы из Иолка. И наш отец не Язон, а Клитий, владелец большого стада. Позволь нам уйти домой.

Воин не отвечал. Он долго стоял в раздумье, с опущенной головой.

Потом вздохнул и сказал:

— Если вы жители Иолка, вернитесь в город и возвестите царю Адрасту, что аргонавт Язон вернулся в родную страну. Пусть царь придёт сюда и не боится Язона. Я не стану требовать у него ни царства, ни жизни. Я только открою ему, куда я спрятал от всех людей Золотое Руно, от которого

отказался Пелий. Идите скорей, потому что я чувствую смерть над своей головой и скоро умру.

Мальчики побежали к ручью, гонимые страхом и гордые поручением героя, о котором с раннего детства слышали от отца.

Надев хламиды и вытащив из песка свои палки, они погнали стадо домой, хотя солнце стояло ещё высоко, и скоро скрылись за поворотом дороги.

Язон же со вздохом обошёл вокруг неподвижного корабля. Каждый медный гвоздь, торчащий наружу в трухлявой обшивке, будил в могучем герое печальную память о прежних, далёких днях.

Солнце нещадно палило песчаный берег и раскаляло своими лучами медный шлем Язона. Зная, что козопасы не скоро вернутся домой и что Адраст не придёт к нему до заката, Язон, обойдя корабль, прилёг в тени на песок под самой его кормой. А так как он пришёл сюда издалека и очень устал, то ему захотелось спать. Но перед тем как уснуть, он снова стал сетовать на свою судьбу. Он просил великих богов, чтоб они, послав ему скорую смерть, избавили его от вечной тоски по Мее.

Мало-помалу сон одолел героя. Но едва он заснул, как с моря примчался шквал. Шумный вихрь налетел на корабль, закрутил воронки песка, и остатки древнего остова, затрещав

под его напором, обрушились на землю. Из расшатанной ветром кормы корабля выпал тяжёлый брус с вырезанной на нём головой Афины. Он упал на Язона и убил его.

Поздно вечером царь Адраст, окружённый целой толпой воинов и жителей Иолка, в золотой колеснице подъехал к острову «Арго». Но он уже не нашёл корабля. Вихрь раскидал сосновые доски и раскатал дубовые брёвна по берегу моря. На песке же, придавленный тяжёлым брусом, лежал неподвижный Язон. Он был мёртв.

И никто никогда не узнал, куда он скрыл от людей Золотое Руно аргонавтов.

ПОДВИГИ ГЕРАКЛА

РОЖДЕНИЕ ГЕРАКЛА

За несколько лет до того времени, как в шумном Иолке вероломно овладел царским престолом коварный Пелий, дивные дела совершились на другом конце греческой земли — там, где среди гор и долин Арголиды лежал древний город Микены.

Жила в этом городе в те дни девушка, по имени Алкмена.

Она была так прекрасна, что, встретив её на своём пути, люди останавливались и в безмолвном удивлении смотрели ей вслед.

Она была столь умна, что самые мудрые старцы порою вопрошали её и дивились её разумным ответам.

Она была так добра, что пугливые голуби из храма Афродиты, не дичась, опускались, чтобы ворковать у неё на плечах, а соловей — Филомела — пел по ночам свои звонкие песни у самой стены её дома.

И, слыша, как он поёт среди розовых кустов и виноградных лоз, люди говорили друг другу: «Смотрите! Сама Филомела славит красоту Алкмены и удивляется ей!»

Беззаботно росла Алкмена в отеческом доме и даже не думала, что ей придётся когда-нибудь покинуть его. Но судьба судила иначе...

Однажды в городские ворота Микен въехала запылённая колесница. Высокий воин в блестящих доспехах правил четвёркой усталых коней. Это отважный Амфитрион, брат аргосского царя Сфенела, приехал в Микены искать себе счастья.

Услышав грохот колёс и храп коней, Алкмена вышла на крыльцо своего дома. Солнце садилось в этот миг. Червонным золотом рассыпались его лучи по волосам прекрасной девушки, пурпуровым блеском окутали её всю. И

как только Амфитрион увидел её на крыльце у двери, он забыл все на свете.

— Куда я поеду дальше и зачем? — сказал он сам себе.
— Вот передо мной стоит моё счастье.

Не прошло и нескольких дней, как Амфитрион отправился к отцу Алкмены и стал просить его выдать дочку за него замуж. Узнав, кто такой этот молодой воин, старик не стал возражать ему. Весело и шумно отпраздновали микенцы брачный пир, а потом Амфитрион посадил жену на пышно украшенную колесницу и увёз её из Микен.

Но они не поехали в родной город Амфитриона — Аргос: туда ему нельзя было возвращаться.

Не так давно на охоте он нечаянно убил копьём своего племянника Электрия, сына старого царя Сфенела. Разгневанный Сфенел прогнал брата из своих владений и запретил приближаться к аргосским стенам. Он горько оплакивал погибшего сына и молил богов, чтобы они послали ему ещё одного ребёнка. Но боги оставались глухи к его мольбам.

Вот почему Амфитрион и Алкмена поселились не в Аргосе, а в Фивах, где был царём дядя Амфитриона, Креонт.

Тихо текла их жизнь. Одно только огорчало Алкмену: муж её был таким страстным охотником, что ради погони за дикими зверями на целые дни оставлял молодую жену дома.

Каждый вечер выходила она к воротам дворца, чтобы дождаться нагруженных добычей слуг и утомлённого охотой мужа. Каждый вечер закатное солнце, как бывало в Микенах, снова одевало её в свои пурпуровые одежды. Тут однажды на пороге дворца освещённую алым светом зари Алкмену увидел могучий Зевс, самый сильный из всех греческих богов, и, увидев, полюбил её с первого взгляда.

Зевс был не только могуч, но также хитёр и коварен. Хотя у него была уже жена, гордая богиня Гера, он захотел взять и Алкмену себе в жёны. Однако сколько ни являлся он ей в сонных видениях, как ни уговаривал разлюбить Амфитриона, всё было тщетно.

Тогда коварный бог задумал покорить её лукавым обманом. Он сделал так, что вся дичь из всех лесов Греции сбежалась в те фиванские долины, где в то время охотился Амфитрион. Тщетно убивал неистовый охотник рогатых оленей, клыкастых кабанов, легконогих коз: их с каждым часом становилось вокруг него всё больше и больше. Слуги звали своего хозяина домой, а он никак не мог оторваться от любимого развлечения и день за днём, неделю за неделей охотился, забираясь всё дальше в глубь лесных дебрей. Тем временем сам Зевс превратился в человека, как две капли воды похожего на Амфитриона, вскочил на его колесницу и поехал в фиванский дворец.

Услышав знакомое цокание копыт и звон доспехов, Алкмена выбежала на крыльцо, радуясь тому, что увидит наконец долгожданного мужа. Чудесное сходство обмануло её. Она доверчиво бросилась на шею лживому богу и, называя милым своим Амфитрионом, повела его в дом. Так при помощи волшебства и обмана Зевс стал мужем прекрасной Алкмены, пока настоящий Амфитрион охотился за зверями далеко от своего дворца.

Прошло немало времени, и у Алкмены и Зевса должен был родиться сын. И вот однажды ночью, когда Алкмена мирно спала, вернулся настоящий Амфитрион. Увидев его поутру, она ничуть не удивилась этому: ведь она была уверена, что муж её давно дома. Вот почему этот обман, придуманный Зевсом, остался нераскрытым. Повелитель же богов, удалясь из фиванского дворца, возвратился в своё заоблачное жилище на высокой горе Олимп. Зная, что у старшего брата Амфитриона, аргосского царя Сфенела, нет детей, он задумал сделать своего сына наследником Сфенела и, когда он родится, отдать ему Аргосское царство.

Узнав об этом, сильно разгневалась ревнивая богиня Гера, первая жена Зевса. Она возненавидела Алкмену великой ненавистью. Ни за что не хотела она, чтобы сын этой Алкмены стал аргосским царём.

Задумав погубить мальчика как только он появится на свет, Гера тайно явилась к Сфенелу и пообещала, что у него родится сын Эврисфей.

Ничего не ведая про это, Зевс созвал всех богов на совет и сказал:

— Выслушайте меня, богини и боги. В первый день полнолуния, когда луна станет совсем круглой, родится на свет мальчик. Он будет царствовать в Аргосе. Не подумайте сделать ему что-нибудь дурное!

Услышав такие слова, Гера спросила с хитрой улыбкой:

— А если в этот день родятся сразу два мальчика, кто будет тогда царём?

— Тот, кто родится первым, — ответил Зевс. Ведь он был уверен, что первым родится Геракл. Он ничего не знал об Эврисфее, будущем сыне Сфенела.

Но Гера улыбнулась ещё хитрей и сказала:

— Великий Зевс, ты часто даёшь обещания, о которых потом забываешь. Поклянись перед всеми богами, что царём Аргоса будет тот мальчик, который родится первым в день полнолуния.

Зевс охотно поклялся. Тогда Гера не стала терять времени даром. Она позвала богиню безумия и глупости Атэ и приказала украсть у Зевса память. Как только Зевс потерял

память, он забыл об Алкмене и о ребёнке, который должен был родиться у неё.

Вот почему случилось так, что сын Зевса, Геракл, ещё до своего рождения потерял отца. Но зато он нашёл в Амфитрионе доброго и заботливого отчима.

Между тем наступил день полнолуния. Гера набросила на себя чёрную одежду, чтобы её никто не узнал, и полетела в Аргос. Там она сделала так, что сын аргосского царя Эврисфей родился на целый час раньше, чем сын Алкмены Геракл.

Когда оба мальчика уж лежали в своих колыбельках, один в Аргосе, а другой в Фивах, Гера вернулась на гору Олимп, в жилище богов, и приказала богине глупцов Атэ вернуть Зевсу память. Потом она созвала всех богов и богинь и сказала:

— Выслушай меня, отец Зевс, а вы, боги, будьте свидетелями. Сегодня, в день полнолуния, первым родился на свет Эврисфей — сын аргосского царя Сфенела. Помните ли вы все, что сказал Зевс? Теперь Эврисфей и будет царём над Аргосом, а маленький Геракл должен ему подчиняться во всём!

Услышав это, Зевс пришёл в страшную ярость.

Он сразу же догадался, что его одурачила Атэ — Глупость. Схватив богиню глупцов за рыжие волосы, он сбросил её вниз с Олимпа.

С тех пор Атэ не смеет вернуться в жилище богов. Зато она вечно трётся среди людей. И если кто-нибудь из вас захочет сделать глупость, пусть он спросит себя: уже не проделки ли это большеротой и длинноухой рыжей Атэ?

КАК ГЕРАКЛ ЗАДУШИЛ ЗМЕЙ

Наказав Атэ, Зевс сделал только первую половину дела.

Поэтому он сейчас же повернулся к богам и сказал:

— Слушайте меня, боги! Я не возьму назад моей клятвы: Эврисфей будет аргосским царём. Но зато я сделаю Геракла могущественнее и сильнее всех царей на земле. Когда этот мальчик вырастет, он совершит двенадцать великих подвигов, и в награду за эти подвиги вы, боги, сделаете его бессмертным. Так решил я, Зевс. Горе тому, кто вздумает изменить моё решение!

Сказав это, Зевс грозно взглянул на Геру, но Гера подумала про себя:

«Ещё неизвестно, удастся ли Гераклу совершить хоть один подвиг. Во всяком случае мы с Атэ по-своему вмешаемся в его дела».

Увидев мрачное лицо Геры, Зевс задумался. Он подозревал к себе свою любимую дочь Афину и попросил её день и ночь следить, чтобы никто не сделал Гераклу какого-нибудь зла.

Между тем мальчик Геракл спокойно лежал в своей колыбели рядом с братцем Ификлом. Они родились близнецами, в один день и час, но были совсем не похожи один на другого. Геракл был сильный, здоровый мальчик. Он в первый же день так буянил в тесной люльке, что её пришлось прикрепить к полу, — иначе она опрокинулась бы. А Ификл был сонливый и слабенький, он лежал неподвижно, как все новорождённые дети.

Наступила ночь. Афина — богиня мудрости — послала к Амфитриону свою любимую сову, самую умную из всех птиц. Пушистая сова неслышно летала над колыбелью Геракла и обмахивала его мягкими крыльями. От этого ребёнок умнел с каждым часом.

Но богиня Гера твёрдо решила погубить его; она ни за что не хотела, чтобы сын ненавистной Алкмены сделался сильней и могущественней её любимца Эврисфея.

Как только стемнело, Гера пошла в ядовитое болото, выбрала там двух самых сильных и самых страшных змей и потихоньку принесла их к дому Амфитриона. Чтобы не вышло какой-нибудь ошибки, Гера решила убить обоих мальчиков. Одна змея должна была ужалить Геракла, а

другая Ификла. Хуже всего было то, что, едва дети уснули, сова неслышно сорвалась с карниза и улетела. Ей непременно нужно было наказать крыс, которые сгрызли пряжу богини Афины.

Усталая мать близнецов Алкмена тоже заснула, оставив у колыбели, по совету мудрой совы, двенадцать рослых прислужниц. Но прислужницам скоро надоело сидеть в темноте. Одна за другой они начали дремать. Головы их опускались всё ниже и ниже. Они зевали все разом до тех пор, пока не заснули крепким сном. А змеи ползли да ползли и через широкий двор, прямо по лестнице, приползли к колыбели Геракла.

Ровно в полночь маленький Геракл проснулся. Он лежал в темноте, сосал кулак и слушал во все уши, потому что был умён не по возрасту. Вдруг он услышал возню и шуршание на пороге, потом тихий свист и шипенье на полу. Любопытный мальчик приподнял голову и заглянул за край колыбели. В ту же минуту он увидел большую змеиную голову рядом со своей головой. Геракл немного испугался и откинулся назад. Тут он заметил другую змею, которая жадно тянулась к маленькому Ификлу. Тотчас же Геракл схватил змей обеими руками пониже голов и стал их душить изо всех сил. Змеи шипели, как вода на углях, и молотили хвостами о каменный пол, но мальчик держал их крепко и всё сильнее сжимал кулаки. Шум разбудил ленивых прислужниц. Увидя змей,

они, растрёпанные и неодетые, бросились вон, стали громко кричать и звать на помощь. Их вопли перебудили всех в доме. Люди забегали с факелами, по комнатам заметались тени. Размахивая мечами, прибежали кадмейские воины, стоявшие на страже у ворот дворца. Сверкая золотыми доспехами, вбежал в дом перепуганный шумом Амфитрион.

При свете факелов все столпились у колыбельки. Но маленький Геракл уже крепко спал, зажав в кулаках задушенных змей; они болтались теперь, как две верёвки, по сторонам колыбельки. При виде такого чуда и Амфитрион, и кадмейские воины, и все двенадцать ленивых прислужниц стали пятиться от колыбели, качая головами и шёпотом переговариваясь друг с другом. Так они были удивлены.

Все они решили, что, значит, сами боги заботятся о Геракле, раз они наградили новорождённого мальчика такой удивительной силой. Людям нечего бояться за его судьбу.

Но это было большой ошибкой.

КАК ГЕРАКЛ ВЫРОС И ПОЧЕМУ ОН УБИЛ СВОЕГО УЧИТЕЛЯ ЛИНА

На другой день Амфитрион призвал к себе прорицателя Тирезия, который умел предсказывать будущее. Как только старец Тирезий взглянул на Геракла, он сразу же понял, что перед ним лежит не простой ребёнок, а сын великого Зевса.

Тирезий предсказал Амфитриону, что, когда Геракл вырастет, он не только победит всех зверей и людей, но поможет и самим богам справиться со страшными сторукиими гигантами, которые живут на краю земли. Тирезий посоветовал Амфитриону как можно лучше беречь и воспитывать мальчика.

Амфитрион считал Геракла своим сыном и любил его ещё больше, чем Ификла. Поэтому, как только мальчик подрос, он пригласил ему в учителя самых знаменитых воинов и мудрецов. Искусный Эфрит, который никогда не делал промахов, научил Геракла стрелять из лука, Автолик показал ему, как ловчее бороться с другими мальчиками, великий герой Кастор учил его рубить мечом и бросать копье, а сам Амфитрион постоянно брал его на свою колесницу и давал ему править четвёркою горячих коней.

Скоро Геракл стал искуснее и сильнее не только всех своих сверстников, но и многих взрослых людей.

Он был так силен и велик, что, играя с другими мальчиками в семь камешков, в мяч и в лапту, никогда не умел рассчитывать свои силы. Вместо камешков он клал на ладонь большие булыжники и подкидывал их столь высоко, что все дети бросались от него врассыпную, боясь, как бы камни не проломили им голову. А мячом Геракл бил так

крепко, что мальчики падали кувырком. Тут-то с Гераклом и случилось несчастье.

Строгий Лин обучал его всем наукам и искусству играть на большой семиструнной кифаре. Науками Геракл занимался охотно, но игра на кифаре ему не давалась, потому что струны он рвал всякий раз, как только касался их пальцами. Это очень сердило строгого учителя Лина, и как-то раз он больно прибил Геракла. Геракл обиделся. Он изо всей силы швырнул прочь от себя кифару и нечаянно задел ею Лина. Как всегда, он забыл о своей необыкновенной силе. Кифара коснулась учителя самым краешком, но убила его наповал.

Узнав об этом, Амфитрион испугался, как бы Геракл, обладая такой страшной силой, не натворил ещё каких-нибудь бед и не покалечил бы маленького Ификла или других городских детей. Посоветовавшись с Тирезием, он решил на время отправить Геракла за город и поручил ему пасти свои стада на киферонских горных лугах.

Надо мной крутые скалы,
Подо мной, внизу, река.
Облака бегут, как овцы,
Овцы, точно облака.

Травы ломкие, склоняясь
К почве высохшей, звенят
Под ногами тонкорунных,
Звонко блеющих ягнят...

Козлоногий Пан, живущий
В золотой лесной тени!
Ты овец моих от волка
Сбереги и сохрани.

Пусть, когда бегут напиться
Тёплым вечером к ручью,
Их упругие копытца
Не наткнутся на змею...

Пусть играют, пусть дерутся,
Но потом, к исходу дня,
Пусть все вместе соберутся
На лужайке, вокруг меня!

БОГИНЯ ГЕРА ПОРАЖАЕТ ГЕРАКЛА БЕЗУМИЕМ

Прошло много лет. Геракл вырос и возмужал. Он стал сильным и смелым юношей, могучим бойцом, отважным защитником своей родины.

Однажды, когда он отправился на охоту, соседний царь Эргин напал в его отсутствие на Фивы. Он подчинил себе фиванцев и заставил их платить ему непосильную дань.

Но Геракл, как только вернулся домой с охоты, собрал, вместе со своим братом Ификлом, большой отряд храбрецов, ударил с ним на войско Эргина, убил его в яростной битве и освободил родину от врагов.

В награду за это фиванский царь Креонт отдал Гераклу в жёны свою дочь, красавицу Мегару. Радостной была эта свадьба, и шумным был весёлый брачный пир. Сами боги спустились с Олимпа и пиروвали вместе с Гераклом. Один из младших сыновей великого Зевса, неутомимый Гермес, вестник богов, который всюду летает в своих крылатых сандалиях, подарил герою прекрасный меч. Бог света и радости Аполлон дал ему лук с золотыми стрелами. Искусный Гефест своими руками сковал ему панцирь, а богиня Афина облекла его в дорогую одежду, которую выткала для него сама. Одна только злобная Гера ничего не подарила Гераклу: она по-прежнему ненавидела и Геракла, и его мать Алкмену.

Геракл и Мегара счастливо зажили во дворце Креонта. Скоро у них родилось двое детей. Но Гера, которая в это время опять стала женой Зевса, завидовала их счастьем. Она

постоянно ссорилась с Зевсом, и ей было досадно, что многие люди на земле живут дружнее, чем боги на Олимпе.

Однажды дети играли у ног Геракла на шкуре льва. Им нравилось рассматривать огромные львиные лапы и засовывать кулачки в оскаленную пасть. Геракл любовался детьми. Светлый огонь мирно горел в очаге. Вдруг легонько скрипнула дверь. Тихое пламя испуганно заметалось, раскачивая большие тени на потолке. Геракл удивлённо поднял голову: он подумал, что кто-то вошёл. Но он никого не увидел.

А это богиня Атэ, никем не замеченная, прокралась в дом. Тихонечко подойдя к Гераклу сзади, она накинула ему на глаза волшебную невидимую повязку, одурманила его разум и свела героя с ума.

Так сделала Атэ по приказанию Геры, и вот обезумевшему Гераклу стало казаться, что львиная шкура, лежавшая у его ног, вдруг ожила, а дети превратились в ужасных двуглавых чудовищ.

Дико вращая налившимися кровью глазами, Геракл вскочил с места, с рёвом набросился на детей и убил их одного за другим. Затем он начал метаться по дому, крушить и ломать всё, что попадалось ему под руку. Напрасно Мегара и прибежавший на шум Ификл старались его успокоить. Он погнался за ними и до тех пор гонял их по всему дому, пока

они не выскочили на улицу. Тут повязка безумия упала с его глаз, и бешенство сразу прошло. Геракл остановился, удивлённо оглядываясь вокруг. Он никак не мог понять, почему жена и брат убегают от него со всех ног. Задумчивый, он вернулся домой, стараясь вспомнить, что такое с ним было, но как только увидел трупы своих детей, чуть опять не сошёл с ума от горя и отчаянья. Закрыв лицо руками, он выбежал вон, боясь оглянуться на свой разорённый дом, и бежал до тех пор, пока не настала ночь. Ему было так тяжело и горько, что он решил никогда не возвращаться домой и пошёл в другой город к своему другу Феспию.

Феспий, сын Архегона, был мудрым человеком и добрым товарищем. Сильно опечаленный несчастьем, которое случилось с его другом, он не стал понапрасну укорять его и огорчать бесполезными причитаниями. Он сделал лучше.

— Выслушай меня, Геракл! — сказал он. — Только слабые вздыхают о том, что уже свершилось, да плачут о невозвратном. Тот же, кто крепок душой, стремится загладить прошлое благими деяниями в будущем. И ты можешь сделать это.

Вчера, когда я проходил по городскому рынку близ храма Артемиды, я увидел толпу юношей; они, горячась, обсуждали какие-то вести. Я прислушался к их речам и узнал

о славных замыслах. В далёком Иолке Язон, сын Эсона, собирает могучую дружину, чтобы плыть за Золотым Руном, за сокровищем Эолидов[8], Фрикса и Геллы. Мышцы твои крепки, Геракл, взор твой ясен. Послушайся меня: ступай в Иолк, к Язону. Много подвигов совершит он на своём пути, и если ты вместе с ним прославишь добрыми делами свое имя, боги простят тебе нечаянный проступок...

Так и сделал Геракл. Через узкий Истмийский перешеек, через холмистую Беотию и прибрежную Локриду, минуя семивратные Фивы, пробрался он в славный город аргонавтов и отплыл вместе с ними в далёкий путь.

Покорно подчинялся он в дороге юному Язону, хотя сам был старше и сильнее его. Безропотно грёб он тяжёлым веслом на борту быстролётного «Арго».

Но боги предназначали ему судьбу, отличную от судьбы аргонавтов. Когда однажды, сойдя на берег маленького островка, он углубился в лес, чтобы по приказу Язона заменить сломанное весло новым, в чаще деревьев встретил его лукавый и быстроногий Гермес, юноша с крылышками на круглой шапке и с другой парой крыльев на задниках лёгких сандалий.

— Брат мой Геракл! — сказал он ему. — Выслушай повеленье отца нашего Зевса. Оставь сейчас же славных аргонавтов: их подвиги слишком легки для тебя. Иди в Аргос.

Там царствует твой соперник Эврисфей, тот, что родился на краткий час раньше, чем ты. Стань слугой презренного труса Эврисфея. Делай всё, что он повелит тебе, всё, что могучему прикажет ничтожный. Когда же ты выполнишь весь тяжёлый урок, всемогущие боги, я думаю, даруют тебе прощенье...

КАК ГЕРАКЛ ПОСТУПИЛ НА СЛУЖБУ К ЦАРЮ ЭВРИСФЕЮ

Услышав волю богов, Геракл содрогнулся от гнева и обиды.

Он знал, что Эврисфей был ничтожный, дрянной человек и все люди смеялись над его удивительной трусостью. Говорили, что Эврисфей боится даже собственной тени. Но, вспомнив, что это боги посылают ему наказание за убитых детей, Геракл смирился. «Ну что ж, — подумал он. — Я сам виноват во всём этом. Ведь сам я совершил такое страшное преступление. Хорошо ещё, что мне позволено искупить столь великую вину. Лучше я пообещаю сам себе всю свою жизнь смело бороться за несчастных и обиженных людей, помогать слабым против злых чудовищ и драконов, как это делали великие герои до меня. Вот тогда-то я, наверное, заслужу прощенье».

Геракл быстро отправился в путь. Скоро он прибыл в Аргос.

Узнав о приходе Геракла, Эврисфей обрадовался, но вместе с тем побледнел от страха. Ему было очень приятно, что боги заставили служить ему такого смелого человека, но он испугался, как бы Геракл не вздумал убить его и захватить себе Аргосское царство. Из трусости Эврисфей не вышел навстречу Гераклу. Он приказал ему ждать у порога, а сам забрался на постель с ногами и начал думать, куда бы ему отправить Геракла так, чтобы самому прославиться, а Геракла погубить. Но только глупый царь попробовал думать, он сейчас же заснул как убитый. Во сне явилась ему богиня Гера и посоветовала послать Геракла на охоту за страшным Немейским львом.

Эврисфей проснулся очень довольный, приказал Гераклу убить Немейского льва и целый день рассказывал басни о том, как ему пришла в голову умная мысль. Ведь в те времена очень часто случалось, что умным и смелым людям приходилось подчиняться злым, но богатым дуракам.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ГЕРАКЛОМ В ПЕЩЕРЕ НЕМЕЙСКОГО ЛЬВА

Немейский лев был не простой зверь, а страшное волшебное животное огромного роста. Он был сыном огнедышащего дракона Тифона и гигантской змеи Ехидны. Жил он в Немейской долине, неподалёку от селенья Клеаны, и наводил страх на все окрестности своими набегами.

Храбрый, но осторожный Геракл нарочно зашёл в Клеаны, чтобы хорошенько расспросить жителей о привычках льва. Он постучал в дверь первой попавшейся хижины — бедняка Моларха — и остался у него ночевать. Добрый Моларх охотно поделился с Гераклом последним куском чёрствого хлеба и кружкой кислого вина, но, узнав, куда он идёт, так ужаснулся, что долго не мог произнести ни одного слова. Потом он упал на колени и стал умолять Геракла не ходить на охоту за львом.

— Это страшный зверь, — говорил он Гераклу, — такой же сильный, как и свирепый; зубы его легко разгрызают самый твёрдый булыжник. Вот какой это зверь! Он живёт в глубокой тёмной пещере, и пещера его заколдована: пока он в ней, его нельзя убить ни копьём, ни мечом, ни стрелой...

Так уговаривал добрый Моларх Геракла, потому что ему было жаль этого молодого воина в белоснежной одежде и в блестящем, как золото, панцире. Моларх был уверен, что Геракл идёт на верную смерть.

Видя, что гость не хочет послушаться его, он огорчился и сказал:

— Вот что, странник! Сегодня все люди в нашем селении приносят жертвы могучему Зевсу. Хочешь, я тоже принесу жертву, чтобы Зевс сохранил тебя от страшного зверя?

На это Геракл отвечал, улыбаясь:

— Добрый Моларх, лучше подожди приносить жертвы, пока я не убью Немейского льва. Ты будешь ждать меня тридцать дней. Если я вернусь в этот срок с львиной шкурой, мы поблагодарим Зевса за удачную охоту. Если же я не приду и на тридцатый день, ты оплачешь меня, чтобы тень моя не томила в подземном царстве умерших.

Сказав это, он встал, надел свой высокий шлем, повязал меч и вышел из хижины.

Старый Моларх грустно проводил его до порога. Долго стоял он у дверей, покачивая седой головой. Он был уверен, что гость никогда не вернётся назад.

Двадцать девять дней прошли в томительном ожидании. Как только занималась заря, Моларх выходил на дорогу посмотреть, не белеет ли на ней плащ Геракла, не блестит ли его золотой панцирь. Вечером он сидел на пороге до тех пор, пока ночь не становилась чёрной, как яма, полная угля.

Но сколько он ни всматривался в темноту, Геракл не возвращался.

Наступил тридцатый день. Он пришёл и ушёл, а Геракла всё не было. Печальный Моларх вымыл руки и приготовился принести жертву в память погибшего героя. Но как только он это сделал, кто-то сильно постучал в дверь. Моларх поспешил открыть засов, думая, что это вернулся Геракл. Но вместо Геракла в хижину вошёл незнакомый человек. Он был

закутан в тёмный плащ. Голову его покрывал странный шлем невиданной формы. Густая борода закрывала могучую грудь, а пыльные волосы космами падали на плечи.

— Если тебя зовут Молархом, — сказал незнакомец хриплым и грубым голосом, — то погоди приносить жертву, потому что я принёс тебе весть от Геракла.

Глядя на тёмный плащ и косматую бороду незнакомца, Моларх сообразил, что к нему пришёл сам лесной бог Пан. От страха у него отнялся язык, он покорно сел на скамью и приготовился слушать, не смея даже спросить у грозного бога, жив ли Геракл. Гость опустился у очага, заслонив своим огромным телом и без того слабый огонь.

В хижине стало совсем темно.

— Как только Геракл ушёл от тебя, — начал гость, — его со всех сторон охватила ночная тьма. Он всё время оглядывался назад, потому что боялся, как бы лев не прыгнул на него из кустов...

Слушая хриплый голос гостя, Моларх подумал, что Пан долго шёл и очень устал; поэтому он встал, вылил в чашу своё последнее вино и молча поставил его на стол. Гость жадно схватил чашу, разом выпил вино, вытер губы рукой и продолжал свой рассказ:

— На заре Геракл пришёл в Немейскую рощу. И тут он зорко смотрел по сторонам, думая, что зверь засел где-

нибудь между деревьев. Но ничего не было видно. Тогда Геракл вспомнил, что Немейского льва нельзя убить ни стрелой, ни мечом, потому что шкура его твёрже камня. Подумав об этом, он решил раздобыть себе оружие понадёжнее, вырвал с корнем молодой дуб, обрубил ветви и сделал себе тяжёлую палицу, твёрдую, как железо. Вот она, ты можешь её посмотреть.

С этими словами гость протянул Моларху огромную дубину. Моларх осторожно потрогал её, она была так тяжела, что он не решался взять её в руки. Гость с улыбкой поставил дубину между колен.

— Сделав палицу, — продолжал он, — Геракл влез на дерево и крепко заснул. Он проспал десять дней и десять ночей, набираясь сил для битвы с Немейским львом. Наконец он проснулся и, видя, что лев не пришёл к нему в Немейскую рощу, пустился в дальнейший путь. Не успел он выйти из рощи, как заметил прямо перед собой огромного каменного льва, грузно лежащего на холме над самой дорогой.

Геракл решил, что это окрестные жители высекли из камня такое удивительное изваяние. Он спокойно остановился, дивясь столь искусной работе. Вдруг страшилище подняло каменную голову и с грозным рычаньем вскочило на ноги. Увидев такое чудо, Геракл

тотчас же натянул лук, нацелился прямо в глаз ужасного зверя и спустил стрелу. Золотая стрела блеснула, как молния, но, должно быть, зверь успел опустить каменное веко, потому что она отлетела назад со звоном. Однако, ослеплённый её блеском, чудесный лев прынул в сторону и с рёвом помчался прочь. Геракл пустил вдогонку вторую стрелу, но и эта стрела отскочила от каменной шкуры. Лев побежал быстрее и скрылся между холмов. Геракл поднял упавшие стрелы и покачал головой — бронзовые наконечники их совсем расплющились. Он повесил лук на плечо и, крепко сжимая в руках дубину, побежал вслед за львом, удивляясь неожиданной трусости такого свирепого зверя. Но Геракл помнил, что Немейский лев так же хитёр, как и свиреп. Поэтому он осторожно бежал по следам, опасаясь, что лев спрятался где-нибудь близко в засаде и вдруг выскочит на него. Однако льва нигде не было видно, а следы затерялись в каменистой Немейской долине. Геракл очень долго бродил вокруг, пока наконец не дошёл до высокой горы, заросшей кустами. Он облазил скалы и обшарил кусты, но льва нигде не увидел. Между тем наступила ночь. Геракл зажёг костёр, чтобы зверь не напал на него в темноте. Но как только стемнело, он услышал глухое рыканье зверя, кружившего во мраке возле костра. Геракл дождался луны и сразу увидел льва. Зверь стоял на горе и смотрел на огонь. Геракл сейчас же схватил свою

палицу и пошёл вверх по склонам горы. Но когда он дошёл до вершины, лев пропал, точно провалился сквозь землю.

Целую ночь Геракл разыскивал льва, а на рассвете вернулся к костру. Как только лучи восходящего солнца осветили окрестность, Геракл снова увидел зверя. С громким криком он погнался за ним. Лев скачками помчался к горе и снова пропал. Торопясь за ним по следам, Геракл увидел в кустах у подножия горы большую пещеру. Догадавшись, что в этой пещере и прячется лев, он смело раздвинул кусты, но сразу остановился. Пещера была сырая, тёмная и такая тесная, что в ней негде было размахнуться дубиной. Геракла охватил страх...

— Ты говоришь неправду, — сказал тут Моларх, в первый раз прерывая рассказ гостя. — Геракл не знает страха.

Но гость улыбнулся.

— Ты хорошо сказал, добрый Моларх, — отвечал он, — а всё-таки Геракл испугался. В глубине пещеры он увидел два зелёных огня, два страшных глаза свирепого льва, и в страхе покинул пещеру. Я не хотел бы, добрый Моларх, чтобы ты когда-нибудь видел такие глаза.

— Странник, — сказал Моларх, опять прерывая гостя, — не томи меня и скажи: жив Геракл или умер?

— Слушай дальше, — ответил гость, по-прежнему улыбаясь. — Как только зверь заметил, что Геракл испугался,

он выскочил из пещеры и хотел напасть на него. Но Геракл зажёг от костра большую ветку и, пугая зверя огнём, погнал его в глубь пещеры. Чем дальше он шёл, тем выше поднимались пещерные своды. Геракл уже поднял дубину, чтобы ударить зверя, но в эту минуту лев скрылся за выступом скалы. Геракл побежал за ним и с разбегу выскочил вон из пещеры. Хитрый зверь устроил себе логовище с двумя ходами; он обежал гору, снова вошёл в пещеру через первый ход, снова выскочил из второго и опять помчался к первому.

Так Геракл гонялся за зверем до поздней ночи, пока наконец не понял, что никогда не настигнет зверя, если не измыслит какой-нибудь хитрости. Подумав хорошенько, он сложил перед первым ходом огромный костёр, чтобы зверь не вышел наружу, а сам поспешил ко второму ходу и целую ночь таскал к нему большие обломки скалы, пока наконец не завалил дыру до самого верха.

На заре он вернулся к первому ходу и, размахивая горячей веткой, смело пошёл на льва. Увидев, что ему больше некуда деться, лев повернул назад и с яростным рёвом бросился на Геракла.

Услышав это, Моларх вскочил.

— Странник! — крикнул он, схватив гостя за руку. — Если ты бог, скажи мне: жив ли Геракл?!

Но гость отвёл его руку.

— Ты слишком торопишься, добрый Моларх, — сказал он спокойно. — Подняв дубину, Геракл со страшной силой ударил зверя по голове. Удар был так силен, что каменный череп треснул. Немейский лев упал к ногам Геракла и забился в судорогах, стараясь подняться на ноги. Тогда Геракл схватил его руками за горло и сжимал до тех пор, пока зверь не задохся.

— Странник, — спросил Моларх, и глаза его заблестели, — куда же девался Геракл?

Гость рассмеялся и сказал:

— Убив зверя, Геракл пошёл к старику Моларху и рассказал ему, как он охотился на Немейского льва.

Сказав это, гость схватил головешку и ярко осветил своё лицо. Моларх вскрикнул от неожиданности — он увидел перед собой Геракла, за тридцать дней обросшего бородой и густыми косматыми волосами, совсем как грозный бог леса Пан. Над головой Геракла вместо шлема поднималась морда Немейского льва, а тело было покрыто каменной шкурой, твёрдой, как панцирь...

Вместе с обрадованным Молархом Геракл принёс благодарственную жертву Зевсу и отправился со шкурой льва к царю Эврисфею. Узнав о возвращении Геракла, Эврисфей задрожал от страха и зависти, но всё-таки пошёл посмотреть

на шкуру. Он шёл навстречу Гераклу важно и медленно, как подобает царям.

Но как только он увидел ужасную голову льва с оскаленной пастью, он сразу забыл про свою царскую важность, закрыл руками лицо, как всякий трус, и убежал во дворец. Весь дрожа, он велел передать Гераклу, чтобы тот никогда не смел приносить добычу к нему во дворец, а показывал бы её издали с высокого холма. Геракл пожал плечами и усмехнулся, но послушался и унёс львиную шкуру из дворца, чтобы прибить череп над городскими воротами.

Целую ночь Эврисфей злился на Геракла за то, что тот победил льва и вернулся живым. Но больше всего он злился, что сам струсил. Целую ночь думал он, как бы ему поскорей погубить Геракла, куда бы его отправить на верную смерть.

Под утро Эврисфей заснул. Во сне ему опять явилась злая Гера и посоветовала послать героя в ядовитое Лернейское болото, туда, где жила ужасная змея Гидра, младшая сестра Немейского льва. Она тоже родилась от Тифона и Ехидны.

Эврисфей сейчас же соскочил с постели и велел передать Гераклу, чтобы он, не медля, отправился на поиски Гидры.

БИТВА С ЛЕРНЕЙСКОЙ ГИДРОЙ

Геракл не возразил ни слова, сейчас же снарядился на новый подвиг. Но так как он очень устал, преследуя

Немейского льва, то решил доехать до ядовитого болота на золотой колеснице своего отчима Амфитриона. Нужно было только найти хорошего возницу, а никто из друзей Геракла не хотел ехать с ним в место, проклятое самими богами.

Один Иолай, сын Ификла, умолял дядю взять его с собой. Иолай был ещё мальчик, но он хорошо справлялся с конями Амфитриона и славно перебирал одной рукой ремённые вожжи. Видя, что дети в Фиванской земле стали храбрее взрослых мужей, Геракл согласился взять мальчика с собой.

Легконогие кони, закусив удила и согнув шеи, быстро домчали их до источника Амимоны, за которым тянулось бесконечное море кочек, покрытых ядовитой ржавчиной. Только сухая осока торчала среди этих кочек да с одного берега спускалась в болото низкая поросль.

Оставив коней с Иолаем у источника, Геракл взял с собой священный меч, подаренный ему на свадьбе Гермесом, и ступил на болотную почву. Под тяжестью героя всё болото закачалось от края до края. Ноги его сразу же утонули в бездонной моховой трясине, из-под них поднялись кверху радужные пузыри ржавчины. От запаха ядовитых трав кровь прилила к голове. Осторожно ощупывая дорогу, Геракл шагал с кочки на кочку, а болото зыбилось и шаталось под ним. Вдруг он сделал неверный шаг и провалился по пояс. Геракл ухватился рукой за чахлое деревцо, торчащее на

соседней кочке, но сухое деревцо обломилось. Ещё немного — и трясина втянула бы Геракла с головой, но он сделал последний шаг и нащупал твёрдое дно. Стоя на цыпочках, ухватившись руками за мох, Геракл закричал Иолаю, чтобы тот скорее бросил ему с берега ремённые вожжи. Иолай навязал на вожжи камень и метнул его Гераклу. Схватив камень, Геракл повис на вожжах, а Иолай подхлестнул лошадей, и горячие кони, дружно рванув колесницу, вытащили Геракла на край трясины.

Но как только он вскочил на ноги, обтирая с себя ядовитую грязь, он услышал отчаянный крик Иолая.

Мальчик прыгал на колеснице, показывая рукой в густые заросли сухого тростника. Взглянув в ту сторону, Геракл вздрогнул: прямо к нему ползло по болоту отвратительное чудовище — Лернейская гидра с девятью головами. Все девять змеиных голов страшно шипели, высунув раздвоенные жала. А кочки по-прежнему зыбились и шатались под ногами героя. Нечего было и думать сражаться со змеей на такой трясины.

Шаг за шагом Геракл стал отступать к берегу. Он боялся опять провалиться в трясину и двигался медленно, а клубок змеиных голов всё быстрее и быстрее катился к нему. Страшная Гидра гналась за ним так стремительно, что Гераклу пришлось защищаться мечом от змеиных жал. Но

как только он вышел на берег, Гидра повернула назад и с шипением поползла к себе в тростники, довольная, что никто не смеет напасть на неё в её зыбком царстве.

Тут только Геракл понял, какой трудный подвиг поручил ему Эврисфей. Успокоив дрожащего Иолая и коней, которые жались друг к другу, Геракл стал соображать, как ему выманить Гидру на твёрдую землю.

Подумав немного, он приказал Иолаю заехать на северный край болота, откуда дул ветер, и поджечь сухой тростник. Иолай так и сделал. Скоро жёлтый огонь весело побежал по болоту. Встречаясь с ржавой болотной водой, он трещал и шипел не хуже змеи.

Это был ужасный пожар. Едкий дым пополз по трясине, и ветер гнал его как раз к тому месту, где засела Лернейская гидра. Почувяв огонь, чудовище выползло из засады и заскользило по кочкам к берегу, стараясь уйти от Геракла в лес. Но Геракл ждал Гидру, подняв над головой острый меч. Как только первая голова змеи коснулась земли, Геракл одним прыжком наступил ей на шею и взмахом меча отсек её прочь. Тогда остальные восемь голов, выпустив жала и обнажив ядовитые зубы, накинулись на Геракла. Тело змеи оплело ему ноги точно железными путами, а смертоносные зубы и жала щёлкали и скользили по панцирю, стараясь найти обнажённое тело.

Меч Геракла блистал как молния. Одну за другой отрубил он ещё семь голов, но девятую, самую злобную и большую, он никак не мог отрубить, потому что она была бессмертной. Острый клинок меча проходил через эту голову, как через мягкий студень, но не оставлял на ней никаких следов. Сбросив с себя петлистое тело змеи, Геракл схватил голову прямо руками, стараясь её задушить, но тут он увидел, что все остальные восемь голов опять отросли и бросились на него с новой яростью. Увёртываясь от Гидры, Геракл рубил и рубил мечом, а головы всё отрастали и отрастали. И всех страшнее шипела средняя, бессмертная голова. Скоро Геракл устал рубить. Он уже терял надежду одержать победу над Гидрой, как вдруг ему в голову пришла счастливая мысль. Он стал кричать Иолаю, чтобы тот принёс ему горящую ветку дерева.

Храбрый мальчик сейчас же понял, что надо делать. Он прибежал, размахивая пылающей головнёй. Как только Геракл отрубал змеиную голову, Иолай прижигал горящим суком кровавую рану.

От этого шеи Гидры сморщились, и новые головы перестали расти на них. Так погибли все восемь голов ядовитой Лернейской гидры. А девятую, бессмертную, голову Геракл завалил большими камнями. Сколько ни билась змея, она не могла стряхнуть с себя тяжёлой каменной груды.

Торжествуя победу, Геракл обмакнул свои стрелы в ядовитую змеиную кровь и пропитал их змеиным ядом, чтобы стрелы разили насмерть. Подобрал отсечённые головы, он вскочил на высокую колесницу. Кони рванули и, закусив удила, помчали его прочь от болота, прямо в Аргос, к царю Эврисфею.

Но перепуганный Эврисфей, конечно, побоялся даже посмотреть на змеиные головы. С золотого порога дворца он замахал руками и сердито закричал, требуя, чтобы Геракл, не заходя домой, сейчас же шёл бы и подстрелил ему страшного Эвриманфского вепря.

ГЕРАКЛ У КЕНТАВРОВ

Тяжело вздохнув, Геракл соскочил с колесницы, отпустил Иолая домой и, забросив все восемь голов в колючий терновник, чтобы их никто не нашёл, отправился разыскивать этого нового зверя. Долго шёл он всё вперёд и вперёд, пока перед ним, упираясь вершинами в облака, не встали каменистые горы Фолос. Целый день взбирался путник по горным тропинкам. Но чем дальше он шёл, тем выше поднимались перед ним горы. Гераклу очень хотелось пить. Он остановился и стал слушать, не журчит ли где-нибудь ручеёк; но вместо плеска воды вдруг донеслось до него конское ржание и громкий топот. Вскоре огромный гнедой конь показался на склоне горы. Он мчался вверх так,

что камни летели из-под копыт. Конь громко ржал, а всадник кричал и махал руками. Геракл подумал, что всадник кричит и машет ему. Прикрыв глаза ладонью, он хорошенько взгляделся в гнедого и чуть не вскрикнул от неожиданности.

Это был вовсе не конь, а самый настоящий кентавр: получеловек-полулошадь. Там, где у всякой другой лошади начинается шея, у этого коня было человеческое туловище — с животом, грудью, руками и головой. Это-то туловище Геракл и принял за всадника.

Пока Геракл разглядывал удивительное создание, человек-конь остановился на горной лужайке и, приставив обе ладони ко рту, затрубил в них, как в трубу. Со всех сторон затрещали кусты. Целый табун точно таких же кентавров неспешно протрусил мимо Геракла, поднимая облака пыли. Удивлённый Геракл пошёл вслед за ними.

Скоро он вышел на большую поляну в горной дубовой роще. Тут между деревьев виднелись хижины, сложенные из грубых больших валунов и прикрытые хворостом. Земля под дубами была утоптана, как гладкий глиняный пол. Но никого не было видно, только там и здесь валялись черепа оленей и груды костей, да возле одной из хижин стоял хвостом к Гераклу гладкий вороной кентавр. Подняв руки и задрав кверху голову с острой бородкой, он срывал листья с высокого дерева и засовывал их в рот, мирно отмахиваясь

своим лошадиным хвостом от комаров и слепней. Геракл громко окликнул кентавра, на всякий случай выхватив всё же меч.

Услышав голос, кентавр поднялся на дыбы, повернулся на задних ногах и подскакал к Гераклу с ласковым ржаньем. Думая, что кентавр не поймёт его речи, Геракл показал знаками, что хочет есть и пить. Но кентавр заговорил правильным и красивым греческим языком. Он повёл Геракла в свою убогую хижину, посередине которой горел небольшой костёр, и угостил его жареным мясом. Пока гость насыщался, хозяин прямо руками рвал на куски сырую оленью тушу и пожирал её, с хрустом разгрызая хрящи. Добрый кентавр этот, которого звали Фолом, не переставая расспрашивал Геракла, кто он, откуда он идёт, как живут люди и правда ли, что они умеют ковать железо и медь. Он с восторгом рассматривал золотые доспехи Геракла, его щит и меч, и удивлялся искусной работе.

Насытившись, Геракл попросил пить. Добрый Фол удивился, услышав такую просьбу. Он не мог понять, зачем ему нужно держать воду дома. У кентавров не было никакой посуды. Почувствовав жажду, они галопом скакали на водопой к ближайшей горной реке и пили там совсем как лошади. Кентавр уверял Геракла, что до этой реки прямо рукой подать, каких-нибудь две-три мили. Но Геракл так устал, бродя по горам, что отказался идти туда вместе с

Фолом, хотя его и сильно мучила жажда. Тогда Фол подмигнул и сказал, что в одной из хижин старого кентавра Хирона стоит большая бочка с вином. Только это — священный напиток, его подарил кентаврам сам бог вина Дионис, и никто из них не смеет пить из бочки без разрешения Хирона. Говоря о вине, Фол так вкусно прищёлкивал языком, что Геракл почувствовал мучительную жажду. Он стал уговаривать Фола дать ему хоть одну каплю вина. Но Фол покачал головой и сказал, что никак не может нарушить запрета. Другое дело, если Геракл сам зачерпнёт из бочки. Ведь Геракл гость, а по законам гостеприимства гость может пить и есть всё, что захочет.

Говоря это, Фол хитрил. Он отлично знал, что Хирон очень рассердится, если кто-нибудь дотронется до священной бочки, но ему самому так захотелось выпить, что он решился открыть бочку с помощью пришельца. А тогда, в случае нужды, можно будет свалить всю вину на него одного.

Геракл не заметил хитрости Фола. Он вошёл в пустую лачугу Хирона, открыл бочку, зачерпнул из неё прямо горстью и стал пить, а весёлый Фол, пристроившись рядышком, тянул вино прямо из бочки. Так они пировали, очень довольные друг другом. Между тем остальные кентавры своим звериным чутьём издали услышали запах вина. В страшной ярости они поскакали домой, по дороге

отламывая куски скал и поднимая с земли булыжники, чтобы угостить ими незваного гостя.

Услышав ржанье и крики своих разгневанных братьев, Фол отбежал в сторону и как ни в чём не бывало стал пастись на лугу, между дубовых деревьев, предоставив Гераклу самому выпутываться из беды. Геракл из дверей хижины закричал кентаврам, чтобы они не бросали в него камнями. Он напомнил им древние законы гостеприимства и право гостя пить и есть в чужом доме. Но разъярённые кентавры не стали слушать Геракла. Целый град камней полетел в него, ударяясь о стены хижины. Тогда Геракл решил защищаться. Он вынул лук и колчан, натянул тетиву и стал пускать в кентавров одну за другой смертоносные стрелы, отравленные ядом Аернейской гидры. Два или три кентавра упали замертво, остальные отступили, испуганные неожиданной смертью, которую принесли их братьям маленькие и с виду совсем не страшные стрелы. Но когда ядовитая стрела попала в копыто самого сильного и мудрого из кентавров, бессмертного Хирона, и тот, обожжённый ядом, закричал отчаянным голосом, весь табун обратился в бегство. Фыркая и толкаясь, кентавры скакали по узкой горной тропинке. Геракл погнался за ними, чтобы их напугать.

Между тем любопытный Фол поднял одну из стрел, выпущенных Гераклом, и вертел её перед самым носом,

стараясь увидеть, где в ней засела смерть. Он тоже не понимал, почему стрелы приносят гибель. Незаметно для самого себя Фол оцарапал руку об острый конец стрелы. Страшный яд проник к нему в кровь, и простодушный хитрец упал замертво. Вернувшись после погони и увидев холодную тушу бедного Фола, Геракл горько оплакал гостеприимного друга и, лишь похоронив его, отправился дальше.

Не останавливаясь, он дошёл наконец до тех мест, где скрывался Эвриманфский вепрь. Страшного зверя нигде не было видно. Герой присел отдохнуть на груде сухого валежника под большим деревом, росшим на склоне горы. Но как только он это сделал, хворост зашевелился, заворчал и захрюкал. Огромная голова кабана высунулась из самой середины кучи. Геракл едва успел отскочить. Эвриманфский вепрь выпрыгнул из ямы, во все стороны раскидывая хворостяную крышу своего лежбища. Он был ростом с большую корову, его свиные глазки налились кровью, щетина на остром хребте поднялась дыбом, а загнутые клыки нацелились прямо в живот Гераклу. Вепрь был так велик и так тяжёл, что если бы он бросился на Геракла, то уж, наверное, сбил бы его с ног.

Как ни силен был герой, он всё же не решился сразу вступить в поединок со страшным зверем. Быстрый, как молния, отскочил он с тропинки в сторону и спрятался за дерево такой толщины, что пять человек не смогли бы

охватить его ствол руками. Яростный вепрь, как буря, налетел на дерево, разя его ударами клыков. Пена клочьями падала с его рыла. Под тяжкими ударами ствол затрещал. Листья и жёлуди с шумом посыпались на землю. То отбегая назад, то кидаясь вперёд, Эвриманфский вепрь с разбегу крушил столетний дуб в щепки, стараясь добраться до Геракла. Напрасно герой пытался его ударить мечом сбоку. Меч оставлял глубокие царапины в шкуре вепря, но не мог нанести ему смертельной раны. Грязь и пена смешались с кровью чудовища, которое с каждым ударом меча свирепело всё больше и больше.

Наконец огромное дерево покачнулось. Грозь раздавить Геракла, тяжело крикнув, рухнуло оно. Затрещали молодые клёны вокруг. Хорошо ещё, что Геракл успел увернуться от падающего ствола. Правда, он опять очутился лицом к лицу с разъярённым вепрем. Но снова, прежде чем зверь успел броситься на него, Геракл отпрянул в сторону. Став так, чтобы солнечные лучи отражались от гладкой поверхности щита, Геракл пустил целый сноп лучей в налитые кровью глазки чудовища и с громким криком принялся колотить по щиту дубиной. Тогда, ослеплённый солнечным блеском, напуганный криком и звоном, Эвриманфский вепрь повернулся и побежал вверх по горе, разбрасывая во все стороны столетние дубы своими крепкими боками. Мрачное хрюканье зверя было похоже на рык Немейского льва.

Однако Геракл неотступно гнался за ним, не переставая греметь щитом и время от времени страшно крича. Несколько раз злобный вепрь пытался остановиться, но всякий раз Геракл пугал его блеском и криком и гнал его всё выше и выше. Так добрались они до самой вершины горы, покрытой глубоким снегом. Тут Геракл закричал так пронзительно и ударил по щиту с такой силой, что перепуганное животное бросилось в рыхлый снег и завязло по самые уши.

Как ни бился, как ни рычал вепрь, он всё глубже увязал в глубоком сугробе.

Геракл накинул на страшную морду вепря шкуру Немейского льва, сковал зверю цепью все четыре ноги и, с трудом взвалив к себе на плечи гигантскую тушу, понёс её вниз к царю Эврисфею.

КАК ГЕРАКЛ ЛОВИЛ КИРИНЕЙСКУЮ ЛАНЬ

Как только трусливый царь увидел свирепую голову вепря и острые загнутые клыки, он кинулся прочь и забился со страху в большой медный чан, в который слуги сливали дворцовые помои. Он просидел там целую ночь. Там он и заснул. А во сне ему опять явилась богиня Гера.

Поутру Эврисфей выбрался из чана, очистился от корок и шелухи и, напустив на себя важный вид, приказал Гераклу на этот раз поймать ему золоторогую Киренейскую лань.

Выслушав новое приказание Эврисфея, Геракл глубоко задумался. Он знал, что у Киренейской лани неутомимые медные ноги, что она хитра и осторожна. Знал он и то, что лань эта была любимицей богини Дианы-охотницы. Диана же никому не позволяла прикасаться к своим любимым животным.

Поразмыслив об этом, Геракл решил как следует подготовиться к охоте. Не теряя времени, он отправился к себе на родину в Фивы и стал там упражняться в беге. Каждое утро, как только вставало солнце, молодой Иолай по просьбе Геракла садился верхом на коня, самого быстрого из всей четвёрки Амфитриона, и во всю конскую прыть скакал по долине. А Геракл бежал рядом с конём, крепко держась за его гриву. В первый день он сумел пробежать наравне с конём только один час, во второй — два, в третий — три часа. Скоро Геракл приучился без усталости бежать за конём целый день без еды и питья, не останавливаясь ни на минуту. Тогда он решил, что время охоты настало, и пошёл на озеро, где часто пила воду эта быстроногая лань. Засев в кусты, он просидел неподвижно три дня и три ночи, поджидая осторожную добычу. Три раза звёзды подымались над горизонтом, три раза заходили они за край земли, а лани всё не было. Наконец на четвёртую ночь Геракл услышал лёгкое постукивание копыт и, высунув голову из куста, увидел рогатую тень на тихой озёрной воде. Неслышно пополз он

вокруг широкого озера, стараясь подкрасться к лани как можно ближе. Но чуткое животное расслышало шелест ветвей. Повернув точёную голову, лань оглядела берега и вдруг, закинув на спину рога, понеслась прочь от Геракла по узкой лесной тропе между деревьев. Золотые рога её сверкали в полосах лунного света. Геракл вскочил и, шумно дыша, погнался за ней.

Деревья мелькали одно за другим, ноги бегунов без усталости двигались, едва касаясь земли.

Они пробежали лес, выбежали на большую поляну, снова пропали в лесу, появились на открытом поле и всё неслись и неслись — лань впереди, а Геракл за ней. Они пробежали мимо шестидесяти деревень и девяти городов; солнце встало, отбросив на землю две быстро бегущие тени. Оно высоко взобралось по небесному своду, обливая их золотыми лучами, а они всё неслись — лань впереди, а Геракл сзади.

Чем дальше они бежали, тем меньше становилось расстояние между ними, потому что Геракл бежал очень быстро. Но всё-таки он не мог поравняться с ланью. Изнемогая от солнечного зноя, Геракл на бегу сбросил с себя тяжёлую шкуру Немейского льва и повесил её на дубовую ветку. Потом он сбросил с себя и одежду, оставив только широкий пояс на бёдрах; потом он скинул сандалии, чтобы

легче было бежать, — а лань всё неслась впереди, уводя Геракла всё дальше в горы.

Солнце стало клониться к западу, Геракл устал от стремительного бега, а медные копытца чудесной лани стучали всё так же ровно по твёрдой земле. Тогда Геракл собрал все свои силы и бросился вперёд с такой быстротой, что расстояние между ним и ланью совсем сократилось. Бежать было трудно, потому что путь шёл в гору. И всё-таки Геракл нагнал лань, но едва он успел протянуть руку, чтобы схватить её за блестящие рожки, как вдруг прямо перед ним разверзлась широкая и бездонная пропасть. Уверенный, что лань теперь никуда не уйдёт, Геракл чуть-чуть замедлил бег, а лань, точно пущенная из лука стрела, перелетела через ужасную бездну. Геракл резко остановился; задыхаясь от бега, он стоял на самом краю обрыва, а лань на той стороне мирно пощипывала траву, изредка взглядывая на Геракла, точно посмеиваясь над ним.

Огорчённый Геракл медленно пошёл по краю пропасти в обход, стараясь не упустить лань из виду. Он потратил много времени, несколько дней и ночей, для того чтобы обойти пропасть и снова выследить лань. Потом опять началась бесконечная погоня. Всякий раз, как Геракл настигал лань, она уходила от него, то прыгая в глубокие реки, то скрываясь в густых зарослях, то пропадая среди песчаных холмов.

Каждый раз после этого Гераклу приходилось разыскивать лань по следам. Так охотник и дичь уходили всё дальше и дальше.

Лань завела Геракла в студёную страну гипербореев, где жили люди с собачьими головами. Она привела его там к широкой реке Истру, в которой обитали прекрасные женщины с рыбьими хвостами. Теперь эту реку зовут Дунай. Но Гераклу некогда было взглянуть на псоглавцев или поговорить с водяными красавицами: слишком он торопился. Неутомимый охотник без остановки погнался лань назад, от реки Истра в Грецию, пока не вернулся в те места, откуда начал охоту. Здесь он остановился, лёг на землю и крепко заснул. Он бы ни за что не уснул, если бы богиня Афина, которой Зевс поручил помогать Гераклу, не наслала на него сон. Во сне Афина явилась к Гераклу и посоветовала ему поймать лань сетью.

Очнувшись, Геракл так и сделал. Он быстро сплёл из гибких веток и длинной осоки лёгкую сеть, расставил её на тропе, по которой звери ходят на водопой, и, выследив лань, погнался её прямо к сети. Выскочив на прогалину, лань понеслась по ней со всех ног и тотчас запуталась в сети рогами. Торжествующий Геракл схватил её, повалил, связал ей вместе тонкие ножки и на руках понёс к Эврисфею.

Но не успел он сделать и ста шагов, как вся окрестность зазвенела от собачьего лая. Целая свора косматых псов выскочила на тропинку и окружила героя, не пуская его дальше. Следом за ними вышла из-за кустов разгневанная богиня Диана. В короткой охотничьей одежде с золотым полумесяцем в волосах и с луком в руках стояла под ветвями миртов юная богиня охоты. Натянув смертоносный лук, от стрел которого не может уйти ни одно живое существо, Диана целилась прямо в сердце Геракла. Гневным голосом она потребовала, чтобы он немедленно выпустил лань, если не хочет умереть. Не желая сердить богиню, Геракл смиренно ответил, что он поймал лань не по своей доброй воле, а по приказанию великих богов. Он попросил позволения только показать лань Эврисфею с тем, чтобы сейчас же выпустить её.

Грозная богиня смягчилась и позволила Гераклу отнести лань в Аргос.

Увидев героя с Киренейской ланью на руках, Эврисфей задрожал от гнева и зависти к его великой удаче. Ведь и так о Геракле говорила вся Греция. О Геракле, а не о нём! Царь сейчас же принёс жертву гневной богине Гере и по её совету послал Геракла в Стимфальский лес. Он потребовал, чтобы Геракл выгнал из этого леса и перебил знаменитых Стимфальских птиц которых там водилось великое множество.

ГЕРАКЛ ИЗГОНЯЕТ СТИМФАЛЬСКИХ ПТИЦ

Решив, что этот подвиг легче всех остальных, Геракл охотно отправился в город Стимфал, а оттуда в дремучий лес, где жили чудесные птицы.

Ещё не дойдя до леса, он увидел целые тучи огромных Стимфальских птиц. Они кружились в воздухе, прыгали по земле, сидели на деревьях и клекотали так громко, что у Геракла зазвенело в ушах. Когда они поднимались стаями в воздух, стоял такой лязг и звон, что Геракл подумал: «Уж не медные ли перья у этих птиц?» Так оно и было! Острые страшные клювы Стимфальских птиц, их крючковатые когти и перья были из чистой меди.

Разглядев птиц получше, Геракл понял, что он жестоко ошибался и что этот подвиг ничуть не легче других. Но не успел он ещё сообразить, что же делать, как целая стая хищников налетела на него сверху. Воздух гудел от их медных крыльев. Одна за другой птицы пронеслись над Гераклом. Вдруг большая стрела ударила прямо в львиную пасть, зацепив волосы героя. Не понимая, откуда падают стрелы, Геракл поднял голову и увидел, что Стимфальские птицы, кружась над его головой, стряхивают остроконечные сверкающие перья прямо со своих крыльев. Каждое такое перо было вдвое острее и тяжелее обыкновенной стрелы: оно могло пробить человека насквозь.

Хорошо, что Геракл, отправляясь в Стимфальский лес, разыскал в дубовой роще шкуру Немейского льва, которую сбросил, гоняясь за ланью. Он воткнул свою дубину в рыхлую землю и, накинув на неё львиную шкуру, присел на корточки в этой каменной крепости. Потом он стал пускать в птиц одну за другой золотые стрелы, подарок солнечного Аполлона. Одна за другой падали на землю и птицы, но ведь их было бесконечное множество, а у Геракла только двенадцать золотых стрел. Расстреляв их все до последней, Геракл стал пускать из лука медные птичьи перья, поражая Стимфальских птиц их же оружием. Но на место каждой убитой птицы слетались целые стаи других, и как метко ни стрелял Геракл, он скоро понял, что уничтожить всех медных хищников невозможно.

Тогда он прекратил свою охоту и, утомлённый долгой стрельбой из лука, скоро уснул под шкурой Немейского льва. И, снова явившись ему во сне, богиня Афина посоветовала герою смастерить как можно больше деревянных трещоток, вроде маленьких крылатых ветряных мельниц, какие делают ребятишки.

Геракл так и поступил. В ближайшей деревне с помощью жителей он изготовил такое множество этих трещоток, что, когда подул ветер и все они начали кружиться и трещать, люди глохли от шума.

На другую ночь Геракл отнёс трещотки в Стимфальский лес и расставил их там как раз под птичьими гнёздами.

Поднялся ветер, трещотки закрутились и загрохотали, наполнив лес невыносимым стуком. Перепуганные птицы поднялись со своих гнёзд и с печальными криками улетели прочь с насиженных мест, в далёкие страны, к берегам Евксинского Понта.

Подобрав несколько медных птиц, подстреленных им накануне, Геракл связал их лапами вместе и отнёс к Эврисфею.

КАК ГЕРАКЛ В ОДИН ДЕНЬ ОЧИСТИЛ СТОЙЛА ЦАРЯ АВГИЯ

Весело пировал Геракл во дворце Эврисфея, а молва о его удивительных подвигах катилась из царства в царство, из города в город, до самого края земли. Люди и боги везде прославляли героя. Но чем больше они говорили о нём, тем сильнее завидовал ему Эврисфей. Злой царёк видел, что сын Зевса не боится никаких подвигов. Мало того, он чувствовал, как презирает могучий слуга своего трусливого хозяина. И он окончательно решил извести Геракла непосильной работой.

Мрачный и злой, Эврисфей целыми днями шагал из угла в угол, придумывая, куда бы послать героя, как бы его опозорить перед всеми людьми. Каждую ночь Эврисфей

выпивал по целой чаше снотворного зелья, чтобы поскорее увидеть во сне коварную Геру.

Но богиня сама не могла ничего придумать, и царю Эврисфею вместо неё снились разные глупые сны. От этого он просыпался ещё злее, чем был вечером, и с утра начинал колотить своим посохом всех придворных.

Наконец Гера отправилась за советом к хитроумному богу торговцев — Гермесу. Сын Зевса, Гермес любил своего брата Геракла, но ещё больше любил он придумывать для людей и богов всякие хитрые задачи, которые никак невозможно решить.

Выслушав Геру, Гермес улыбнулся и сказал что найти неисполнимое для Геракла дело совсем не трудно. Стоит только послать его в Элиду к царю Авгию и приказать очистить от навоза конюшни, в которых царь держал стадо своих волшебных быков. Авгиевы конюшни никто никогда не чистил, и за многие годы в них накопилась такая толща навоза, что никакой человеческой жизни не хватило бы на эту работу.

— Как только Геракл заглянет в стойла, — уверял Гермес Геру, — он откажется убирать навоз. Нужно быть совсем сумасшедшим, чтобы взяться за такое безнадежное дело.

Обрадованная Гера немедленно явилась Эврисфею во сне, и царь, вскочив, отправил Геракла прямо с пира чистить Авгиевы стойла.

Узнав о такой неприятной и грязной работе, Геракл очень обиделся. Как и многие молодые люди, он считал подвигами только те дела, где много опасностей, свиста стрел и звона мечей. Он никогда не отказывался от настоящего подвига, но совсем не хотел копаться в навозе. Однако мудрая богиня Афина шепнула ему, что это очень полезное для людей дело. А всякое полезное дело, особенно если его нелегко сделать, и есть настоящий подвиг.

Подумав, Геракл вспомнил, какое обещание он дал когда-то самому себе, молча взял большую лопату, поднял её на плечо и отправился к Авгию.

Царь Авгий был самым богатым царём на земле, потому что отец подарил ему три тысячи быков белых как снег, две тысячи быков красных как кровь, и ещё одного, особенного, который ночью блестел, словно звезда.

Все быки были так велики и свирепы, что ни один человек не мог войти в их стойла. От этого животные обросли навозом и грязью до самых хребтов.

Тяжёлый запах гнилой соломы поднимался над конюшнями, и люди в окрестностях стонали, задыхаясь от этих вредных испарений.

Явившись в Элиду, Геракл целый день бродил вокруг конюшен, слушая грозный рёв волшебных быков и звон золотых цепей, которыми их приковали к стойлам. Он осмотрел всю долину за конюшнями и гору, с которой бежали, будто гонясь друг за другом, две бурные реки — Алфей и Пеней. Высмотрев всё, что ему было нужно, Геракл пришёл к царю Авгию и очень спокойно сказал ему, что берётся очистить огромные стойла в одни сутки, если только царские пастухи сумеют выгнать оттуда быков.

Услышав хвастливую речь Геракла, Авгий так громко рассмеялся, что даже его быки ответили ему дружным рёвом. Вслед за царём захохотали и гости, сидевшие с Авгием за столом, и смех их был ничуть не слабее мычания быков: люди в те времена умели хорошо посмеяться. А за гостями рабы и слуги начали хвататься за бока, покатываясь от хохота. Выбежав из дворца, они рассказали воинам о том, как глупо хвастается Геракл. Воины побросали на землю щиты и залились весёлым смехом. Скоро весь город потешался над Гераклом, а волшебные быки всё топтались в своих стойлах и ревели, как буря. Но Геракла не смутили эти насмешки. Он без всякого приглашения сел за стол и, пока люди смеялись над ним, ел и пил столько, сколько хотел.

Кончив смеяться, Авгий вытер глаза и предложил Гераклу побиться с ним об заклад, что ему не очистить конюшен и за целый год. Авгий был так уверен в этом, что

обещал Гераклу десятую часть своих быков, если только герой сумеет сдержать своё хвастливое слово. А если Геракл проиграет, он должен отдать царю единственное своё сокровище — золотые доспехи и шкуру Немейского льва.

Все, кто сидели на пиру, уговаривали Геракла отказаться от глупой затеи, считая, что он обязательно проиграет, но могучий герой принял вызов царя.

Чуть только забрезжило утро, он взял лопату, попросил у рабов топор и пошёл через город в лес, который рос в долине между двух рек. Пока он шёл по улицам, люди выглядывали из дверей домов, из-за колонн храмов и, давясь от смеха, показывали на него пальцами. Но герой не обращал внимания на них. Вломившись в самую чащу леса, он стал рубить и валить деревья одно за другим. К полудню весь лес был срублен. Одни только свежие пни торчали из мха.

Кончив рубку, Геракл свалил толстые брёвна в кучу, обхватил их руками и понёс на берег Пенея. Там он бросил их в воду, закидал землёй и камнями и совсем запрудил реку. Потом он устроил плотину и на Алфее.

Весь город сбегался смотреть на работу Геракла. Видя, как он таскает тяжёлые брёвна, весёлые горожане перестали смеяться. Они покачивали головами, не понимая, зачем

Гераклу понадобились плотины, и говорили, что знаменитый герой, вероятно, сошёл с ума.

Солнце уже садилось, когда Геракл достроил обе плотины.

Он закричал пастухам, чтобы те поскорее выгнали всех быков вон из стойл и как можно шире открыли ворота. Потом Геракл спокойно уселся на берегу и стал смотреть, как бурные воды обеих рек, прибывая с каждой минутой, поднимались до самого верха плотины. Вода бурлила и клокотала, стараясь прогнать тяжёлые брёвна.

Между тем сам Авгий пришёл поглядеть, что успел сделать Геракл за день. Увидев плотины, царь только пожал плечами, и все согласились, что Геракл, очевидно, и впрямь безумец: ведь солнце уже садилось, а он ещё и не думал приниматься за чистку стойл. Но как только солнце коснулось земли, реки хлынули через плотины. Воды их с рёвом слились в один могучий поток и затопили долину, посредине которой возвышался Авгиев хлев. Крутясь и пенясь, поток ворвался в ворота грязных конюшен и, прежде чем люди успели опомниться, смыл весь навоз и вынес его через вторые ворота в широкое поле. То самое дело, которое люди не сумели бы сделать и в год, реки сделали в полчаса. Стойла царя Авгия были очищены.

Тогда Геракл разрушил плотины и, успокоив бурлящие воды, вернул потоки в прежние русла. Вода сбыла. Поляна сейчас же просохла, и Авгий, а с ним и весь народ увидели сквозь широко открытые ворота столь чисто вымытые стойла, точно сами быки вылизали их своими шершавыми языками.

По всей стране покати́лась весть об этом подвиге Геракла. Слепые певцы пели о нём, сидя в пыли на припёке у городских ворот. Матери рассказывали про него дочерям, а отцы сыновьям. Но сердце самого героя было беспокойно. Ведь кровь убитых им детей всё ещё тревожила его совесть. Шесть великих дел свершил он. Много раз глядел в глаза смерти. Но всегда легче совершить плохой поступок, чем потом загладить свою вину. Об этом нельзя никогда забывать.

Нужно было совершить ещё немало подвигов, прежде чем Геракл мог получить желанное прощение. Надо было торопиться. Великий герой не хотел состариться и умереть, не выполнив назначенного ему богами урока.

Вот почему он не стал пререкаться с жадным скрягой Авгием, когда тот отказался заплатить ему за очистку стойл.

— Радуйся, о царь скупцов! — с презрением сказал герой Авгию. — Нет у меня времени сейчас настаивать на моей правде. Но берегись того дня, когда я совершу свой

двенадцатый подвиг. Тогда я вернусь сюда, и ты пожалеешь о своём обмане.

Сказав это, он удалился из Элиды и пошёл назад к Эврисфею. А люди с — тех пор и до наших дней, когда хотят рассказать о каком-нибудь грязном и беспорядочном месте, говорят: «Это настоящие Авгиевы конюшни».

СЕДЬМОЙ И ВОСЬМОЙ ПОДВИГИ ГЕРАКЛА

Долго думал тщедушный и трусливый Эврисфей, прежде чем назначить своему могучему слуге новый урок. Он видел, что мужество и сила Геракла не знают предела. Казалось — все опасные и трудные работы уже сделаны.

В это время дошла до слуха царя удивительная весть.

— Далеко за синим морем, — говорили царю приезжие купцы, — лежит богатый остров Крит. Царствует там гордый царь Минос. Он не боится никого из людей; он осмеливается нарушать даже волю богов. Не так давно случилось с ним вот что. Бог моря Посейдон выслал из морских глубин на берег прекрасного круторогого быка. «Этого быка, — повелел бог, — ты, Минос, должен отвести в священную рощу на берегу и там принести мне в жертву, заколов его на камне, обточенном моими волнами».

Так бы и надо было сделать царю.

Но Миносу очень понравился тучный и красивый бык. Он пустил его в своё стадо, а в жертву богу принёс простого телёнка.

Тяжко разгневалось Море на Миноса за такую дерзкую насмешку. Волны его с шумом ударились о критские берега, и в тот же миг быком овладела великая ярость. Как бешеный, ринулся он прочь от стойла, оглашая окрестности диким рёвом. Немало дней прошло с тех пор, а этот морской бык всё ещё бродит по полям и лесам Крита. Он убивает и калечит людей, и нет смельчака, который смог бы обуздать его.

Царь Эврисфей обрадовался такому известию. «Вот, — думал он, — настоящая задача для моего слуги». Но он хотел сделать работу Геракла ещё более трудной и сложной.

Поэтому, посылая его за Критским быком, он заодно повелел ему привести из далёкой страны Фракии страшных кобылиц царя Диомеда.

На высоком морском берегу построил свой мрачный дворец жестокий царь Диомед. Между острыми глыбами скал возвышались рядом с этим дворцом крепкие конюшни. Там, прикованные к дубовым яслям, рыли копытами землю, храпели и косили глазами прекрасные гнедые кобылицы. Их шерсть блестела, как медь. Их шеигнулись до самых копыт. Но горе было тому, кто подошёл бы поближе к этим

быстроногим скакунам. Они не ели ни сена, ни свежей травы, ни золотого овса, ни тяжеловесных ячменных зёрен: это были кони-людоеды.

И каждый раз, как буря разбивала корабль против дворца Диомеда, его слуги подбирали тонущих и бросали их на съедение кровожадным кобылицам своего повелителя.

Нелегко было Гераклу выполнить новый приказ трусливого и коварного Эврисфея. Но делать нечего. С дубиной в руках (двадцать воинов не могли бы поднять с земли эту дубину), с рыжей шкурой Немейского льва на плечах тронулся он в далёкий путь.

На лёгком корабле плыл он на остров Крит, и гребцы корабля дивились добродушию и силе великого героя.

Пусто и безлюдно было в те дни на Крите. Дороги заросли чертополохом и колючим акантом, поля заглохли: все боялись страшного быка.

Могучий герой смело пустился навстречу чудовищу. На глухом перекрестье они встретились. Бык, наклонив голову, со злобным мычаньем бросился на Геракла. Но смелое сердце не дрогнуло.

Дождавшись, чтобы бык подбежал совсем близко, Геракл схватил его могучими руками за рога и прижал головой к земле. Как ни рвалось дикое животное, как ни храпело, как ни вращало налитыми кровью глазами, всё

было тщетно. Надев на быка ремённую узду, Геракл сел на него верхом и поплыл через море к царю Эврисфею.

Увидев быка, Эврисфей, как всегда, ужаснулся и спрятался во дворце, а быка приказал выпустить поскорее за городские стены. С рёвом помчалось страшилище по всей стране, наводя страх на жителей.

Долго носилось оно по горам и долинам Греции, пока далеко в стране Марафонской не поймал его другой великий герой — Тезей.

А Геракл между тем уже плыл во Фракию, где над могучей пучиной на чёрных скалах высился дворец Диомеда и злобно ржали страшные кобылицы.

В тот час, когда он подошёл к конюшне, Диомед охотился в лесах своей страны. Геракл бесстрашно распахнул ворота и зашёл в стойло, усыпанное человеческими костями. Он связал верёвками испуганную стражу, смело накинул уздечки на кровожадных коней и повёл их к своему кораблю.

Но слуги дали царю знать о том, что случилось в его конюшнях.

Разгневанный царь бросился вместе со своими воинами на морской берег и тут встретил Геракла.

В жарком бою Геракл победил воинственных фракийцев. Одним ударом дубины он разбил голову свирепому Диомеду и швырнул его тело на съедение коням.

Потом Геракл отвёл страшных кобылиц Эврисфею.

Эврисфей, как подобает жадному трусу, не сберёг и этих кобылиц.

Дрожа от страха, едва взглянув на них издали, велел он выпустить их в дикие Ликейские горы. Там, между скалистых круч и сосновых лесов, на них напали злые горные волки, и скоро только старцы-певцы в своих песнях поминали страшных животных и их свирепого хозяина.

ГЕРАКЛ В ЦАРСТВЕ АМАЗОНОК

Царь Эврисфей был всегда угрюм и мрачен. Он ненавидел всех, кто был умнее, храбрее, сильнее его. Но было на свете одно существо, в котором он души не чаял — его дочь, золотоволосая царевна Адмета.

Когда Адмета смеялась, царь Эврисфей улыбался. Зато когда она плакала, он скрежетал зубами, и горе было человеку, виновному в её слезах. Если же Адмета говорила: «Я хочу!», то её слово было сильнее всех законов в царстве Эврисфея.

Однажды няня рассказала Адмете удивительную историю.

— За далёким Евксинским Понтом, — говорила няня, — лежит таинственная страна амазонок. В этой стране нет мужчин; там живут одни только женщины. Но это не просто женщины. С колыбели они учатся воевать. Их игрушки — острые мечи и луки со звонкими стрелами. Совсем ещё маленькими девочками они уже садятся в сёдла и скачут по горам и долам своей страны, как самые смелые всадники. Не было доныне ни одного полководца, который сумел бы — хитростью или силой — победить смелую конницу амазонок. Никогда ещё враг не пробирался в их столицу, в знаменитый таинственный город Гемескиру. Этот город высится там, где бурная река Термодон впадает в сердитый Понт Евксинский. Посреди города возвышается пышный дворец, а в нём живёт великая царица амазонок, прекрасная Гипполита.

Много дивных сокровищ хранится в кладовых и амбарах её дворца. Там есть драгоценные камни, взятые смелыми всадницами в бою, и военные кольчуги из тонких золотых цепочек. Там есть хрустальные сосуды, привезённые из далёких восточных стран, и пёстрые чепраки, которыми накрывают потные спины царских лошадей. Но дорожке всех драгоценностей для царицы Гипполиты её волшебный пояс: этот пояс она надевает, готовясь к бою. Он не красив и не пышен. Зато его подарил Гипполите сам свирепый бог войны, кровавый Арес. Этот пояс приносит счастье в бою. Вот

почему амазонки стерегут его как зеницу ока. Горе тому, кто захочет отнять его у них.

Едва только золотокудрая Адмета услышала этот рассказ, как ей захотелось получить и примерить такой удивительный пояс. Надев свои маленькие сандалии, она побежала по каменным плитам дворца в те покои, где жил её отец. Бросившись ему на шею, она сказала, что больше всего на свете сейчас же, теперь, она хочет получить в подарок волшебный пояс царицы Гипполиты.

Эврисфею самому никак не удалось бы добыть эту великую драгоценность. Но ведь Геракл ещё не совершил всех назначенных ему подвигов. И вот снова приказывает тщедушный царёк герою покинуть родную страну и отнять у отважных амазонок волшебный пояс их царицы...

Долго лёгкие ладьи Геракла пенили острыми носами волны. Долго плыл он из милой Греции в ту сторону, где летом восходит солнце. Наконец перед ним выросла на морском берегу столица амазонок Темескира. Спутники Геракла вытащили на берег свои лёгкие корабли, разожгли вокруг них костры и стали лагерем под стенами великого города.

Скоро слышались звуки труб. Царица Гипполита сама пришла в лагерь узнать, что нужно в её земле чужестранцам.

Мирно и почтительно встретил герой смелую владычицу амазонок. Ничего не скрывая, он рассказал ей всё про себя и про свою службу у Эврисфея.

Выслушав его рассказ, Гипполита растрогалась: ведь она как-никак была женщиной.

— Будь спокоен, сын Зевса, — сказала она, — тебе не придётся проливать кровь из-за волшебного пояса. Правда, я дорожу им больше всех своих сокровищ, но для тебя я не пожалею его. Будь моим гостем, Геракл. Отдыхай в мире. Через несколько дней я отдам тебе свою лучшую драгоценность.

Так мирно сговорились между собой эти смелые и благородные люди.

Но коварная богиня Гера всё ещё не теряла надежды погубить ненавистного ей Геракла. Тёмной ночью, обернувшись амазонкой, она проникла в Темескиру и пошла по её тёмным улицам, нащёптывая встречным лживые речи.

— Не верьте Гераклу, — говорила она. — Его добродушие обманчиво. Не пояс нужен ему — он хочет похитить нашу царицу и увезти её в далёкие страны.

И она так много и так долго, так хитро уговаривала простодушных воительниц, что в конце концов они поверили ей. Тотчас вскочив на своих коней, амазонки взялись за оружие и устремились к лагерю Геракла. Их было много, а

греков мало. Смелые всадницы одна за другой нападали на самого героя, но одну вслед за другой он повергал на землю. Вот уже пала быстрая, как вихрь, Аэлла. Погибла и Протоя, женщина-герой, семь раз подряд побеждавшая храбрейших воинов. Попала в плен предводительница Меланиппа, и войско амазонок побежало в ужасе перед Гераклом. Царица Гипполита поспешила вручить ему свой пояс. Горько покачал Геракл головой.

— О Гипполита, Гипполита, — сказал он ей с упрёком. — Я не хотел кровопролития и гибели твоих сестёр. Зачем вы послушались коварных речей матери богов?

Перед разлукой он дружески обнял царицу амазонок. Неутешно оплакивала она смерть своих лучших подруг, но не сердилась на Геракла. Они расстались друзьями, и скоро золотокося Адмета уже играла поясом Гипполиты. Впрочем, ей он не понравился. Он был беден с виду и некрасив. Для того чтобы оценить его как должно, надо было иметь великое и смелое сердце. Дочь же трусливого Эврисфея совсем не отличалась мужеством.

Вот почему пояс Гипполиты скоро пропал неизвестно куда.

ДЕСЯТЫЙ ПОДВИГ. БЫКИ ГЕРИОНА И ХИТРЫЙ ВЕЛИКАН КАКОС

Далеко от Греции, в той стороне, где вечером солнце пылающим кругом спускается в зелёные волны океана, лежал среди вечно ропщущих вод пустынный остров Эритея. Он был дик и необитаем. Только время от времени раздавались на нём гулкие, тяжёлые шаги. Это огромный, как туча, трёхголовый великан Герион приходил сюда осматривать стада своих быков. В безопасности и покое паслись они на зелёных лугах Эритеи.

Лениво пощипывая сочные травы, мирно бродили по безлюдному острову эти быки, огромные, как самый большой слон, огненно-красные, как те облака, что горят по вечерам на закате. Ни зверь, ни человек не могли добраться до них через бурные воды западного моря. Но, боясь за свои стада, Герион всё же приставил охранять и пасти их другого великана, Эвритиона.

Эвритион был столь же велик, как и его хозяин Герион, но не был трёхголовым. Зато в помощь пастуху-гиганту был дан хозяином страшный пёс Орт. Этот пёс одним глотком мог бы проглотить сразу десять огромных львов или тигров.

Так вот, за быками Гериона и отправил своего могучего слугу Геракла трусливый и жадный Эврисфей, когда пришла тому пора совершить свой десятый подвиг.

Долго шёл покорный Геракл на запад, через те земли, где теперь Франция и Испания. Он перебирался через

высокие горы, переплывал бурливые реки. Наконец достиг он места, возле которого Африка отделяется от Европы узким и глубоким проливом.

Через этот пролив Геракл перебрался с великим трудом. В память о своём путешествии на обоих берегах он поставил по высокой, похожей на столб скале. Мы теперь зовём эти скалы Гибралтаром и Сеутой. В древности же их называли «Геркулесовыми столбами». Они находятся так далеко от солнечной Греции, что только хвастуны и лгуны осмеливались в те времена уверять, будто и они, как Геракл, доходили до их подножий. Вот почему и по сей час, когда хотят сказать, что какой-нибудь человек много лжёт и хвастается, говорят: «Ну, он дошёл до Геркулесовых столбов».

Миновав это мрачное место, Геракл вышел на берег бурного западного океана. Пусто было здесь; так пусто, что даже герою стало жутко. Солёный ветер рвал пенные гребни волн, свистел в пустых ракушках на прибрежном песке, трепал космы водорослей, выброшенных на берег прибоем. Далеко, за открытым простором моря, лежал серый остров Эритея. Но ни одного паруса не было видно вдали, ни следа от челна на сыром песке, ни даже выброшенных морем брёвен, чтобы сколотить плот. Геракл сел на львиную шкуру, положил рядом с собой тяжёлую палицу и верный лук и,

охватив колени могучими руками, стал мрачно смотреть на пенные гребни волн.

День клонился к вечеру. И вдруг увидел Геракл, что Гелиос-солнце на своей лучезарной колеснице начал спускаться с высоты небес на запад и с каждым мигом приближается к нему.

Наполовину ослеплённый сияньем и блеском, разгневался Геракл на солнечного бога. Он схватил свой лук и нацелился острой стрелой в светозарного Гелиоса.

Бог-солнце удивился такой смелости. Но он не рассердился на сына великого Зевса. Расспросив, в чём дело, узнав, что делает герой в этом диком краю, он даже уступил на время Гераклу свой чёлн. На этом челне Гелиос каждую ночь сам переезжал через океан, чтобы утром снова подняться над восточным краем земли.

Обрадовавшись, Геракл сел в ладью солнца и, переплыв море, прибыл на дикий остров. Ещё издалека донеслось до него по волнам океана громкое мычание пурпурных быков, но едва он ступил на берег, как страшный пёс Орт с хриплым лаем и рычанием кинулся на него.

Одним взмахом палицы герой отшвырнул ужасного пса, вторым ударом убил исполинского пастуха и, собрав быков, погнал их к своей ладье.

На полпути к берегу настиг его хозяин быков, трёхголовый великан Герион. Но тремя стрелами герой поразил чудовище и, спокойно переправив быков через океан, возвратил ладью Гелиосу-солнцу.

Далёкий путь предстоял теперь Гераклу. Через тридевять земель погнал он волшебное стадо в родную Грецию.

Он прошёл, подгоняя быков длинной и острой жердью — стрекалом, — через выжженные плоскогорья, цветущие долины и сочные луга нынешних Испании и Франции.

Наконец великой стеной стали на его пути непроходимые Альпийские горы.

Трудно было могучему пастуху провести своё стадо через их теснины и кручи. Двойные копыта благородных животных скользили по гладким скалам, тонули в вечном снегу горных вершин. И всё же горы остались позади. Впереди зазеленели плодородные равнины Италии...

Как-то вечером, когда с болот потянуло лихорадочной сыростью, утомлённый Геракл согнал быков в узкую долину между лесистых гор, лёг на землю, подложил под голову большой плоский камень и крепко уснул.

Его охватил непробудный сон. Должно быть, злая Гера подслала к нему маленького сонного Морфея, бога с длинными тяжёлыми ресницами, в колпачке из лепестков снотворного мака.

Геракл уснул и ничего не услышал. Не слышал он, как в густом буковом лесу затопали чьи-то тяжёлые шаги, как кто-то огромный, шумно дыша, ходил по поляне, как жалобно мычали быки Гериона — сначала близко, потом всё дальше и дальше...

Он проснулся только утром и с гневом увидел, что долина пуста. Измятая трава блестела от росы, да грустно мычал единственный уцелевший телёнок со звёздочкой во лбу.

Вне себя от ярости герой бросился в погоню. Точно взбешённый вепрь, метался он по италийским холмам и рощам в поисках следов, но на каменистой почве их было трудно обнаружить. Всё казалось пустынным вокруг.

Наконец, уже на склоне дня, Геракл приблизился к одиноко стоявшей в лесу горе. Достигнув её подножия, герой внезапно остановился. Он ясно услышал: из глубины горы доносилось глухое мычанье.

Удивлённый и встревоженный, Геракл обошёл несколько раз нагромождённые скалы. В одном месте он увидел заросший кустами, забросанный обломками утёсов вход в пещеру. Всё пространство перед пещерой было утоптанно множеством быков. Вглядевшись в истоптанную копытами землю, Геракл увидел, что следы ведут не в пещеру, а от неё, в долину.

Как это могло случиться? Ведь мычание доносилось из пещеры...

Геракл был не только отважен и силен. Он был догадлив и хитроумен. Он быстро сообразил, в чём тут дело. Наверное, хитрый вор связал всё стадо хвостами вместе и увёл быков за собою, таща за хвосты, задом наперёд. Вот почему следы получились обратные. В гневе начал Геракл раскидывать в стороны тяжёлые камни завала. И как только первые камни с грохотом разметались по окрестному лесу, из-за деревьев донёсся громкий топот и треск. Это злобный похититель, свирепый великан Какос, спешил на защиту своей добычи.

Он ринулся на дерзкого Геракла, подняв палицу выше вершины леса, изрыгая огонь и клубы серного дыма, рыча голосом, подобным грому.

Но всё это было напрасно. Метнув острую глыбу великану в висок, герой поверг его мёртвым на землю. Затем он выгнал быков из пещеры, собрал и пересчитал своё стадо и погнал его в Грецию.

Там прекрасный гурт был вручён Эврисфею. Эврисфей же заколол волшебных быков и принёс их в жертву ревнивой богине Гере. Он очень хотел оставить их себе, но побоялся: чересчур уж прекрасны были для смертного быки Гериона.

ПУТЕШЕСТВИЕ ГЕРАКЛА ЗА ЗОЛОТЫМИ ЯБЛОКАМИ

ГЕСПЕРИД

Чем больше подвигов совершал могучий герой Геракл, тем опаснее и труднее становились уроки, которые задавал ему безжалостный Эврисфей.

Не успело замолкнуть в аргосских стойлах глухое мычание быков Гериона, как ничтожный царёк снова потребовал к себе своего великого слугу.

— Дошла до меня, — сказал он Гераклу, — удивительная весть. Далеко от нас, где-то на самом краю земли, на берегах могучего океана, есть сад, разбитый на голых скалах великаном Атлантом. По сую сторону того сада на много дней пути простираются необозримые пустыни, спалённые солнцем; злые скорпионы и ядовитые змеи обитают в них. По ту сторону, над безграничным морем, за которое заходит солнце, раскинулось синее царство богини Ночи.

Дочери ночи — прекрасные сёстры-вечерницы — Геспериды вылетают по вечерам из его прохладных тёмно-лазурных просторов. Они спускаются в сады Атланта и стерегут их от похитителей. Сказать по правде, там есть что охранять, потому что на свете нет ничего прекрасней и таинственней этих густолиственных садов.

Блестящие как золото, большеглазые птицы, воркуя, порхают там с ветки на ветку в голубом вечернем тумане. Тоненькими голосами звенят хрустальные ручейки, и дно их устлано золотистым песком. В прозрачных водоёмах цветут розовые лотосы. И пёстрые рыбы выплывают порой из-под листьев, а по нежным стеблям трав стекают и капают вниз на землю благоуханные смолы.

В самой же глуши сада, в его зелёной и влажной тени, растёт прекрасное пышнолистное дерево. Ствол его тонок и строен, ветки гибки, и на них, сияя и днём и во мраке ночи, висят золотые яблоки, каких никогда не видели глаза человека.

Геракл! Я хочу, чтобы ты достал мне три таких яблока. Я знаю — ты смел и могуч. Но не надейся заранее на лёгкое дело. Знаешь ли ты, кто такой Атлант, хозяин этого сада и этих яблок? Послушай — я тебе расскажу, кто он.

На краю света, над тёмной и страшной бездной, широко расставив ноги, стоит, нагнувшись, великан, огромный, как гора. Могучими руками он упёрся в небо и поддерживает над нами небесный свод. Стоит ему хоть на минуту отпустить свою тяжёлую ношу, и небо рухнет вниз на землю, тучи сорвутся с него, упадут луна и солнце, посыплется вниз яркие звёзды. Настанет конец всему. Этот великан, держатель неба, и есть Атлант. Атланту некогда самому

стеречь золотые яблоки. Но он дорожит ими больше, чем жизнью. Поэтому в помощь сёстрам Гесперидам он приставил злого дракона Ладона. У этого чудища только один глаз в широком лбу, но зато этот глаз никогда не закрывается. Горе тому, кого увидит бессонное око дракона.

Вот что мне рассказывали бывалые и мудрые люди. Так это или не так, я не знаю, но яблоки ты должен мне раздобыть. Таков мой приказ. Слышал ты его, о мой слуга Геракл?

Геракл всё слышал. Как всегда, возложив на плечи шкуру Немейского льва, он застегнул её лапы спереди на груди, сцепив когти с когтями, и, опираясь на свою страшную палицу, немедленно тронулся на поиски удивительного сада.

Долго блуждал он по всей земле, углублялся в холодные области севера, бродил под палящим солнцем юга, заходил на запад и на восток — всё было тщетно. Никто не мог рассказать ему, где живут сёстры-вечерницы.

Наконец, придя на берег северной реки Эридана, он услышал в её волнах нежные, как шелест струй, голоса. Это водяные нимфы, милые и кроткие создания, жившие тут, выплыли наверх, услышав его тяжёлую поступь. Им стало жалко героя, и они посоветовали ему побеседовать со старым отцом волн, косматым Нереем.

Выслушав просьбы героя, Нерей поделился с ним своей тайной. В страшном месте находились сады Атланта. Место это лежало далеко за жёлтыми песками Африки, за дикими степями, где бродят львы и пресмыкаются серые змеи пустынь. Но грознее всех змей и всех львов был в той стране её повелитель, сын Земли, великан Антей.

Боги приказали ему никого не пропускать через свои владения, и великан неуклонно выполнял свой долг. Каждого, кто приближался к нему, он заставлял померяться с ним силой.

А это было совсем безнадежно: ведь голова Антея возвышалась над самыми высокими пальмами его страны — в нём было целых шестьдесят локтей роста. Мало того — его нельзя было утомить в бою. Как только он чувствовал усталость, он прикасался рукой или ногой к своей матери Земле, и тотчас же в него вливалась новая сила. Вот почему он убивал одного за другим всех противников и их костями украшал храм своего отца, бога морей, Посейдона.

Эти страшные вести не смутили Геракла. Смело вступил он на горячую землю Ливийской пустыни, и скоро вдали перед ним, среди раскалённых песчаных холмов, поднялся в тумане огромный торс Антея. Рассерженный гигант протяжным окриком остановил героя у границы своих владений и без дальних слов ринулся на него.

Началась жестокая битва.

Охватив друг друга могучими руками, кружились враги по знойной пустыне. Песчаные вихри вздымались от их ног и скоро затмили солнечный свет. Но сила Антея всё время росла — ведь он стоял ногами на родимой земле, — а Геракл начал уже уставать. Неужели победа останется за великаном?

Но нет! Геракл был ловок и хитёр. Он вспомнил, что ему говорил старец Нерей. Собрав последние силы, он вдруг поднял Антея высоко в воздух, оторвав его от матери-Земли.

Тотчас же могучий гигант стал слабеть. Тщетно тянулся он руками и ногами к своей матери, чтобы набраться от неё новой силы. Геракл, дрожа от напряжения, держал его на весу и не давал прикоснуться к Земле. И скоро суровый великан стал слабее малого ребёнка.

Геракл совсем не хотел зла Антею. Но ему нужно было во что бы то ни стало пройти через его владения.

— Пропусти меня через пустыню, Антей, — сказал он.

— Нет, — сказал Антей. — Я не могу сделать этого. Я не могу нарушить волю богов.

Тогда, держа великана одной рукой, герой протянул другую к его горлу и без труда задушил своего врага. Так погиб могучий Антей.

С тех пор мудрые люди часто вспоминают его страшную гибель.

— Подобно Антею, — говорят они, — погибнет всякий, кого какая-нибудь сила оторвёт от матери-Земли, его породившей. Каждый, кто забудет родину, кто потеряет близость с народом, среди которого он вырос, который его вскормил и воспитал, погибнет, как Антей...

Победив Антея, Геракл устремился дальше и скоро добрался до сада Гесперид. От прекрасных деревьев повеяло на него благоуханным ветерком. Сёстры-вечерницы приветливо встретили благородного героя. Но они не смели сами касаться золотых яблок. Нарвать их мог только хозяин сада, могучий Атлант. Титан охотно подарил бы Гераклу яблоки, но ему нельзя было ни на минуту выпустить из рук край неба, который он держал: иначе наступил бы конец мира. Как же быть?

С трепетом глядел Геракл на согнувшегося под тяжестью неба титана и на неизмеримый груз, лежавший на его плечах. Но иного выхода не было, и он предложил Атланту сменить его, пока тот будет рвать с дерева золотые яблоки.

С восторгом согласился на это могучий титан. Радостно выпрямил он затёкшие за многие тысячи лет плечи, полной грудью вдохнул в себя вечерний воздух. В тот же миг страшная тяжесть налегла на Геракла. Кости его затрещали,

ноги по колени ушли в землю, жилы на лбу надулись. Тяжёлый вздох вырвался из его груди — герой застонал под непомерным грузом. Но могучее тело выдержало. Он стоял, обливаясь потом, час, другой, третий. Стиснув зубы, держал он на себе всё небо, пока Атлант не принёс ему три сорванных яблока.

Атлант был простодушен, но считал себя хитрецом. Ему очень не хотелось снова становиться на своё вековечное место.

— Вот что, сын Зевса... — предложил он, не глядя в глаза Гераклу. — Давай сделаем так: ты поддержи ещё немножко небо, а я схожу за тебя в Грецию и отнесу яблоки Эврисфею. Не стоит тебе утомляться. Ты и так устал от вечных скитаний.

Однако Геракл сразу разгадал эту неловкую хитрость.

— Я согласен, о небодержатель, — отвечал он. — Пусть будет по-твоему. Но непривычная тяжесть больно врезается мне в плечи. Позволь же мне сделать мягкую подушку и подложить под этот груз, а там ступай куда хочешь.

Добродушный Атлант не привык иметь дело с обманщиками-людьми.

Он сейчас же поверил Гераклу и покорно взвалил на себя небо, ожидая скорого освобождения.

Но на этот раз Геракл не сдержал своего слова. Подняв с земли свой верный лук, дубину и колчан, он взял яблоки и сказал Атланту:

— Прости меня, благородный Атлант! Я обманул тебя. Но ты сам знаешь — даже я не в силах выполнять твою великую работу. Не сердись на меня. Оставайся с миром.

— Увы! — вздохнул в ответ опечаленный великан. — Ты прав, Геракл. Я не сержусь на тебя. Это я сделал нехорошо, когда хотел поступить с тобой бесчестно. Ступай и ты с миром, и да будет тебе лёгок твой долги путь.

Так они расстались. Чтобы отблагодарить доброго хозяина, Геракл ударил своим мечом по скале, возвышавшейся невдалеке. Чистый, как хрусталь, источник тотчас же хлынул из рассечённого надвое утёса — и мирной прохладой повеяло на бессонного держателя неба. Умиротворённый титан остался стоять на своём вековечном месте, Геракл же отправился в Грецию. А тот океан, на берегу которого он обманул титана Атланта, люди и до наших дней зовут Атлантическим.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ПОДВИГ. ПЛЕНЕНИЕ ТРЕХГЛАВОГО

ПСА КЕРБЕРА

Одиннадцать великих подвигов совершил на службе у царя Эврисфея непобедимый герой Геракл. Одиннадцать раз

возвращался он с победою в старые стены аргосской столицы. Даже завистливый и жадный Эврисфей начал наконец чувствовать себя в долгу перед своим великим слугою. Он подобрел и приказал возвратить Гераклу золотые яблоки, добытые им в садах Гесперид.

Но в то же время, готовясь послать своего могучего слугу на последний, двенадцатый подвиг, он придумал для него самое страшное, самое опасное дело. Он решил отправить Геракла в царство бога Плутона — Тартар.

— Глубоко под землёй, — говорили греки, — в вечном мраке, в древней сырости и холоде лежит это мрачное царство. Ни один луч не проникает с освещённой солнцем земли туда, в тёмный Тартар. Ни единый звук не доходит до его чёрных глубин.

В глубоком молчании катятся подземные реки Стикс, Ахерон, Коцит. Чёрная вода их беззвучно лижет чёрные скалы. Даже совы и летучие мыши боятся залетать в эти страшные подземелья. Только в двух или трёх местах на земле есть глубокие и узкие горные щели, дикие расселины и пещеры, сквозь которые можно пройти в царство Плутона.

Живые люди никогда не проникают туда. Лишь когда человек умирает и тело его хоронят в земле, тень человека быстро летит, точно лист, гонимый ветром, к дикому входу в Тартар, спускается вниз, в сырость и мрак и навсегда остаётся

там. Седой старик Харон за мелкую медную монетку перевозит её в дырявом челне на другой берег реки Стикса.

Нет человеческим теням выхода из Тартара на землю: все выходы из него стережёт бессонный пёс Кербер. Три головы у этого недремлющего стража, три головы на длинных шеях, и с каждой шеи спадает вниз густая грива — не из волос, а из страшных ядовитых змей. Длинный хвост у злого Кербера, но взглядишь: это не хвост. Это свирепый дракон вырос у него на спине. Он свивается в кольца и развивается, высовывает острое жало и шипит. Горе тому, кто захочет, миновав страшного Кербера, выбраться из подземного царства обратно на свет! С громкими стонами печальной толпой скитаются тени умерших людей по острым камням Плутонова царства. Они тоскуют по солнцу и теплу, они грустят обо всём, что им было мило на радостной, светлой земле. Но выйти оттуда они не могут.

Так говорили греки. И вот царь Эврисфей приказал Гераклу спуститься в Тартар и, поймав адского пса Кербера, привести его на цепи в Аргос.

Все содрогнулись от страха, услышав такой приказ. Громко заплакали жалостливые люди: страшно было даже подумать, что живой человек должен спуститься туда, где толпятся только тени давно умерших. Но герой с радостью выслушал этот последний, двенадцатый приказ.

Прежде чем пускаться в путь, он сходил в город Элевсин, к мудрецам, которые жили там и не боялись смерти. В глубокой ночной тишине, при мерцающем свете факелов, старейший мудрец шепнул ему на ухо волшебное элевсинское слово: оно освобождало от страха смерти каждого, кто его услышал. Узнав это слово, человек уже ничего не боялся.

Смело направился после этого герой в дикие скалистые горы, где была расселина, ведущая в тёмный Тартар.

Чем дальше он шёл, тем тесней сдвигались вокруг него остроконечные голые утёсы, тем глубже и мрачнее становилась долина. Перестали звенеть цикады, скрылись куда-то птицы. Только змеи зловещим шипением провожали шаги могучего. Серые жабы расползались из-под его ног, да серые вороны, сидя на засохших деревьях, хрипло каркали ему вслед. Наконец среди ядовитых кустов волчьего лыка он увидел чёрное жерло пещеры. Холодом и сыростью, смертью и тлением веяло оттуда; от этого холода вздрогнул даже смелый воин, победивший Лернейскую гидру и Немейского льва.

В последний раз взглянул он вверх, в далёкое синее небо, на белые весёлые облака, потом взялся за ветви ядовитого кустарника и перешагнул через страшный порог. Но в тот же миг кто-то взял его под руку.

— Не бойся, сын Зевса, — сказал звонкий молодой голос.
— Наш отец послал меня, чтобы я довёл тебя до дворца Плутона. Иди за мной. Не в первый раз мне приходится проходить этот страшный путь.

Геракл оглянулся и увидел рядом с собой улыбающегося юношу с лукавыми глазами, с крылатым жезлом в руке. Маленькие крылышки трепетали у него на круглой шапочке; маленькие крылышки были и на тонких сандалиях. Плутоватый взгляд его так и бегал вокруг. Геракл сразу узнал в нём своего старшего брата.

Это был Гермес, небесный посол и вестник, бог торговцев, выдумщиков, изобретателей, а также бог всякой хитрости и плутней.

Рука об руку с ним спустился бесстрашный герой под мрачные своды подземного царства.

В страхе прянули в стороны лёгкие тени умерших при виде живого человека, облачённого в панцирь, с львиной шкурой на плечах. Только одна тень осталась на месте, уставив на путников страшные неподвижные глаза. Геракл узнал её — то была ужасная Медуза Горгона. На голове у неё росли не волосы, а змеи, тяжелый взор её обращал в каменный столб каждого, кто случайно взглядывал ей в глаза.

Нахмурясь, поднял было Геракл свою тяжёлую палицу, но Гермес тихонько коснулся его локтя.

— Не тревожься, брат, — шепнул он, — ведь это не сама Медуза, это только её бессильная тень. С тех пор как великий Персей, герой такой же смелый, как ты, убил её, она уже не может принести никому вреда.

Геракл опустил палицу, и они прошли мимо.

Тени толпами носились вокруг них, вздыхая, плача и жалуясь на свою судьбу. Многих знакомых встретил среди них Геракл. Много раз останавливали его тени, прося защиты и помощи.

Но он ничего не мог сделать для них.

Наконец вдали, в глубоком мраке, встал перед ним пышный и тяжёлый дворец Плутона, хмурого царя подземного мира.

Плутон насупил было брови, увидев перед собой живого Геракла. Но когда тот шепнул ему на ухо волшебное элевсинское слово, морщины на его лбу разгладились. Милостиво выслушал он просьбу героя и, подумав немного, сказал:

— Хорошо, сын брата моего, Зевса. Пусть будет так, как ты просишь. Я позволю тебе увести моего верного пса в мир живых. Но для этого ты должен сам, без всякого оружия в

руках, найти, поймать и сковать его. Ступай, и да сопутствует тебе удача.

Тотчас же пустился Геракл на поиски Кербера. От каменистых, скользких от гнили и плесени берегов Ахерона донёлся до него издали грозный тройной лай и рычание. С камня на камень прыгал, спеша напасть на человека, трёхглавый пёс.

Опёршись на верную дубину, ждал его Геракл, и когда страшный зверь со злым воем бросился ему на грудь, он отшвырнул далеко прочь палицу, стиснул мощными руками сразу все три его шеи.

Неистово рвался и бился в этих объятиях злобный сторож подземного царства. Змеи, росшие у него на гриве, яростно впились в рыжую шкуру льва. Хвост-дракон тщетно разил медно-блещущий панцирь. Всё было напрасно — руки Геракла сжимались всё туже.

И вот наконец поникли три головы свирепого пса. В страхе припал он к ногам героя и с жалобным визгом стал лизать ремни его сандалий. Тогда Геракл приковал Кербера к прочной цепи и вывел из тёмного Тартара на землю. В ужасе завыл и затрепетал рождённый во мраке пёс, как только первый луч солнца коснулся его глаз, — ведь он никогда не видал дневного света. Ядовитая пена заklubилась на трёх его

мордах, и там, где капли падали на тёплую землю Греции, выростала ядовитая трава аконит.

Наконец Геракл, ведя за собой Кербера, прибыл в Аргос. Едва взглянув на чудовище, Эврисфей закрыл лицо руками и, убежав, забился в самый дальний покой своего дворца.

— Довольно, Геракл, довольно! — кричал он. — Я не смею держать у себя на службе того, кто победил саму смерть. Сведи скорее это чудовище обратно в тёмный Тартар и потом ступай куда хочешь. Ты совершил все двенадцать подвигов. Наказание кончилось. Боги простили тебя. Ты свободен.

Так и случилось.

Геракл отвёл Кербера назад в дикие горы и выпустил его в чёрную расселину земли.

Сам же он наконец вздохнул полной грудью и вернулся в Шивы, где ждала его верная жена Мегара.

Вот и закончен рассказ про двенадцать деяний Геракла.

Подвигов много ещё совершил он до славной кончины,

Но невозможно певцу, богоравного славу исчерпав.

Всё до конца передать, что о нём говорили потомки.

Время бежит да бежит. Над землёю проносятся годы.

Слава людей увядает, но слава народов — бессмертна.

Греческий мудрый народ воплотил себя в дивном Геракле,

И до скончания веков никогда мы о нём не забудем.

Примечания

1

У римлян Геракл называется Геркулесом

2

Кентавр — полулошадь, получеловек. Над туловищем коня над передними ногами поднимался у кентавров человеческий торс.

3

Мойра. — Их было три. Одна из них пряла нить жизни человека, вторая помогала ей, третья перерезала нить, когда человеку наступал черёд умереть.

4

Названия греческих островов.

5

Бореады — дети Борея (греч.).

6

Эос — богиня утренней зари.

7

Так называли греки созвездие, которое мы зовём
Большой Медведицей.

8

Эолиды — дети Эола (греч.).